

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 58

Издательство Томского университета
2013

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, профессор *С.А. Елисеев*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прозументов*,
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.С. Дергач*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 58 / под ред. д-ра юрид. наук С.А. Елисеева, д-ра юрид. наук Л.М. Прозументова, д-ра юрид. наук В.А. Уткина, д-ра юрид. наук О.И. Андреевой, д-ра юрид. наук М.К. Свиридова, канд. юрид. наук Н.С. Дергача. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 184 с.

ISBN 978-5-7511-2209-6

В сборник включены статьи преподавателей, научных сотрудников, аспирантов Юридического института ТГУ и других юридических учебных заведений Сибирского федерального округа. Статьи посвящены актуальным вопросам уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, а также актуальным вопросам теории и практики расследования преступлений криминалистическими средствами. Авторами исследуются теоретические проблемы, вопросы практики деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных и судебных органов, вносятся предложения по повышению эффективности правового регулирования предупреждения преступности и предупредительной деятельности органов уголовной юстиции.

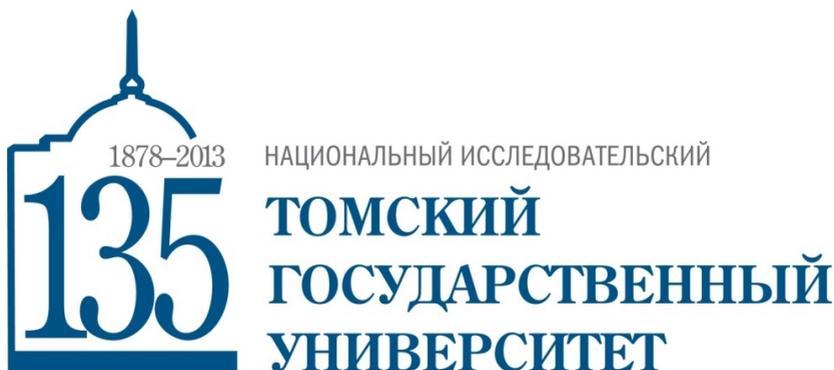
Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов уголовной юстиции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-7511-2209-6

© Томский государственный университет, 2013

135 лет служения Отечеству!

В 2013 г. Национальный исследовательский Томский государственный университет отмечает свой юбилей – 135 лет основания. ТГУ – это уникальный вуз с мировым именем, в котором классический подход к образованию сочетается с более чем вековым опытом подготовки практико-ориентированных специалистов, а фундаментальный научный потенциал находит приложение в реализации прогрессивных инновационных идей.

ТГУ сегодня является одним из крупнейших вузов страны – на 23 факультетах и в учебных институтах учатся более 19 тысяч студентов по 135 направлениям и специальностям многоуровневой подготовки. Сильнейший кадровый состав включает в себя более 400 докторов и 800 кандидатов наук, среди них – 43 лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники; 43 научные школы входят в президентский перечень ведущих научных школ России.

Системная работа с талантливой молодежью обеспечила ТГУ лидирующее положение среди вузов России по количеству наград, полученных студентами и молодыми учеными: за последние 5 лет студенты ТГУ удостоены 25 медалей РАН, более 500 отмечены медалями и дипломами Минобрнауки РФ.

Университет активно взаимодействует с предприятиями различных отраслей, разрабатывая программы профессиональной подготовки и переподготовки, ориентированные на конкретного заказчика. Партнерами ТГУ сегодня являются более 750 предприятий и организаций.

В 2010 г. ТГУ была присвоена категория «национальный исследовательский», затем были весомые победы в конкурсах по постановлениям Правительства РФ № 218, 219. Яркий показатель включенности ТГУ в современное экономическое развитие России – это лаборатории, оснащенные самым современным оборудованием, ученые с мировым именем, проводящие исследования на базе университета и совместно с университетскими коллективами, пояс малых инновационных предприятий. Показательна и высокотехнологичная база: учебные, научные, внедренческие центры (48 научно-образовательных центров, 12 центров коллективного пользования и др.), суперкомпьютер СКИФ Siberia, мощная приемопередающая станция спутниковой связи и др.

ТГУ прочно интегрирован в мировое образовательное пространство благодаря реализации совместных учебных и научных программ с ведущими вузами и научными центрами мира.

Уникальным преимуществом университета является гармоничное развитие всего спектра гуманитарных, физико-математических и естественных наук, которое позволяет расширять междисциплинарные исследования и добиваться синергетического эффекта при решении сложнейших фундаментальных и прикладных задач современной экономики и общественной жизни.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

ЭКСТРЕМИЗМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА

С.А. Капитонов

Уголовно-правовая оценка любого деяния, способного дестабилизировать какие-то социально значимые отношения в нашем обществе, является первым шагом противодействия его вредоносности.

Незыблемость государственной власти, подвергаемая модным теперь сомнениям, повышающим ее привлекательность, подстрекает к поиску средств, с помощью которых могут низвергаться и возвышаться те, кто заполучил ее или только мечтает об этом.

Государственная власть хороша до тех пор, пока она соответствует своему политическому и юридическому смыслу. Политически государственная власть представляет собой инструмент проявления заботы обо всех нас вместе и каждом из нас в отдельности. Юридически она так или иначе способ оптимизации официально установленных рамок, влекущий социально значимые последствия. Ассоциативные образы исследователей-юристов развивают этот оптимизационный аспект проявления власти до аналогий с экстремизмом.

Несомненно, и по этой причине экстремизм – одно из явлений, притягивающих внимание исследователей-юристов. Здесь заметна работа И.И. Бикеева и А.Г. Никитина. Книга хорошая, добротная, глубокая, юридическая и исполненная гражданственности¹.

Вывод ее авторов сводится к тому, что экстремизм как «вид правового поведения является недостаточно познанным социальным явлением». Они полагают, что в ряде случаев экстремизм может быть полезен, а значит, приемлем и даже поощряем в нашем обществе. В предлагаемой упомянутыми авторами постановке экстремизм впол-

¹ Бикеев И.И., Никитин И.И. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. 320 с.

не и способ проявления государственной власти, и инструмент добывания государственной власти, и аргумент против ее обладателей.

Представляется все же, что экстремизм – не правовое, а именно противоправное поведение. И научная юридическая привлекательность его не в том, что оно недостаточно познанное социальное явление, а в том, что это явление юридически значимое, общественно опасное, причиняющее вред и представляющее постоянно реализуемую угрозу нашему обществу – упорядоченному в государство социуму. Прочие попытки перейти какую-то грань вполне охватываются бытовым понятием «экстрим».

Если экстремизм – явление общественно опасное, то следует пещься о проблеме его юридического распознавания и юридических мерах защиты общества от его проявлений. В этой конструкции он является угрозой государственной власти – доверенному политикам народом инструменту, предназначение которого – не только обращение народного доверия в обязательный закон, но и обращение народных ожиданий в гарантированную поддержку. Поэтому экстремизм надо искоренять, чтобы он не угрожал развитию и защищенности нашего общества.

Если экстремизм – явление правовое и социальное, то в этой конструкции власть – всего лишь благо, к которому стоит стремиться и которое можно сначала присвоить, а потом защищать от посягательства конкурентов.

В такой конструкции экстремизм достаточно контролировать и наращивать подобно ядерному потенциалу для того, чтобы противоборствующие по поводу власти социальные группы могли угрожать им друг другу. И правовые нормы нужны им не как средства юридической защиты общества (социума) от опасности, а как правила политической игры за власть в клубе социальных элит. Может быть, в этом и скрыты корни всех протестов, маршей, митингов и цветных революций?

СОГЛАСОВАНИЕ НОРМ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА – ТРЕБОВАНИЕ И ДЛЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ, И ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ

В.И. Плохова

1. Вопросы согласования норм уголовного и уголовно-процессуального права, уголовного и административного, налогового,

гражданского, трудового права всегда порождали дискуссию. Нельзя не отметить и разную степень сложности и разработанности различных аспектов этой проблемы. Например, особенности взаимосвязи с нормами административного права в последнее время стали чаще обсуждаться на уровне Конституционного Суда РФ, основы соотношения которых выработаны нормами международного права и закреплены в Конституции РФ. Более сложные отношения возникают при регулировании с так называемыми регулятивными отраслями права, часть из которых исследуется в литературе (например, с нормами гражданского права), другие только актуализируются (например, с нормами трудового права, в том числе согласование и применение дисциплинарной ответственности)¹.

2. Отправными положениями при решении обозначенной проблемы должны быть нормы международного права, Конституции РФ, решения Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ.

Интерпретация Европейским судом ст. 4–6, 18 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 1 Протокола № 1 к ней и других документов свидетельствует о необходимости исследования межотраслевой классификации правонарушений по их социальной сущности, нового среза в делении права на публичное и частное, возможности использования средств публичного права в частном и наоборот.

Постановления Конституционного Суда РФ посвящены разным аспектам принципа непротиворечивости норм права. Непротиворечивость для закрепления и толкования уголовно-правовых норм означает отсутствие противоречий как между самими статьями уголовного закона, ее общей и Особенной частями, внутри частей, так и с нормами, в том числе санкциями регулятивного и другого, кроме уголовного, деликтного законодательства. В них на межотраслевом уровне оценивается закрепление признаков составов преступлений и административных правонарушений с позиций: а) принципа определенности и б) соблюдения пределов ограничения прав человека².

3. Преступление и гражданский спор – не одно и то же. Об этом высказался Конституционный Суд РФ по делу о проверке конституционности ст. 90 УПК РФ в связи с жалобой граждан В.Д Власенко

¹ См., напр.: *Абузярова Н.А.* Коррупционные проявления в трудовых отношениях // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 58–59.

² См. более подробно: *Плохова В.И.* Социальное и правовое обоснование уголовного закона (на примере преступлений в сфере экономики): учеб.-метод. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011.

и Е.А. Власенко¹. Не в каждом арбитражном деле предмет спора совпадает с предметом доказывания по уголовному делу. Как указал Конституционный Суд РФ, и признание, и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными и имеют определенные, установленные процессуальным законом пределы. Пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства. Поэтому в уголовном судопроизводстве судом лишь могут быть приняты в качестве межотраслевой преюдиции данные о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского производства, но не его квалификация как противоправного, которая с точки зрения уголовного закона имеет место только в судопроизводстве по уголовному делу. Более того, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действия лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

4. В работах, посвященных взаимосвязи материального и процессуального уголовного права, в постановлениях Конституционного Суда РФ отмечается, что предметом регулирования уголовно-процессуального законодательства, как это следует из ст. 1–7 УПК РФ, является порядок производства (досудебного и судебного) по уголовным делам на территории РФ. Нормы уголовно-процессуального права не могут подменять или отменять положения уголовного законодательства, определяющие преступность и наказуемость деяний, а также виды и размеры наказаний. В постановлении Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 г. № 22-П отмечается, что ст. 2 УПК «...не регламентирует территориальную подсудность уголовных дел – она реализует предписание частей второй и третьей статьи 11 УК РФ...»²

¹ Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

² Рос. газета. 2012. 26 окт.

Между тем и современный законодатель, и правоприменитель нередко не следуют этим требованиям. Так, согласно ст. 28.1 УПК РФ под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе РФ в результате совершения налоговых преступлений, понимается уплата в полном объеме следующих сумм: недоимки в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу; соответствующих пеней; штрафов в размере, определяемом в соответствии с НК РФ. Однако в понятие ущерба от преступления в уголовном праве даже в самом широком его понимании не включаются пени и штрафы. В связи с этим представляется, что Уголовно-процессуальный кодекс толкует по-своему устоявшиеся в уголовном праве понятия.

Следовательно, уголовно-процессуальное право иногда (см. также примечание к ст. 201 УК РФ и ст. 23 УПК РФ) выходит за пределы своего предмета регулирования и вторгается в область регулирования норм уголовного права.

СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

А.В. Шеслер

Действующая редакция уголовного закона дает основания определять соисполнительство как совершение преступления группой лиц (ч. 1 ст. 35 УК РФ). Поэтому действия соисполнителей преступления квалифицируются так же, как действия исполнителя, т.е. без ссылки на ст. 33 УК РФ. Значимость группового преступления как квалифицирующего признака конкретного состава преступления или как обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ), порождает в литературе различные точки зрения на этот вид соучастия, которые влияют на формирование судебной практики. К числу обсуждаемых проблем относятся прежде всего характеристика субъектного состава группы лиц и роль этих лиц в совершенном преступлении.

Некоторые исследователи считают, что как групповое преступление следует квалифицировать не только соисполнительство, но и все случаи выполнения объективной стороны конкретного состава преступления несколькими лицами, из которых лишь одно может быть субъектом преступления, а все остальные таковыми не являются в си-

лу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости. Такая квалификация обосновывается тем, что она позволяет отразить повышенную общественную опасность подобных посягательств¹. Эта позиция нашла закрепление в ряде ранее действовавших постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР (РФ)² и воплощение в судебной практике³. Наша критика этой позиции основывается на толковании уголовного закона. Содержание ч. 1 ст. 35 УК РФ свидетельствует о том, что участниками группового преступления могут быть только исполнители, а исполнителями преступления по смыслу ч. 2 ст. 33 УК РФ могут быть только лица, обладающие признаками субъекта преступления. Кроме того, критикуемая позиция порождает достаточно сложную и практически не разрешимую с позиций уголовного закона проблему, а именно необходимость законодательного закрепления минимальных возрастных границ и границ расстройств психической деятельности лиц, которые не являются субъектами преступления, но могут быть признаны участниками преступной группы. Поэтому фактические участники совместно совершенного преступления, не являющиеся его субъектами, могут быть признаны участниками группы не в уголовно-правовом, а в криминологическом значении. Такое участие и его общественная опасность тоже получают уголовно-правовую оценку через норму о посредственном совершении преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Однако эта оценка влечет уголовно-правовые последствия только для того участника группового посягательства, который является субъектом преступления и действия которого квалифицируются как действия исполнителя преступления. Такой позиции в настоящий период преимущественно придерживаются и судебная практика⁴.

Роль лиц, которые являются участниками группы, в совершенном преступлении также понимается по-разному. В большинстве случаев

¹См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 36–38; *Михеев Р.И.* Невменяемый. Владивосток, 1992. С. 111–114; *Рарог А., Есаков Г.* Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // *Российская юстиция*. 2002. № 1. С. 51–53.

²См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6; 1971. № 4; 1983. № 10; 1990. № 7; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.

³См.: Комментарий к УК РСФСР. М., 1980. С. 185; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8.

⁴См., напр.: п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // *Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам*. М., 2001. С. 181.

судебная практика исходит из того, что действия каждого из участников группы полностью или частично охватываются основным признаком объективной стороны конкретного состава преступления – деянием¹. Вместе с тем в отношении соучастников хищения, связанных предварительным сговором и присутствовавших в одно время вместе с исполнителем на месте совершения преступления, однако не выполнявших объективной стороны конкретного состава хищения и только содействовавших выполнению этого состава исполнителем, допускается их признание участниками группы². В связи с этим отметим следующее: если считать соисполнителями преступления указанных лиц, то невозможно будет установить отличие между соисполнителями и лицами, действиям которых уголовный закон придает различную общественную опасность и различное юридическое значение (ст. 33, 34, 67 УК РФ)³. По этой причине следует поддержать те решения судов, в которых соисполнителями преступления следует считать лиц, полностью или частично выполнивших объективную сторону конкретного состава преступления.

Таким образом, соисполнительство (совершение преступления группой лиц) – это такая форма соучастия в преступлении, при которой действия каждого из соучастников (лиц, обладающих признаками субъекта преступления) полностью или частично охватываются основным признаком объективной стороны конкретного состава преступления, т.е. деянием.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ В СВЕТЕ ППВС РФ ОТ 27.09.2012 № 19

О.А. Беларёва

Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступ-

¹ См., напр.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8. С. 3.

² См., напр.: п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 2001. С. 180.

³ Отметим, что в литературе широкая трактовка соисполнительства осуществлялась в основном в отношении участников организованной группы (см., напр.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений. С. 61–62.

ление» от 27.09.2012 № 19¹ было ожидаемым и, естественно, вызвало пристальный интерес.

В целом можно отметить, что Пленум Верховного Суда РФ сохранил преемственность между основными положениями вновь принятого постановления и разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР. Вместе с тем следует отметить ряд новелл и уточнений, способных повлиять на применение законодательства о необходимой обороне.

1. Пленум Верховного Суда РФ сформулировал социально-правовое значение института необходимой обороны – обеспечить баланс интересов, связанных с реализацией задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей, с одной стороны, и с возможностью правомерного причинения им вреда – с другой. Признавая вынужденный характер такого вреда, следует стремиться к его минимизации.

2. Заслуживает внимания перечень обстоятельств, которые должны учитываться судами при определении возможности обороняющегося объективно оценить характер и степень опасности нападения для применения ч. 2.1 ст. 37 УК РФ. Но вот как оценивать перечисленные обстоятельства, Пленум не разъяснил.

3. Пленум ВС РФ разъяснил судам, что уголовная ответственность за вред, причиненный при превышении пределов необходимой обороны, может последовать только в случае причинения тяжкого вреда здоровью или смерти. Представляется, что позиция законодателя в этом отношении единообразна для любого случая причинения вреда в состоянии необходимой обороны, поэтому причинение, например, средней тяжести вреда здоровью при отражении посягательства не влечет уголовной ответственности только при условии, что не превышает пределы необходимой обороны.

4. Странной видится изложенная в п.13 рекомендация судам, решающая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, учитывать, в частности, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью, возможность оборонявшегося лица отразить посягательство, иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц. Всегда ли суд может установить данные обстоятельства, оценить их объективно?

¹ Рос. газета. 2012. № 227. 3 окт.

5. Больше всего споров и обсуждений вызвал п.17 ППВС РФ от 27.09.2012 г. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что правила о необходимой обороне распространяются только на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых законом интересов от общественно опасных посягательств. Кроме того, лицо, применяющее такие устройства, несет риск несоответственного или случайного причинения вреда. Защитив охраняемые интересы автоматически срабатывающими устройствами, обороняющийся не может (а иногда и не хочет) оценивать обстановку, в которой эти устройства работают. Этим и объясняется возложение риска причинения вреда, не вызываемого обстановкой, на лицо, которое использует подобные устройства.

Подводя итог, можно отметить, что предложенные новеллы вряд ли будут способствовать созданию единообразной судебной практики по делам о причинении вреда в состоянии необходимой обороны. Вопрос, как защитить себя (или другого) и самому не стать преступником, пока остается без четкого ответа, понятного не только профессиональному юристу, но и обычному человеку.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ДЕЯНИЕ», «ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ» И «ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

О.С. Хорошилова

Как правило, категории «малозначительное деяние», «приготовление к преступлению», «покушение на преступление» связываются в науке с незначительной либо пониженной общественной опасностью деяния, поэтому возникает вопрос: возможны ли такие ситуации, в которых деяния, представляющие собой приготовление или покушение на преступление, будут одновременно являться малозначительными, что повлечет непривлечение к уголовной ответственности лица, его совершившего?

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не

представляющее общественной опасности. Все же следует согласиться с теми учеными, которые указывают, что малозначительному деянию присуща определенная общественная опасность, но уровень ее не достигает того минимально необходимого уровня, при котором деяние признается преступлением, а не просто проступком¹. Выделяются следующие признаки малозначительного деяния:

1. Обладает противоправностью, т.е. запрещено УК РФ, поэтому содержит в себе все признаки состава преступления.

2. Причиняет незначительный вред или создается угроза причинения такого вреда (объективный признак).

3. Умысел виновного изначально направлен на причинение незначительного ущерба, поэтому может быть только прямым и конкретизированным (субъективный признак).

Приготовление, если давать краткое определение, опираясь на ч. 1 ст. 30 УК РФ, – это умышленные действия лица, направленные на создание условий, облегчающих совершение задуманного преступления. Приготовлению присуща определенная общественная опасность, но значительно ниже, чем оконченому преступлению, поскольку лицо, совершая приговорительные действия, еще не посягает непосредственно на объект уголовно-правовой охраны.

Покушение согласно ч. 3 ст. 30 УК РФ – это умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Налицо начало выполнения объективной стороны, но общественная опасность покушения обычно все же не достигает уровня оконченого преступления.

При соотношении признаков малозначительного деяния, приготовления к преступлению и покушения на него получаем следующее: все указанные деяния являются противоправными. Объективный признак малозначительного деяния также может присутствовать: и в результате приготовления, и в результате покушения может причиняться незначительный вред. Проблема лежит в плоскости субъективного критерия. Поскольку для признания деяния малозначительным требуется, чтобы конкретизированный умысел виновного был направлен именно на причинение незначительного вреда, а умысел при приготовлении и покушении всегда направлен на совершение преступления, т.е. на

¹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. С. 257.

причинение вреда значительного. Поэтому умышленные деяния, являющиеся приготовлением к преступлению либо покушением на преступление, не могут признаваться малозначительными, как это делают некоторые авторы¹.

О ПРАВЕ СУДА ИЗМЕНИТЬ КАТЕГОРИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А.В. Миллер

08.12.2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым ст. 15 УК РФ была дополнена ч. 6, дающей российским судьям право на изменение категории преступления при рассмотрении конкретного уголовного дела. Согласно Пояснительной записке к законопроекту, по замыслу его автора, наделение судей полномочием изменять категорию преступления имеет целью «индивидуализацию наказания и вынесение справедливых приговоров».

Как показывает практика обжалования постановлений², вынесенных в порядке гл. 47 УПК РФ, и суд первой инстанции, и суд вышестоящей инстанции в 2012 г. при отказе в удовлетворении ходатайств о пересмотре приговоров в порядке ст. 10 УК РФ и применении ч. 6 ст. 15 УК РФ в качестве мотивировки ссылались на мнение прокурора и тождественную этому мнению формулировку об «установленных фактических обстоятельствах преступления и степени его общественной опасности», не позволяющих применить норму закона, иным образом смягчить наказание.

Произведенный по итогам первого квартала 2012 г. анализ содержания конкретных судебных актов³ в части применения ч. 6 ст. 15 УК

¹ См., напр.: *Якименко Н.М.* Оценка малозначительности деяния: учеб. пособие. Волгоград, 1987. С. 21; *Кузнецова Н.Ф.* Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 147–149.

² Автор исходит из содержания судебных актов судов г. Томска и Томской области по делам, в которых он принимал участие в качестве защитника либо по которым он осуществлял подготовку жалоб для осужденных, консультирование.

³ См., к примеру: кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ: по делу № 49-О11-113 от 12.01.2012, по делу № 82-О11-56 от 17.01.2012, по делу 56-О11-80 от 09.02.2012, по делу 82-О12-1 от 05.03.2012, по делу № 5-О12-14, надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного

РФ показал, что в большинстве случаев суды других регионов и Верховный Суд РФ основания для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ разграничивают на правовые и фактические; вывод об отсутствии или наличии фактических оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую мотивируют посредством «полного» исследования в судебном заседании конкретных материалов дела, посредством раскрытия в мотивировочной части судебного акта перечня и содержания каждого из «фактических обстоятельств преступления»; в мотивировочной части судебного акта приводят также анализ и описание всех и каждого обстоятельств, смягчающих наказание, данных о личности и роли лица в совершении деяния.

Помимо «фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности» как при рассмотрении ходатайств о пересмотре приговоров в порядке ст. 10 УК РФ, так и при постановлении приговора суды должны в обоих случаях руководствоваться общими началами назначения наказания.

По итогам изучения судебных актов, согласно которым ч. 6 ст. 15 УК РФ была применена судами¹, можно сделать вывод о том, что учету при принятии решения о наличии или отсутствии оснований для смягчения наказания, о применении или неприменении ч. 6 ст. 15 УК РФ подлежат также следующие данные о личности осужденного: а) пол, возраст, образование и т.д.; б) семейное положение; в) наличие прежних судимостей; г) отношение осужденного к содеянному, раскаяние, признание вины; д) имущественное положение осужденного; е) сведения о вредных последствиях преступления (к примеру, о наличии иска, иные); ж) сведения о том, в какой период времени до осуждения и по каким причинам прекращена преступная деятельность; з) влияние назначенного наказания (и снижения назначенного наказания) на исправление осужденного; и) влияние назначенного наказания (и снижения назначенного наказания) на условия жизни семьи осужденного.

Суда РФ от 01.03.2012, по делу № 72-Д11-10, кассационные определения Московского городского суда от 24.01.2012, по делу № 22-484/2012, от 08.02.2012, по делу № 22-1357, кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.02.2012 по делу № 1-53/2012, кассационное определение Верховного Суда Республики Карелия от 26.12.2011 по делу № 22-2801/2011 и др. (СПС «КонсультантПлюс»).

¹ См., к примеру: кассационное определение Верховного Суда РФ от 09.08.2012 № 11-О12-50; кассационное определение Верховного Суда РФ от 10.07.2012 № 11-О12-39; кассационное определение Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 88-О12-23; кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.05.2012 № 50-О12-18; кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.02.2012 № 47-О12-7; определение Верховного Суда РФ от 19.01.2012 № 48-Д11-27 и др. (СПС «КонсультантПлюс»).

ЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВЗГЛЯДА НА ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Р.Е. Токарчук

Первыми публичными уголовными деяниями, в отношении которых было введено государственное преследование, стали дела «ведомых лихих людей», основанные на субъективно-нравственном взгляде на преступление. Этот взгляд основан на цели искоренения ведомых лихих людей, а не запрете и преследовании преступных деяний или охране каких-либо прав.

Субъективно-нравственный взгляд базировался на общественных представлениях о злом (ведомом лихом) человеке, когда уголовное преследование зависело от индивидуальной оценки преступника обществом или государственными органами. Определение субъекта сыскным порядком на первоначальном этапе публичного уголовного преследования было более легкой задачей, чем определение состава совершенного им деяния. Статус лихого человека (тать или разбойника) определялся либо повальным обыском («лихованием»), либо признанием под пыткой.

Губные дела не делились по ценности объекта и были неопределенными многообъектными. Разбойные и татебные дела предполагали совершение механически соединенных преступлений против различных объектов, только некоторые из них (убийство, пожар дворов или хлеба) влияли на тяжесть уголовного наказания. Причинение вреда объекту посягательства компенсировалось из «животов» лихих людей в гражданском порядке. Соответственно в период действия субъективно-нравственного взгляда в уголовном законодательстве отсутствовали представления о назначении наказания по совокупности преступлений.

Объективную сторону составов губных дел формировал субъект преступления, определяемый стереотипным способом действия при совершении злых деяний. Тать, презираемый трусливый (коварный и вероломный) злой человек, совершал татебные дела татебным образом, т.е. тайно или исподтишка, не имея на это действие никаких прав. Разбойник, дерзкий (отважный и благородный) злой человек, совершал разбойные дела путем разбоя, т.е. посредством победы над противником (потерпевшим) в открытом бою. Разделение это произошло в период торжества права сильного, когда разбойник, разбивающий противника в честном бою, имел исконное право победителя

на распоряжение «животом» побежденного, его имуществом, статусом или властью, почему стал преследоваться земскими мирами значительно позднее татя. Статус татя и разбойника в истории права можно определенно сравнить со статусом «врага народа», хорошо известным в середине XX в., или статусом «вора в законе» современного грузинского уголовного законодательства.

Современное уголовное законодательство России воплощает объективно-юридический взгляд на преступление, основанный на цели охраны общественных благ, а не искоренения преступников. В этом подходе преступные деяния делятся по ценности объекта посягательства¹, а наказание в случае совершения нескольких разнообъектных преступлений предусматривает правила сложения. Но, несмотря на торжество объективно-юридического взгляда, в действующем законодательстве продолжают присутствовать некоторые рудименты субъективно-нравственного подхода. Уголовный процесс до сих пор не избавился от суда присяжных («повального обыска»), чаще всего определяющего преступника на основании субъективно-нравственной оценки, а уголовное законодательство все еще предусматривает материальные многообъектные преступления (например, разбой). При объективно-юридическом взгляде на преступление закономерна дифференциация причинения вреда в зависимости от ценности каждого объекта. Приведенные рудименты субъективно-нравственного взгляда на преступление при объективно-юридическом подходе неуместны.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НОРМ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УК РФ

М.В. Морозов

Согласно ч. 2 ст. 3 УК РФ применение уголовного закона по аналогии запрещено. Вместе с тем можно отметить ряд случаев применения норм Общей части УК РФ, когда аналогия не только безвредна, но даже когда она в большей степени способствует реализации принципов законности и справедливости, чем отказ от нее.

Например, определенную сложность вызывает толкование *места совершения преступления*, имеющего неразрывную связь с террито-

¹ См.: Токарчук П.Е. Эволюция форм хищения в уголовном законодательстве России XVII–XVIII веков. М., 2013. С. 8–25, 48–49.

риальным принципом действия уголовного закона в пространстве. Эта сложность обусловлена в том числе и тем, что понятие «место совершения преступления» не определено в российском уголовном законе. Согласно одной из точек зрения, место совершения таких преступлений следует определять, исходя из времени их совершения (ч. 2 ст. 9 УК РФ)¹. Полагаем, что необходимо согласиться с данной позицией. Ведь если рассматриваемое решение вопроса определения места преступления основывается на аналогии с нормой, предусмотренной ч. 2 ст. 9 УК РФ, то определение места совершения преступления, исходя из места наступления последствий, имеет еще меньшую связь с уголовным законом. Такая позиция не следует ни из аналогии закона, ни из системного его толкования.

Таким образом, указанный случай позволяет прийти к, казалось бы, парадоксальному выводу о том, что, если не учитывать ч. 2 ст. 3 УК РФ, применение уголовного закона по аналогии больше способствует реализации законности, нежели неприменение аналогии.

Не только принципу законности, но и принципу справедливости способствует использование аналогии при применении ст. 18 УК РФ в части определения вида *рецидива преступлений*, в которой образовался пробел. Если толковать положения ст. 18 УК РФ буквально, то в поведении лица, имеющего судимость за тяжкое преступление, за которое он отбывал лишение свободы, а затем совершившего особо тяжкое преступление, может наличествовать только простой рецидив (ч. 1 ст. 18 УК РФ). Для признания такого рецидива особо опасным в соответствии с ч. 3 ст. 18 УК РФ необходимо, чтобы за тяжкое преступление лицо было осуждено два раза, а в данном случае, как видно, тяжкое преступление совершено лишь один раз. Но чтобы признать такой рецидив опасным (п. «б» ч. 2 ст. 18 УК РФ), последовательность совершения преступлений должна быть иной – сначала особо тяжкое, а потом тяжкое преступление. Таким образом, указанная ситуация не описана ни в ч. 2, ни в ч. 3 ст. 18 УК РФ. В связи с этим, чтобы преодолеть данный пробел, Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение по аналогии с данным пунктом: «По смыслу статьи 18 УК РФ, совершение особо тяжкого преступления лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, за которое он отбы-

¹ Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. С. 85. Другая точка зрения предполагает определение места совершения преступления, исходя из места наступления общественно опасных последствий деяния.

вал лишение свободы, образует опасный рецидив преступлений (часть 2 статьи 18 УК РФ)¹. Очевидно, что Пленум выбрал по аналогии наиболее схожую норму (п. «б» ч. 2), видимо руководствуясь соотношением тяжести преступлений (особо тяжкое и тяжкое) и принципом толкования всех сомнений в пользу обвиняемого.

Таким образом, при буквальном толковании рассмотренных положений ст. 18 УК РФ необоснованно снижается оценка общественной опасности лица, в деяниях которого усматривается опасный рецидив преступлений.

Полагаем, что по вышеуказанным причинам аналогия норм Общей части должна быть разрешена на законодательном уровне. Однако восполнение пробелов при помощи аналогии в Особенной части УК РФ недопустимо так как сформулированные в ней запреты подлежат только строгому толкованию.

ПРИЗНАКИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

С.А. Лебеденко

Прямое упоминание о моральном вреде в диспозициях норм Особенной части УК РФ встречается крайне редко. Представляется, что подобная ситуация связана с традиционным для уголовного закона стилем описания последствий, в основе которого лежит правило отображать лишь реально осязаемые формы проявления преступного вреда. На самом же деле фактически наступающие общественно опасные последствия значительно шире. Моральный вред поглощается всеми видами преступных последствий, он как бы заранее запрограммирован законодателем в статьях Особенной части УК РФ.

Так, предлагая подробное описание тяжкого вреда здоровью, закон одновременно создает признаки, указывающие на тяжесть морального вреда, ибо наступление любого из перечисленных в ч. 1 ст. 111 УК РФ последствий предполагает причинение потерпевшему значительных физических и нравственных страданий. УК РФ содержит достаточное количество преступлений, в которых отсутствует

¹См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 1. С. 4.

указание на наступление тяжких последствий для жизни и здоровья. Например, диспозиция ст. 116 УК РФ выстроена таким образом, что, указывая на отсутствие признаков причинения значительного вреда здоровью, акцент делается на причинении потерпевшему морального вреда, который в сравнении с основными последствиями обладает наибольшей степенью общественной опасности. На данное обстоятельство указывает унижающий и оскорбительный характер отдельных способов нанесения побоев. В объективной стороне ст. 117 УК РФ наряду с физическим вредом содержится прямое указание на признаки морального вреда, выраженное в употребляемой законодателем категории «причинение психического вреда».

Кроме того, способы истязания, используемые преступником, являют собой наглядную демонстрацию разнообразнейших вариантов причинения физических и нравственных страданий. В преступлениях, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, общим критерием выступает насилие или угроза его причинения как потерпевшей (ему), так и другим лицам. К числу обстоятельств, повышающих количественные показатели морального вреда, относятся: наступление беременности, совершение изнасилования либо иного сексуального действия в извращенной форме, на глазах родственников и др. В диспозициях ст. 134, 135 УК РФ нарушение физиологического здоровья и применение насилия к потерпевшему вовсе не предусмотрены. Преступные последствия в большей степени выражаются в причинении именно морального вреда, характер и степень общественной опасности которого напрямую связан с несовершеннолетним возрастом потерпевшей (его). Совершение действий, предусмотренных ст. 137, 138 УК РФ, объединяет нематериальность объекта преступного посягательства. При разглашении сведений, составляющих личную или семейную тайну, потерпевший испытывает физические и нравственные страдания, связанные с обнародованием информации, составляющей его частную жизнь. Степень претерпевания физических и нравственных страданий существенно повышается в зависимости от характера содержания разглашенных сведений и количества лиц, которым данные сведения стали известны. На причинение морального вреда как неизбежно вытекающее последствие, находящееся за пределами состава, указывают нормы, включенные в гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» (ст. 150–157 УК РФ).

Диспозициями ст. 242, 242.1, 242.2, 244 УК РФ причинение физических и нравственных страданий прямо не называется, однако

их существование представляется настолько очевидным, что законодатель не мог не учитывать их при конструировании соответствующих составов.

Таким образом, несмотря на то, что моральный вред нематериален и его трудно оценить количественно, степень его общественной опасности может быть большей, чем в случаях наступления материального или физического вреда, что не должно оставаться без внимания правоприменителя.

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ДЕЯНИЯ КАК ПРИНЦИП ЕГО КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

Ю.А. Одинцева

Принципы криминализации, понимаемые как ее основные идеи, отправные моменты ее осуществления, в определенной мере являются гарантией от возможных ошибок законодателя. Так, Г.А. Злобин отмечал, что «только последовательное применение к оценке конкретного вида деяний всей системы принципов криминализации может создать достаточное обоснование для введения или отмены уголовно-правовой нормы»¹.

Исследователи теории криминализации и декриминализации деяний приводят различный набор основных, учитываемых в совокупности принципов криминализации. Практически в каждой системе принципов представлен принцип относительной распространенности деяния.

И.М. Гальперин указывал на необходимость решения комплекса задач для принятия решения о введении уголовной ответственности, среди которых выделял изучение распространенности конкретных действий и оценки типичности их как формы проявления антиобщественного поведения².

В.И. Курляндский, разделяя факторы криминализации на связанные с общественной опасностью деяния и не связанные с ней, а в рамках второй группы в числе социальных называет относи-

¹ Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 208.

² Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 58.

тельную распространенность деяний¹. П.С. Дагель степень распространенности общественно опасных деяний относит к числу объективных условий криминализации².

Наиболее развернутая классификация принципов криминализации предложена Г.А. Злобиным, в рамках которой принцип относительной распространенности деяния отнесен к числу принципов, выражающих объективную необходимость и политическую целесообразность установления уголовной ответственности³.

Принцип относительной распространенности криминализируемого деяния подчеркивает необходимость учета при установлении уголовной ответственности за какое-либо общественно опасное деяние его неединичного характера. Деяние, преследуемое в уголовном порядке, не может быть случайным, редким для общества, исключительным в силу сложившихся обстоятельств; и напротив, должно быть типичным, повторяющимся в разных условиях⁴. Относительная распространенность деяния – категория оценочного характера. Сложность реализации данного принципа выражается в том, что и высокая и низкая степень распространения деяния может выступать одновременно условием как криминализации, так и декриминализации соответствующего деяния.

Высокая степень распространения общественно опасного деяния должна требовать неукоснительного реагирования со стороны уголовного законодательства, вместе с тем перевод большого числа граждан с распространенными формами отклоняющегося поведения в категорию преступников не будет воспринят общественным правосознанием как справедливый, что вряд ли поспособствует повышению престижа уголовного закона. Так, несмотря на широкую распространенность, деяния, предусмотренные ст. 200 УК РФ «Обман потребителей», в 2003 г. подверглись декриминализации.

Низкая степень распространенности деяния обуславливает прежде всего его декриминализацию, поскольку наличие «мертвых» норм не повысит престиж законодателя и государства в целом. Однако следует учитывать, что, во-первых, определенные отношения должны подлежать охране под угрозой привлечения к уголовной ответственности, во исполнение одной из задач уголовного законодательства –

¹ Курляндский В.И. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности. Там же. С. 81.

² Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 67–74.

³ Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. С. 199.

⁴ Там же. С. 290.

предупреждение преступлений (ст. 2 УК РФ), а во-вторых, отсутствие практики реализации уголовных норм при высокой степени распространенности деяний, возможно по иным причинам, связанным с особенностями выявления преступлений, доказывания по ним.

УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

С.М. Фролова

В соответствии с ч. 1 ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ. Более строгое наказание из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Перечень обстоятельств, смягчающих наказание, определен в ч. 1 ст. 61 УК РФ. Он не является исчерпывающим.

Исследование показало, что ко всем осужденным судами при назначении исправительных работ учитывались следующие обстоятельства: возраст осужденного, совершение им преступления небольшой тяжести. Судами также учитывалось наличие положительной характеристики либо с места жительства, либо с места работы или учебы несовершеннолетних (в 23,31% случаев). В отношении 33,67% лиц учитывалось совершение несовершеннолетним преступления впервые. В качестве смягчающих обстоятельств указывалось и то, что ранее осужденный не привлекался к уголовной ответственности (в 37,30%), «признал вину» (в 29,01%), «не состоял на учете в ПДН» (в 18,65%), «раскаялся в содеянном» (в 13,47%). Необходимо принимать во внимание и то, что в неко-

торых случаях судами учитывалось сразу несколько из перечисленных выше обстоятельств в качестве смягчающих наказание. В одном приговоре суд указал такое смягчающее наказание, как «несовершеннолетний обладает хорошими способностями к обучению»¹; в некоторых приговорах вообще отсутствовала какая-либо ссылка на смягчающие обстоятельства.

Перечень обстоятельств, отягчающих наказание, представлен исчерпывающим образом в ст. 63 УК РФ. Исследование показало, что в основном суды учитывали такое отягчающее обстоятельство, как «ранее привлекался к уголовной ответственности». Согласно ст. 89 УК РФ при назначении наказания несовершеннолетнему судам следует учитывать не только обстоятельства, предусмотренные ст. 60 УК РФ, но и условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень его психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц.

Учет условий жизни и воспитания несовершеннолетних необходим с целью всестороннего изучения личности самого несовершеннолетнего, особенностей его характера, уровня интеллектуального и нравственного развития. Изучение материалов уголовных дел в отношении несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, показало, что в большинстве из них не содержалось необходимого количества или объема сведений об условиях жизни и воспитания несовершеннолетних. Во многих уголовных делах было недостаточное количество характеризующего материала в отношении самого несовершеннолетнего, его семьи. В ряде уголовных дел содержалась односторонняя информация, касающаяся только преступления, совершенного несовершеннолетним, при этом отсутствовали какие-либо сведения о личности самого несовершеннолетнего, его семьи, ближайшем окружении, особенностях его семейных отношений.

Судами при назначении наказания в виде исправительных работ не в полном объеме изучается личность несовершеннолетнего вопреки требованиям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством (ст. 73, 84, 86, 220 УПК РФ).

¹ Архив Кировского районного суда г. Томска. Дело № 1-608/11.

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО ПРАВА

К.В. Попов

Как нам представляется, воззрения на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания как на «межотраслевой институт», «комплексный институт» и т.п. определения не отвечают современным реалиям. Если до 2003 г. эту позицию можно было считать адекватной действующему уголовному законодательству и рассматривать как компромисс между специалистами по уголовному праву, учеными-пенитенциаристами и учеными-процессуалистами, то сегодня очевидно, что институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания является институтом уголовного права. Для такого вывода есть правовые, социально-экономические и организационные основания.

Во-первых, Конституция РФ устанавливает, что лицо признается виновным только на основании вступившего в законную силу приговора суда. Виновность и наказуемость деяния согласно ст. 3 УК РФ устанавливаются только уголовным законом.

Вопросы назначения наказания, освобождения от наказания и замены наказания разрешаются исключительно в рамках уголовного закона (ст. 3 УК РФ, разд. III «Наказание», разд. IV «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» УК РФ). Следовательно, суд, принимая решение об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, должен руководствоваться только уголовным законом.

Во-вторых, администрация исправительного учреждения уже не играет той роли, которая ей отводилась по уголовно-исполнительному законодательству до декабря 2003 г. Как известно, федеральные законы от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 08.12.2003 № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» внесли существенные изменения в порядок подачи ходатайств об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Если раньше ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания

подавались в суд исключительно по усмотрению администрации исправительного учреждения, то с декабря 2003 г. право подачи ходатайств было изъято из компетенции администрации исправительного учреждения. Теперь право подачи ходатайств об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в судебные органы принадлежит только осужденным (либо их законным представителям). Соответствующие изменения были внесены в УИК РФ и УПК РФ. Согласно подп. 2 п. 1 ст. 399 УПК РФ вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания принимается к рассмотрению судом только при наличии ходатайства об этом со стороны осужденного¹. Пункт 4 ст. 113 УИК РФ был изложен в новой редакции, в которой уже отсутствовала такая поощрительная мера, как «представление к условно-досрочному освобождению»².

С учетом изложенного следует дать определение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как института уголовного права. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания – это отказ государства от карательного воздействия на поведение осужденного, отбывающего реальное лишение свободы, под условием правоупотребительного поведения в течение испытательного срока.

СОВЕРШЕНИЕ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЯ

М.А. Сутурин

Нельзя ожидать от наказания того, что оно дать не может, отмечал М.Д. Шаргородский. Оно не может ликвидировать преступность, которая порождается определенными социальными условиями, но оно

¹ Ранее, т.е. до 8 декабря 2003 г., решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, а также об отмене условно-досрочного освобождения в соответствии со ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации рассматривались только «по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание» (ст. 399 УПК РФ от 18.12.2001 в ред. от 30.06.2003).

² Ранее, т.е. до 8 декабря 2003 г., п. 4 ст. 113 «Меры поощрения, применяемые к осужденным к лишению свободы» УИК РФ имел следующую редакцию: «Осужденные, которые для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания, могут быть представлены к условно-досрочному освобождению; с учетом поведения осужденного он может быть представлен к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

может при тех же социальных условиях воздействовать на преступность в сторону ее снижения, препятствовать росту преступности¹.

На страницах научной литературы можно встретить достаточно большое число подходов к пониманию эффективности нормы права в целом и уголовного наказания в частности². Не вдаваясь в их подробный анализ, в данной работе мы будем исходить из следующего тезиса: эффективность наказания – результативность, действенность, достижение поставленных задач.

Анализ складывающейся правоприменительной практики, статистической информации свидетельствует о том, что далеко не всегда уголовное наказание (любой его вид), применяемое как ко взрослым, так и несовершеннолетним осужденным, характеризуется вышеуказанными признаками эффективности. Например, по данным ГУФСИН России по Иркутской области, в среднем ежегодно уровень повторной преступности несовершеннолетних, проходивших по учетам УИИ, составляет 6–8% от общего количества. При этом следует иметь в виду следующее. Во-первых, это показатели совершения преступлений в период отбывания наказания. То есть в этот статистический объем не включается информация о совершении повторных преступлений после отбытия наказания и, возможно, снятия или погашения судимости. Во-вторых, нужно иметь в виду и определенную (по мнению многих специалистов, большую) латентную часть преступлений, совершенных несовершеннолетними, отбывающими или отбывшими наказание.

Конечно, не совсем корректно сводить показатели эффективности наказания исключительно к совершению или несвершению повторных преступлений. Однако не учитывать этого нельзя. Проблема определения эффективности того или иного наказания, применяемого к несовершеннолетним, представляется более глубокой

¹ Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб., 2004. С. 317–318; Он же. Избранные труды по уголовному праву. СПб., 2003. С. 262–263.

² См., напр.: Кузнецова О.А. Пороки правовой нормы: «диагностика» и предупреждение // Журнал российского права. 2005. № 3; Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3; Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983; Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977; Ольховик Н.В. Эффективность альтернатив лишения свободы в России // Охрана прав несовершеннолетних и развитие альтернативных наказаний: сравнительно-правовые аспекты: науч.-практ. конф. (Томск, 2006 г.): материалы / под ред. В.А. Уткина, Ф. Дюнкеля. Томск, 2008.

и требует своего рассмотрения как минимум в нескольких проекциях. Во-первых, анализ содержания и карательной составляющей конкретного вида наказания, назначение и применение которого к несовершеннолетнему формально возможно. Во-вторых, анализ механизма реализации (исполнения и отбывания) этого наказания. В-третьих, анализ особенностей личности современного подростка, совершающего преступление, и их учета при применении конкретного наказания. В-четвертых, анализ подготовленности социума к принятию или непринятию (пассивному отвержению) того или иного вида наказания. Анализ и учет всего вышеперечисленного позволит более грамотно и с точки зрения законодательных конструкций, и с точки зрения правоприменительной практики, и с точки зрения социальной ценности уголовно-правовых норм выстраивать взаимоотношения «государство (общество) – несовершеннолетний, совершивший преступление». Это, в свою очередь, объективно будет способствовать снижению уровня повторной преступности несовершеннолетних и повышению уровня эффективности применяемых в отношении их видов уголовного наказания.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.А. Никитина

Формирование в России новых экономических отношений сопровождалось невиданным ранее ростом преступности в сфере производства, распределения и обращения материальных благ. Современная отечественная преступность приобретает экономическую направленность или детерминируется изменениями, происходящими в экономической системе.

Это определяет приоритетность охраны экономических интересов, а следствием этого возникла необходимость в пересмотре позиции уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.

В настоящее время применение норм, содержащихся в гл. 22 УК РФ, ограничено правовой и практической неразработанностью вопросов, связанных с механизмом разграничения смежных преступ-

лений, в которых объекты преступных посягательств зачастую трудноразличимы (например, ст. 159, 176 УК РФ), казуистичностью диспозиций новых норм о впервые криминализованных деяниях, альтернативностью и мягкостью санкций, установленных за совершение многих из преступлений в сфере экономической деятельности.

Разрешение указанных проблем возможно посредством коренного совершенствования уголовного законодательства.

Необходимо уточнение и упрощение по сравнению с действующим УК ряда составов преступлений, чтобы предусматривающие их нормы были применимы на практике, в частности путем включения в составы преступлений только тех признаков, которые поддаются установлению и доказыванию в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. Так, нуждаются в уточнении признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 174, 178, 184, 185 и др.

Целесообразно включить в новый УК обязательные приложения (по типу приложения к УК РСФСР 1960 г.), содержащие все законы и другие нормативные правовые акты (или их отдельные нормы), на которые сделаны ссылки в бланкетных диспозициях статей Особенной части УК.

Нуждаются в существенном ужесточении санкции статей об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности и за незаконное участие в предпринимательской деятельности и, в частности, соотнесении их с санкциями за другие преступления с учетом степени общественной опасности тех и других деяний.

Ужесточение санкций за преступления в сфере экономической деятельности необходимо для того, чтобы приучить лиц, осуществляющих экономическую деятельность, и должностных лиц, управомоченных ее так или иначе регулировать, не допускать никаких нарушений закона, сделав подобные нарушения, образно говоря, «невыгодными». Причем не обязательно указанное ужесточение сохранять на все время действия УК, достаточно, чтобы оно просуществовало до тех пор, пока упомянутые нарушения закона перестанут быть столь многочисленными.

Необходимо преодоление проблемы коллизионности уголовного и целого ряда регулятивных отраслей, в первую очередь гражданского права, банковского права, финансового права, бюджетного права, затрудняющих применение уголовно-правовых норм при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Современная уголовная политика в условиях рыночной экономики не должна стоять перед дилеммой чрезмерного ограничения или, напротив, необоснованного усиления охранительной функции уго-

ловного закона в сфере экономики. Она должна быть адекватной происходящим процессам, учитывать криминогенные тенденции в экономической сфере, способствовать снижению криминальных рисков в области экономических отношений, наконец, быть оптимальной с точки зрения охраны физического и духовного здоровья народа, равной защиты разных форм собственности, поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ НЕВМЕНЯЕМОСТИ ЛИЦА И ПРИМЕНЕНИИ К ДАННОМУ ЛИЦУ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

В.В. Лощинкин

В соответствии с уголовным законодательством невменяемость – это устанавливаемый на основании медицинского и юридического критериев психический статус лица, исключающий его способность выступать в роли субъекта преступления. Установление невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние (далее – ООД), является прерогативой суда, который выносит свое решение на основании оценки медицинской характеристики психического состояния человека и своих собственных выводов о том, как это состояние повлияло на его поведение в обстоятельствах совершения ООД. Лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера (далее – ПММХ), предусмотренные Уголовным кодексом. Поскольку в процессе установления невменяемости лица и применения к нему мер медицинского характера между собой взаимодействуют две стороны (эксперт-психиатр и судья), эффективность этого процесса может быть обеспечена только в случае единого понимания упомянутыми лицами таких категорий, как невменяемость и общественная опасность лица, совершившего ООД в состоянии невменяемости.

Для ответа на вопрос, есть ли такое понимание в судебной практике, 30 практикующим судьям была предложена анонимная анкета, состоящая из вопросов по трем основным направлениям: определение

невменяемости в судебной практике; оценка в судебной практике заключения эксперта-психиатра; определение общественной опасности психически больного лица и применение к нему принудительной меры медицинского характера. В таком порядке рассмотрим полученные результаты анкетирования.

По вопросам об определении невменяемости лица установлено, что 40% судей относят невменяемость к медицинской категории, полагая, что ее установление является компетенцией эксперта-психиатра, который должен давать по этому вопросу категоричное заключение. Однако считают, что невменяемость является категорией медико-юридической, состоящей из медицинского и юридического критериев. Вместе с тем все 100% судей убеждены в том, что установление факта невменяемости лица – исключительная прерогатива суда.

По вопросам об оценке заключения эксперта-психиатра установлено, что 70% судей уверены в том, что они могут оценить это заключение и, руководствуясь данным заключением, определить юридический критерий невменяемости лица, остальные не определились в этом отношении.

Несколько иначе выглядит ситуация с ответами судей на вопросы, касающиеся определения общественной опасности психически больного. 80% считают, что общественная опасность психически больного является медицинской категорией (ибо зависит только от психического состояния лица) и устанавливается экспертом-психиатром. Другие полагают, что это категория медико-юридическая, которая определяется исходя из психического состояния лица, тяжести совершенного им деяния, особенностей личности данного лица и устанавливается только судом.

Подавляющее большинство (95%) судей при вынесении постановления о применении к психически больному лицу принудительной медицинской меры и ее вида основывались исключительно на результатах судебно-психиатрической экспертизы. При этом ни один из опрошенных респондентов не взял на себя ответственность не согласиться с заключением эксперта-психиатра по вопросу применения к лицу ПММХ и ее вида и принять самостоятельное решение.

Таким образом, обобщенные результаты анкетирования сотрудников судебных органов достаточно наглядно демонстрируют то, что фактически вопросы о невменяемости лица, определении его общественной опасности и применении к нему ПММХ решает не суд, а эксперт-психиатр.

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Е.В. Черемисин

Несовпадение перечня задач уголовного закона и перечня реальных объектов уголовно-правовой охраны в Особенной части УК неоднократно подвергалось критике со стороны научного сообщества. Звучали предложения по формулированию таких задач более широкими категориями, чтобы оставить поле для деятельности законодателя по криминализации и декриминализации тех или иных деяний¹.

Подобные инициативы остаются не востребованными законодателем, а изменения Особенной части УК продолжают усугублять вышеописанные противоречия.

Одним из примеров такого рода является исключение в 2011 г. из гл. 17 Уголовного кодекса («Преступления против свободы, чести и достоинства личности») ст. 129 (клевета) и 130 (оскорбление) с одновременным закреплением административной ответственности за данные деяния.

Подобный шаг, оцениваемый некоторыми авторами положительно, в том числе как важная уступка демократии², вряд ли может быть признан соответствующим задачам уголовного закона, охраняющего достоинство личности как базовую конституционно-правовую ценность.

Декриминализация привела к тому, что в гл. 17 УК не осталось преступлений, непосредственным объектом которых являлось бы достоинство личности. Тем самым объявление достоинства благом, подлежащим уголовно-правовой охране, стало носить декларативный характер.

В настоящее время данное несоответствие частично устранено, поскольку состав клеветы возвращен в уголовный закон. Оскорбление, в свою очередь, продолжает оставаться административным правонарушением. На этом противоречивом фоне в УК сохраняют-

¹ Голук Ю.В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве: аналитический доклад. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 24–25.

² Денисов С.А. Конец этапа контрреформ в государственном праве России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 33–37.

ся специальные составы оскорбления (ст. 297, 319, 336), а также предпринимаются попытки по конструированию новых составов подобного рода.

В частности, 26.09.2012 г. в Государственную Думу ФС РФ внесен законопроект № 142303-6, предусматривающий дополнение Уголовного кодекса статьей 243.1 «Оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан и/или осквернение объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения религиозных обрядов и церемоний».

По результатам обсуждения законопроекта 12.11.2012 г. на заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека принято решение о необходимости его доработки. Президент констатировал на заседании Совета, что религиозные чувства должны быть защищены государством. При этом участники дискуссии пришли к выводу о том, что чувство – это «не правовое», «не юридическое понятие»¹.

Обозначенная дилемма о необходимости защиты религиозных чувств и невозможности определения их в категориях права поставила под сомнение возможность скорого воплощения в жизнь названной законодательной инициативы.

Представляется, что правильному решению проблемы будет способствовать научное исследование вопроса о чувствах и убеждениях как объектах уголовно-правовой охраны, изучение соответствующего исторического и зарубежного опыта.

В действующих нормативно-правовых актах содержатся легальные формулировки, запрещающие оскорбление расовых, национальных, религиозных чувств (п. 6 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», п. 5 ст. 6 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», п. 6 ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»). В КоАП РФ с момента его принятия существует норма об ответственности за оскорбление религиозных чувств граждан (ч. 2 ст. 5.26 Кодекса).

Наличие таких законоположений дает основания для вывода о том, что чувства, наряду с честью и достоинством личности, персо-

¹ Стенограмма заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека 12.11.2012 // <http://президент.рф>

нальной свободой, воспринимаются государством как самостоятельные нематериальные блага, подлежащие правовой охране, а значит, существует потенциальная возможность их охраны и с помощью уголовного закона.

В то же время сложность практической реализации подобной идеи очевидна, и окончательные предложения по данному вопросу можно будет озвучить лишь после всестороннего и глубокого анализа проблемы, оценки всех условий и последствий предлагаемой криминализации.

При этом необходимым, не требующим дополнительного обсуждения шагом следует признать восстановление прежнего уровня уголовно-правовой охраны нематериальных благ путем возвращения в УК состава простого оскорбления, о чем не раз упоминалось теоретиками уголовного права¹.

О НЕКОТОРЫХ СЛОЖНЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ ИЛИ ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ

Н.В. Тыдыкова

Анализ правоприменительной практики показывает, что достаточно часто возникают сложности при квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера, совершенных в составе группы лиц или группы лиц по предварительному сговору.

Сложным является вопрос о таких преступлениях, когда преступники только использовали возникшее помимо них беспомощное состояние потерпевших. В литературе по этому поводу высказываются различные мнения. Так, Л.А. Андреева считает, что о групповом изнасиловании может идти речь, только если при использовании одним беспомощного состояния потерпевшей для совершения с ней полово-

¹ Голик Ю. Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2. С. 29–34.

го сношения другой активно помогал ему: изменял положение ее тела, раздевал и т. д.¹. Думается, что это не совсем верное решение вопроса, так как раздевание, изменение положения тела не входят в объективную сторону изнасилования, поэтому такое лицо не может быть признано соисполнителем, а следовательно, деяние не может быть квалифицировано как групповое. Судебная практика исходит из того, что если два или более лица использовали беспомощное состояние и оба совершили половые акты с потерпевшей помимо ее воли, то имеет место изнасилование группой лиц по предварительному сговору. Так, К. и Л., встретив ранее не знакомую им З., находившуюся в тяжелой степени опьянения, договорились о совершении изнасилования. С этой целью они взяли ее под руки и завели за гаражи, где поочередно совершили с потерпевшей половые акты против ее воли².

Затруднение при квалификации также возникает в случаях, когда совершается насильственное половое преступление группой лиц по предварительному сговору в отношении нескольких потерпевших и при этом насильственное действие сексуального характера с каждой из потерпевших совершает каждый участник группы. Представляется, что если в отношении разных потерпевших было совершено одно и то же преступление, то нет необходимости квалифицировать содеянное в отношении каждого из потерпевших самостоятельно. Если в отношении разных потерпевших деяние обладает разными квалифицирующими признаками, то указанию они подлежат все. Так, Г. признан виновным в совершении группой лиц по предварительному сговору изнасилования потерпевшей А., а также изнасилования потерпевшей М. группой лиц по предварительному сговору с особой жестокостью по отношению к потерпевшей. Содеянное суд квалифицировал по п. «б» ч. 2 ст. 131 и п. «б», «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ (в прежней редакции статьи), по совокупности преступлений. Президиум Нижегородского областного суда в своем постановлении указал, что действия Г. необходимо квалифицировать единым составом, поэтому подлежит исключению назначенное Г. наказание по п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ³. Применительно к таким случаям стоит оговориться, что если

¹ Андреева Л.А. Квалификация изнасилований. СПб., 1999. С. 42.

² Архив Алтайского краевого суда. Дело № 2-14/2007.

³ Приговор по делу об изнасиловании изменен в части сложения наказаний, так как суд необоснованно квалифицировал действия осужденного по п. «б» ч. 2 ст. 131 и п. «б», «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ, по совокупности преступлений. В соответствии со ст. 17 УК РФ действовавшего на момент совершения преступлений, совокупностью преступлений признавалось совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статья-

в отношении разных потерпевших участниками группы были совершены разные преступления, например, в отношении одной потерпевшей было совершено изнасилование, а в отношении другой – насильственные действия сексуального характера, то совокупность преступлений, конечно же, будет иметь место.

КВАЛИФИКАЦИЯ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

С.И. Гутник

В последние годы вопросы о правовых средствах защиты персональных данных стали предметом пристального внимания исследователей не только в России, но и за рубежом. В качестве одного из средств защиты такого вида конфиденциальной информации, как персональные данные, рассматривается установление различных видов ответственности за совершение посягательств на неприкосновенность таких данных.

Статьей 24 относительно Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 512-ФЗ установлено, что лица, виновные в нарушении требований настоящего федерального закона, несут гражданскую, административную, дисциплинарную и уголовную ответственность¹.

В то же время правоприменительная практика по привлечению виновных лиц к уголовной ответственности за преступные посягательства на персональные данные свидетельствует о том, что единообразия в применении норм уголовного закона в этой сфере нет. Так, анализ правоприменительной практики (в частности, приговоров, надзорных производств прокуратуры) показывает, что на практике применяют три нормы Особенной части УК РФ – ст. 137 («Нарушение неприкосновенности частной жизни»), ст. 183 («Незаконное раз-

ми или частями статьи Уголовного кодекса РФ, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/3907761/?search_query=%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5&from_search=1, свободный.

¹ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 512-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23.12.2010 № 359-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

глашение коммерческой тайны») и ст. 272 («Неправомерный доступ к компьютерной информации»)¹.

Указанные нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ преследуют правовую охрану совершенно разных объектов (благ или правоотношений). Так, ст. 137 УК преследует охрану общественных отношений по поводу реализации конституционного права гражданина на неприкосновенность частной жизни², ст. 183 – установленный порядок обращения со сведениями, составляющими коммерческую, банковскую или налоговую тайну³, ст. 272 УК РФ – компьютерную безопасность деятельности собственников, правомерных владельцев или пользователей информационных ресурсов⁴.

Такая разрозненность норм не может в полной мере обеспечить безопасность персональных данных на уровне уголовного закона. Не представляется возможным определить, какой интерес защищается в конкретном уголовном деле, поскольку указанные нормы лишь частично могут содержать признаки посягательств на персональные данные.

Нарушение неприкосновенности персональных данных порой бывает опасным не только потому, что причиняет вред личным нематериальным благам потерпевшего, но и создает в дальнейшем угрозу совершения в отношении его иных преступлений. Опасность для потерпевшего быть подвергнутым иным преступным посягательствам в силу известности злоумышленникам его персональных данных и обуславливает необходимость уголовно-правовой охраны персональных данных гражданина.

Мы можем констатировать, что персональные данные как информация ограниченного доступа нуждаются в специальной уголовно-правовой охране. Формулируя проблему специальной уголовно-правовой охраны персональных данных граждан, мы ставим вопрос о необходимости введения специальной нормы об уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности персональных данных. Возможно, это будет стимулом для рассмотрения данного вопроса законодателем.

¹ См., напр.: <http://www.pravo.ru/news/view/36877/>

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.

³ Там же.

⁴ *Наумов А.В.* Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование (постатейный) / под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1024 с.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА СОСТАВА НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

О.М. Шаганова

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, являются: родители несовершеннолетнего; иное лицо, на которое возложены обязанности по его воспитанию; педагог или другой работник образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Несмотря на то, что законодатель четко определил категории субъектов данного преступления, все же остается проблемным вопрос о том, как квалифицировать деяния лиц, проживающих совместно с несовершеннолетним и фактически участвовавших в воспитании ребенка, которые посягают на общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие несовершеннолетнего. Подобные ситуации складываются в случае, если отец ребенка, юридически не оформленный в таком качестве, не желает заниматься воспитанием и проявляет жестокость по отношению к последнему. Зачастую это происходит в неблагополучных семьях, когда лица, желая получать больше социальных пособий на несовершеннолетнего, документально оформляют статус «мать-одиночка». Получается, что отец по закону приходится отчимом собственному ребенку и, следовательно, он не может подлежать ответственности по ст. 156 УК РФ. Семейный кодекс РФ не устанавливает обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего для отчима и мачехи.

Другим примером выступает семья, где воспитываются дети от разных родителей. В случае если сожитель либо супруг (супруга) матери (отца) не исполняет или не надлежащим образом исполняет обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженные с жестоким обращением в отношении родного ребенка, то такое лицо привлекается к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ, а если в отношении не усыновленного пасынка (падчерицы), то оно уже не является субъектом данного преступления, следовательно, чаще всего остается безнаказанным. А чувство безнаказанности нередко приводит к совершению в отношении несовершеннолетнего более тяжкого преступления¹.

¹ Калинин А. Кто заботиться, тот и отвечает // Законность. 2006. № 11. С. 28.

Действующая редакция ст. 156 УК РФ не позволяет привлечь к ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением, бабушку, дедушку или другого родственника, если они взяли на временное или постоянное воспитание ребенка.

Таким образом, полагаем, что круг субъектов состава неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего необходимо расширить, включив в диспозицию ст. 156 УК РФ дополнительный субъект преступления – *лицо, фактически осуществляющее воспитание*. К такому лицу необходимо относить любое лицо, которое добровольно осуществляет воспитание несовершеннолетнего.

Под добровольностью в данном случае понимается возможность лица выбирать дальнейшее поведение осознанно и в соответствии со своей волей, без физического или психического принуждения.

Как представляется, введение в качестве альтернативы в редакцию ст. 156 УК РФ дополнительного субъекта преступления позволит повысить эффективность реализации рассматриваемой уголовно-правовой нормы в правоприменительной деятельности, тем самым обеспечив всестороннюю защиту прав и интересов несовершеннолетнего от преступных посягательств.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

М.Ю. Немцев

Развитие информационных технологий на современном этапе позволяет переносить все большую часть экономических процессов в сферу электронного оборота. «Информатизация» экономических процессов неизбежно влечет изменение традиционных институтов, регламентирующих их осуществление.

Так, рост электронной торговли привел к появлению электронных денег, соответственно, необходимости регулирования данной категории отношений, определению природы электронных денежных средств.

В Российской Федерации сфера электронной торговли длительное время оставалась без надлежащего правового регулирования и развивалась на фоне дискуссии о правовой природе электронных денег (единым среди ученых оставалось отрицание вещной природы электронных денег).

Данный пробел был устранен с принятием Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон).

Под электронными денежными средствами в соответствии с п. 18 ст. 3 Закона понимаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

Анализ положений Закона позволяет сделать вывод, о том что электронные денежные средства, как и безналичные денежные средства (права требования), имеют обязательственную природу.

Таким образом, при уголовно-правовой квалификации преступлений электронные денежные средства должны рассматриваться как право на имущество, соответственно, не могут быть предметом кражи.

Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» безвозмездное обращение денежных средств, находящихся на счетах в банках, в том числе путем неправомерного доступа в информационную систему, квалифицируется как мошенничество. Следовательно, учитывая сходство обязательственной природы, хищение электронных денежных средств путем неправомерного доступа к электронным средствам платежа должно квалифицироваться как мошенничество (после вступления в силу Федерального закона от 29.11.2012 № 207-ФЗ – как мошенничество в сфере компьютерной информации).

Однако анализ способов неправомерного доступа к электронным средствам платежа (например, путем распространения вредоносных программ и получением доступа к электронным кошелькам и при отсутствии потерпевшего) с последующим переводом электронных денежных средств позволяет усомниться в том, что имеет место обман, а следовательно, и мошенничество. Представляется, что в данном случае имеет место кража. В подтверждении данной позиции выступают положения п. 13 указанного выше постановления

ния Пленума Верховного Суда Российской Федерации (хищение денежных средств, находящихся на банковском счете физического лица путем использования поддельной банковской карты). В то же время, как было указано выше, право на чужое имущество предметом кражи являться не может.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости расширения предмета кражи путем включения помимо имущества права на чужое имущество.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ХИЩЕНИЯ

О.В. Ермакова

Проблема момента окончания хищения в российской науке уголовного права была поставлена и активно обсуждалась еще дореволюционными исследователями.

Господствующее положение в XIX – начале XX в. занимала теория завладения (*Occupations-Theorie*), согласно которой «похищение признается оконченным с момента перехода имущества из владения потерпевшего во владение виновного»¹. При этом еще в дореволюционной уголовно-правовой доктрине в рамках рассматриваемой теории были заложены предпосылки для такого толкования термина «завладение», которое получило распространение в отечественной науке уголовного права во второй половине XX в., послужив, наряду с положениями теории уноса, основой для создания теории реальной возможности пользоваться похищенным или распорядиться им по своему усмотрению².

Окончательное закрепление подобное определение момента окончания хищения произошло в п. 10 постановления «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» от 11 июля 1972 г. № 4, где Пленум Верховного Суда СССР указал: «Хищение следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоря-

¹ *Фойницкий И.Я.* Мошенничество по русскому уголовному праву. Сравнительное исследование. М., 2006. С. 179–180.

² *Пусторослев П.П.* Из лекций по Особенной части русского уголовного права. Юрьев, 1908. Вып. 1. С. 175–176.

жаться по своему усмотрению или пользоваться им»¹. Этот же подход отражен и в действующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, посвященных различным формам хищения.

Изучение уголовно-правовой литературы и судебной практики показывает, что такое решение рассматриваемого вопроса имеет существенный недостаток – подобное разъяснение в действительности вовсе не фиксирует момент окончания хищения, ведь Пленум Верховного Суда РФ не уточняет, в какой момент можно констатировать появление у виновного реальной возможности пользоваться имуществом или распорядиться им. Поэтому возникает необходимость толкования этого понятия, причем дается оно учеными и лицами, применяющими уголовный закон, весьма произвольно.

Анализ современной судебной практики свидетельствует о том, что суды нередко делают вывод о наличии у виновного возможности пользоваться или распоряжаться похищенным лишь в том случае, если виновный скрылся с места совершения преступления с похищенным имуществом. Если же он был задержан на месте преступления или вблизи него, содеянное, как правило, расценивают как покушение на хищение. В описательной части изученных приговоров нам, например, встретились следующие формулировки: «Крюков был задержан недалеко от места совершения преступления, что дает основания суду квалифицировать действия подсудимого как покушение на грабеж»²; «виновные не смогли довести преступный умысел до конца, поскольку на расстоянии 15-20 метров от места совершения преступления они были замечены сотрудниками милиции, не имея реальной возможности распорядиться похищенным»³.

Таким образом, следует констатировать, что определение Пленумом Верховного Суда РФ момента окончания хищения через такое оценочное понятие, как наличие у виновного реальной возможности пользоваться похищенным имуществом или распорядиться им по своему усмотрению, негативно сказывается на правоприменительной практике. Не случайно и в научной литературе встречаются суждения о том, что никакого универсального решения здесь быть не может, а все зависит от конкретных обстоятельств дела⁴.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 4.

² Архив Новоалтайского городского суда Алтайского края. 2009. Дело № 1-415.

³ Архив Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края. 2003. Дело № 1-461.

⁴ См., напр.: *Кочои С.М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 83.

По нашему мнению, для констатации оконченного хищения необходимо, чтобы произошел перевод имущества от собственника или иного владельца к виновному и собственник лишился возможности владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. С этого момента можно утверждать, что произошло изъятие чужого имущества и причинен вред собственнику или иному владельцу имущества.

К ВОПРОСУ О ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

И.В. Лозинский

В Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за незаконное получение кредита установлена ст. 176. В ч. 1 ее диспозиции рассматриваемое деяние определяется как «получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации». Часть 2 ст. 176 УК РФ предусмотрена ответственность за «незаконное получение государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению». В настоящей диспозиции оказалось фактически нераскрытым понятие «незаконное получение государственного целевого кредита», что, на наш взгляд, является ее недостатком.

В результате анализа ст. 176 УК РФ следует сделать вывод о некотором сходстве диспозиции ч. 1 ее с диспозицией ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение мошенничества в сфере кредитования¹. Согласно указанной диспозиции под мошенничеством в сфере кредитования понимается «хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений». Таким образом, ч. 1 ст. 159.1 УК РФ в отличие от ч. 1 ст. 176 УК РФ устанавливается ответственность за совершение более широкого спектра об-

¹ Введена Федеральным законом РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

щественно опасных деяний, имеющих место в сфере кредитования. Представляется, что в результате введения в УК РФ ст. 159.1 возможна конкуренция между ней и ч. 1 ст. 176.

Правомерным является вопрос: насколько оправдано существование в УК РФ ст. 176? Фактически запрещаемое ею деяние представляет собой разновидность мошенничества, посягающего на отношения собственности. При этом возникает парадоксальная ситуация: так, лицо, имеющее умысел на получение путем обмана кредита в размере 1500 тыс. руб., с целью избежания привлечения его к уголовной ответственности по рассматриваемой статье может зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, поскольку ответственность по ст. 159.1 УК РФ наступает только в случае, если сумма полученного незаконным путем кредита превысит указанный размер. Если кредит путем обмана получит лицо, которое не является индивидуальным предпринимателем, то до введения в Уголовный кодекс РФ ст. 159.1 возможно было привлечь его к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение мошенничества. Поэтому ст. 176 УК РФ не получила практического применения. Следует заметить, что уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за незаконное получение кредита, решает искусственно созданные задачи, вступающие в противоречие с уголовно-правовыми принципами вины и справедливости, отраженными в ст. 5–6 УК РФ.

Таким образом, необходимость в существовании уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за незаконное получение кредита, отсутствует. В рассматриваемой ситуации больший эффект способна дать уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за совершение мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ). В связи с этим, а также в целях избежания перегрузки действующего уголовного законодательства практически неприменимыми нормами необходима декриминализация незаконного получения кредита.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 282 УК РФ

Е.А. Авдеева

Пункт «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ устанавливает ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенное лицом с использованием своего служебно-

го положения. В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» к числу таких лиц отнесен довольно широкий круг субъектов: должностные лица (примечание 1 к ст. 285 УК РФ), государственные и муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, и лица, отвечающие требованиям, перечисленным в примечании 1 к ст. 201 УК РФ. Однако в правоприменительной практике в качестве лиц, использующих свое служебное положение в целях возбуждения ненависти, вражды, унижения человеческого достоинства, как правило, выступают главные редакторы газет: они либо выпускают в печать подготовленные иными лицами материалы, либо сами пишут статьи экстремистского характера и размещают их в своих печатных изданиях. Из приговоров судов видно, что обычно их считают лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя суды далеко не всегда обосновывают свои решения. При этом имеются и такие прецеденты, когда главных редакторов средств массовой информации привлекают к ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Исходя из положений ст. 19 Закона РФ «О средствах массовой информации», редакция журнала, газеты может быть как коммерческой, так и некоммерческой организацией (преимущественно это коммерческие организации). Согласно типовой должностной инструкции главного редактора эта должность относится к категории «руководители». В полномочия главного редактора, в частности, входит руководство работой редколлегии и редакции. Учитывая, что функции, связанные с руководством коллективом, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ являются организационно-распорядительными функциями, главный редактор средства массовой информации принадлежит к числу лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой организации. Использование им своего служебного положения выражается в реализации полномочий по разрешению публикации любых материалов без согласования их с учредителем, а также по осуществлению подбора и размещения материалов в номерах газеты. Не вполне понятно, однако, почему при этом повышается ответственность по сравнению с ч. 1 ст. 282 УК РФ, где в качестве альтернативного признака основного состава преступления предусмотрено использование средств массовой информации.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» деятельность средства массовой инфор-

мации может быть прекращена по решению суда в связи с публикацией в нем экстремистских материалов. Возможны случаи, когда, несмотря на наличие такого решения суда, газета (журнал) будет продолжать тиражироваться и публиковать экстремистские материалы и далее. В такой ситуации возникает вопрос об ответственности лица, фактически выполняющего функции главного редактора. Из ст. 16–17 Закона РФ «О средствах массовой информации» вытекает, что без регистрации СМИ юридически не существует. Следовательно, лицо, исполняющее обязанности главного редактора в таком издании, может быть привлечено к ответственности лишь по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Наконец, сложным является вопрос об оценке действий рядового журналиста, чья статья, впоследствии признанная экстремистским материалом, публикуется в СМИ с разрешения главного редактора. При квалификации содеянного в состоянии конкуренции оказываются ч. 1 ст. 282 УК РФ и соучастие в преступлении, предусмотренном п. «б» ч. 2 ст. 282: хотя лицо не может быть исполнителем последнего преступления, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ оно может быть иным соучастником в деянии специального субъекта.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА

А.В. Корнилов

В уголовно-правовой и криминологической литературе высказываются различные точки зрения по отношению экстремистского сообщества к организованной группе (ч. 3 ст. 35 УК России) или преступному сообществу (ч. 4 ст. 35 УК России). Так, имеется позиция, что экстремистское сообщество – это разновидность преступного сообщества¹. Однако это противоречит цели создания

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 5-е изд., доп. и испр. М., 2005. С. 718; Казакова В.А. Регулирование ответственности за организованную преступную деятельность // Проблемы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом: сборник научных трудов. М., 2004. С. 38; Тюнин В. Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. 2006. № 3. С. 52.

преступного сообщества как «совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений» (ч. 4 ст. 35 УК России). Не случайно законодатель разграничил нормы, закрепленные в ст. 210 и 282¹ УК России. Так, в ст. 282¹ УК России целью преступной деятельности является совершение преступлений экстремистской направленности, которые четко были определены в июле 2002 г. в ч. 1 ст. 282¹ УК России¹.

В первоначальной редакции ч. 1 ст. 282¹ УК России (Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ) все перечисленные выше преступления являлись преступлениями небольшой и средней тяжести. Внесение дополнений в УК России Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ изменило диспозиции ст. 213 УК России, в результате чего ч. 2 ст. 213 УК России из средней тяжести перешла в разряд тяжких, а часть третья была упразднена, так как особо квалифицирующий признак – совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, – стал конститутивным признаком хулиганства.

Таким образом, в первоначальной редакции ч. 1 ст. 282¹ УК России экстремистское сообщество отличалось от преступного сообщества целью преступного поведения. Так, если у членов экстремистского сообщества целью являлось совершение преступлений небольшой или средней тяжести (законодатель мог указать и ч. 3 ст. 213 УК России, которая была на тот период, т.е. совершение хулиганства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, – тяжкое преступление), то у членов преступного сообщества, в том числе и с экстремистской направленностью, целью является совершение одного или нескольких тяжких или особых тяжких преступлений. Это подтверждается ч. 4 ст. 35 УК России и санкциями ст. 210 УК России, которые значительно отличаются от санкций ст. 282¹ УК России, что, несомненно, отражает различную степень общественной опасности преступного поведения, предусмотренного ст. 210, 282¹ УК России.

¹ К ним относились: воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК России); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК России); хулиганство (основной и квалифицированный составы чч. 1 и 2 ст. 213 УК России); вандализм (ст. 214 УК России); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК России); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК России); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК России); возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 282 УК России).

В пп. 12–17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывается на возможность совершения экстремистским сообществом любых преступлений экстремистской направленности, как преступлений небольшой тяжести, так и особо тяжких преступлений (например, предусмотренных ст. 278 и 279 УК России). На наш взгляд, такая широкая трактовка цели деятельности экстремистского сообщества не соответствует степени общественной опасности, получившей оценку в санкциях ст. 282¹ УК России. Исходя из этого, правильной будет квалификация по ст. 210 УК России деятельности преступного сообщества экстремистского характера, если целью деятельности такового будет являться совершение тяжких и особо тяжких преступлений экстремистской направленности.

ВИДОВОЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 282² УК РФ

В.В. Стригуненко

Статья 282² УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности экстремистской организации (ч. 1) и участие в деятельности такой организации (ч. 2). В уголовно-правовой литературе нет единого мнения о видовом объекте этого преступления. Обобщая высказанные учеными на этот счет точки зрения, можно выделить две принципиальные позиции.

Сторонники первой (С.Н. Фридинский, А.Г. Хлебушкин, А.Н. Мондохонов) считают, что видовым объектом закрепленного в ст. 282² УК РФ преступления являются общественные отношения, обеспечивающие отправление правосудия¹. На их взгляд, организация деятельности экстремистской организации представляет собой разновидность преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, поскольку виновный не исполняет вступившее в закон-

¹ Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 30; Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 21; Мондохонов А.Н. Понятие экстремистской организации в Уголовном кодексе РФ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 5. С. 33.

ную силу судебное решение о ликвидации или запрете деятельности организации.

С этим мнением трудно согласиться. Рассуждая таким образом, авторы пытаются найти место в Уголовном кодексе для ст. 282². Однако криминализация тех или иных деяний происходит от необходимости защитить определенные группы общественных отношений. Исходя из необходимости такой защиты, формулируется диспозиция нормы, определяется санкция. В ситуации, когда из анализа диспозиции статьи делается вывод о том, в какую главу ее следует включить, иными словами, какую группу общественных отношений эта норма должна защищать, имеется серьезное логическое противоречие. Кроме того, было бы неверно сводить общественную опасность рассматриваемого деяния лишь к вреду, причиняемому неисполнением судебного решения, тем более что это решение не обращено к конкретному лицу.

Вторая группа ученых (О.С. Степанюк, М.И. Халиков, С.А. Балеев) считает, что видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 282² УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие соблюдение основ конституционного строя и безопасность государства¹. Этот подход представляется гораздо более обоснованным. Запрет деятельности или ликвидация экстремистской организации на основании вынесения и вступления в силу решения суда – это мера ответственности, которую государство возлагает на организацию в целом. Для ее членов такое решение есть правовая оценка деятельности организации со стороны государства. Государство таким образом предупреждает членов организации о недопустимости осуществления деятельности, имеющей экстремистский характер. Тем самым законодатель отодвигает применение мер уголовно-правового характера на момент, когда субъект, имея представление о характере такой деятельности, все равно продолжает ее осуществлять. Законодатель не умаляет общественной опасности экстремистской деятельности организации, но дает возможность членам организации пересмотреть свое поведение и отказаться от него. В противном же случае, при возобнов-

¹ *Степанюк О.С.* Некоторые вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности экстремистской организации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2009. № 10. С. 166; *Халиков М.И.* Экстремизм (уголовно-правовой аспект) // Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 2. С. 211; *Балеев С.А.* Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 39.

лении, продолжении деятельности, государство имеет все основания применять меры уголовно-правового характера к организаторам деятельности экстремистской организации и к ее членам. Такое понимание видового объекта вполне согласуется с приводимой в научной литературе оценкой деятельности воссоздаваемых экстремистских организаций как более опасной по сравнению с теми, которые, осуществляя экстремистскую деятельность, еще не получили должной правовой оценки со стороны государства через их ликвидацию или запрет.

ОБЪЕКТ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.М. Будатаров

Российская уголовно-правовая мысль традиционно исходила из того, что объектом должностных преступлений являются интересы государства. Еще в указе Петра I от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и наказании за оное» отмечалось, что взятки опасны постольку, поскольку «вред и убыток Государству приключить могут»¹. Разработчики проекта Уголовного уложения 1903 г. писали: «...преступным деянием по службе в тесном смысле будет вредоносная и незакономерная, а посему и преступная деятельность в порядке подчиненного государственного управления»². Подчиненное государственное управление – это такое управление, которое вверяется «... от Него (Государя. – С.Б.) местам и лицам, действующим Его именем и по Его повелению...»³, ибо «... власть управления государством принадлежит во всем ее пространстве Государю ...»⁴ В подавляющем большинстве советских и российских исследований объект должностных преступлений – это правильная (основанная на законе) работа (деятельность) органов государственной власти (публичного аппарата, отдельных звеньев государственного аппарата и т.п.).

В сфере преступлений против интересов государства размещались гл. 9 проекта Уголовного уложения 1813 г. («О наказаниях за престу-

¹ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945. Т. I. С. 210–212.

² Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 8. Гл. 35-я. СПб., 1895. С. 6.

³ Там же. С. 4

⁴ Там же. С. 3–4.

пления чиновников по их должности»), разд. V Свода закона уголовных 1832 г. («О преступлениях Чиновников по службе»), разд. V Уложения о наказаниях условных и исправительных 1845 г. («О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной»), гл. XXXVII Уголовного уложения 1903 г. («О преступных деяниях по службе государственной и общественной»). Аналогичный подход был воспринят советскими уголовными кодексами, а также УК РФ 1996 г.

Казалось бы, что определение объекта должностных преступлений как посягательства на интересы государства не может вызывать сомнений. Преступления совершают должностные лица органов власти. Они нарушают запреты, установленные законодательством о службе, подрывают авторитет государства.

Вместе с тем такой взгляд противоречит современным общественным отношениям, игнорирует предназначение органов власти в обществе. Конституция РФ предусматривает, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ передает право на власть своим представителям, которые обязаны действовать от имени и в интересах общества (ст. 3 Конституции РФ).

Следовательно, объектом должностных преступлений должны быть не интересы государства, а интересы российского общества. Поэтому основанием для выделения особой группы преступных деяний является не субъект преступления (должностное лицо, служащий), о чем часто пишут в юридической литературе, а общественная опасность подмены представителями власти интересов общества интересами частного характера. Корыстные, неразумные, несправедливые, нерадивые действия и решения чиновников причиняют существенный вред общественному порядку, общественной безопасности, общественной нравственности, здоровью населения, окружающей природной среде, культурно-образовательной сфере общества.

Предложенное понимание объекта должностных преступлений дает возможность четче определить сущность отдельных видов должностных преступлений, различать дисциплинарные проступки и преступления по службе, разграничивать должностные преступления от преступлений против интересов государства (против порядка управления и воинской службы).

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ДЕЯНИЕМ И ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ В СОСТАВЕ ХАЛАТНОСТИ

М.А. Тыняная

Халатность, как известно, относится к числу преступлений, совершаемых путем бездействия. Изучение уголовно-правовой литературы показывает, что суждения о характере связи между бездействием и общественно опасными последствиями в составе халатности неодинаковы.

Одни авторы полагают, что бездействие должностного лица и общественно опасные последствия в виде крупного ущерба, существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства обусловлены причинно-следственной связью. Так, Е.В. Царев отмечает, что в составе халатности причинная связь между деянием должностного лица и каким-либо последствием является прямой причинной связью и имеется лишь в том случае, если установлено, что надлежащее исполнение обязанностей исключило бы наступление соответствующих вредных последствий¹.

И.Г. Минакова также считает, что бездействие в составе халатности является причиной общественно опасных последствий, при этом уточняет, что наиболее удачно причиняющий характер бездействия в составе халатности объясняет теория информационной причинности, предложенная в свое время В.Н. Кудрявцевым, согласно которой бездействие, будучи пассивным с энергетической точки зрения, обладает определенными свойствами в информационном плане. Непередача полезной информации оставляет условия такими, какими они сложились на данный момент времени; эти условия могут быть благоприятны для действий вредных причин, а это ведет к вредному результату².

Другие авторы полагают, что неисполнение должностным лицом своих обязанностей чаще всего не является причиной общественно

¹ Царев Е.В. Уголовное законодательство об ответственности за халатность: история, современность, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 21.

² Минакова И.Г. Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 105.

опасных последствий. Так, В.К. Глистин обратил внимание, что основанием привлечения к ответственности за халатность фактически являются виновные действия, создавшие условия для действий иных лиц или сил¹.

П.С. Яни также пришел к выводу, что неисполнение должностным лицом своих обязанностей чаще всего не становится и не может стать причиной указанных в статье о халатности общественно опасных последствий. Неисполнение должностным лицом своих обязанностей является не причиной, но необходимым условием наступления общественно опасных последствий. Однако признание причинной связи обязательным элементом халатности, если под такой связью понимать непосредственное порождение общественно опасных последствий нарушениями по службе, исключает ответственность за халатность многих должностных лиц, имевших реальную возможность и обязанность предотвратить наступление общественно опасных последствий, но не сделавших этого. Поэтому предпочтительней, пишет он, считать, что причинная связь между нарушениями должностного лица по службе и общественно опасными последствиями в составе халатности имеет место в случае, когда надлежащее выполнение должностных обязанностей исключило бы наступление вредных последствий². Этой же позиции придерживается нередко и судебная практика³.

Без сомнения, общественно опасные последствия могут быть вызваны не только действием, но и бездействием виновного. Связь между бездействием и его общественно опасными последствиями имеет свои особенности. Причинной связи в том смысле, в котором ее понимают в уголовно-правовой науке, при бездействии нет. В отличие от действия, которое путем переноса вещества, энергии, информации вызывает изменения в окружающей действительности, само по себе бездействие таких изменений, конечно, не создает; лицо само активных действий, изменяющих мир, не производит, но позволяет внеш-

¹ См.: Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 89–93.

² Яни П.С. Сложности квалификации халатности // Законность. 2011. № 8. С. 15–17; См. также: Волженкин Б.В. Служебные преступления: учеб.-практ. пособие. М.: Юрист, 2000. С. 242.

³ См.: напр.: Кассационное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 21.06.2012 по делу № 22-258/2012.

ним силам природы, животным, механизмам, другим лицам вызывать вредные последствия. Бездействие выполняет роль условия наступления общественно опасных последствий и связано с ними не причинной, а кондициональной связью¹. Общественно опасный результат в составе халатности, как правило, не связан непосредственно с поведением бездействующего, он является производным от действий каких-либо внешних по отношению к бездействующему лицу сил². При бездействии лицо не препятствует наступлению общественно опасных последствий при наличии обязанности к этому, вследствие чего эти общественно опасные последствия наступают, или создает вследствие невыполнения возложенных на него обязанностей условия, которые приводят к наступлению общественно опасных последствий. При этом должностное лицо, создавшее условия для наступления общественно опасных последствий, несет ответственность только в том случае, когда на этом лице лежала специальная правовая обязанность по предотвращению вредоносного действия этих сил, и если выполнение его должностных обязанностей исключило бы наступление вредных последствий.

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАЕМНИЧЕСТВО

Е.В. Опалич

Статья 359 УК РФ о наемничестве – единственная работающая норма гл. 34 УК РФ. Проблемы регламентации ответственности за наемничество являются предметом диссертационных и монографических исследований (А.Д. Изъянов³, Н.О. Шандиева⁴). Исследователи данного вопроса считают, что ответственности за наемничество подлежат сотрудники частных военных компаний. Тем не менее в мире существует около 5000 таких компаний, в том числе и в РФ. Проект

¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 214; Уголовное право России. Часть Общая. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 176–178; Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 143–146; Он же. Детерминирующие связи в системе элементов состава преступления // Государство и право. 2005. № 2. С. 37–38.

² Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. С. 83.

³ <http://www.lawlibrary.ru/cart.php?sto=100&rnd=57691021>

⁴ <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1218706>

закона о частных военных компаниях вносился в Госдуму в апреле 2012 г., но закон принят не был. Его принятие потребует внесения изменений как в Особенную, так и в Общую часть УК РФ. Статья 359 УК РФ содержит определение наемника, которое не позволяет разграничить понятие сотрудника частных военных компаний и лица, подлежащего ответственности за наемничество. Следовательно, примечание к ст. 359 должно быть соответствующим образом изменено.

Законодательная регламентация деятельности частных военных компаний в РФ обусловит участие нашей страны в международных договорах, действующих в этой области. Одним из них является Документ Монтре¹. Данный нормативный акт прямо предусматривает применение уголовной ответственности юридических лиц в отношении частных военных компаний (п. «а» ст. 71). Поэтому создание частных военных компаний в РФ требует введения института уголовной ответственности юридических лиц (corporateresponsibility). Уголовному законодательству большинства государств этот институт известен.

Вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц в РФ является предметом дискуссии. Документ Монтре не является юридически обязывающим, но в нем содержатся нормы о видах ответственности, которые давно признаны в законодательствах многих государств и целесообразность введения которых в УК РФ является несомненной. Помимо корпоративной ответственности, пп. 16 и 27 Документа Монтре содержат норму о применении командной ответственности в отношении руководителей частных военных компаний (commandresponsibility).

Данный институт сложился в англо-саксонской системе. Стандарт Ямасито 1946 г. и стандарт Медина 1971 г.² устанавливают следующее правило: командир, зная о нарушении прав человека или военных преступлениях, совершаемых его подчиненными, будет привлечен к уголовной ответственности, если он не принял соответствующие меры к предотвращению этих преступлений. Этот институт получает признание и в континентальной системе права. Норма о командной ответственности содержится в ст. 391 УК Армении,³ в соответствии с которой уголовной ответственности подлежит начальник или должностное лицо, в пределах их полномочий, за непринятие во время

¹ <http://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf>

² http://en.wikipedia.org/wiki/Command_responsibility

³ <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>

вооруженного конфликта всех возможных мер к предотвращению совершаемых подчиненным преступлений.

УК РФ такого института не содержит. Безусловно, вопрос о введении в УК РФ нормы об ответственности командиров за действия подчиненных заслуживает обсуждения, поскольку пп. 16 и 27 Документа Монтре содержат норму о применении командной ответственности в отношении руководителей частных военных компаний.

В соответствии с уголовным законодательством России в нашей стране не учитываются и не признаются приговоры, вынесенные иностранными государствами, международными трибуналами и Международным уголовным судом. Данный пробел должен быть ликвидирован.

К ВОПРОСУ О МИНИМАЛЬНО ДЕЛИМЫХ ЭЛЕМЕНТАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

С.В. Чубраков

Установление минимально делимых элементов любого исследуемого объекта (вещи, системы) является одним из наиболее важных этапов его системной характеристики. Применительно к уголовно-исполнительному праву (равно как и к российскому праву в целом либо к его любой отрасли) выявление его первичных элементов необходимо, в частности, для правильного осуждения его принципов.

Известно, что фактически любой исследуемый объект может быть рассмотрен как совокупность различных частей, в том числе частей разного уровня. Это означает, что установление минимально делимых элементов уголовно-исполнительного права является всего лишь частью его элементного описания, поскольку оно включает в себя также и характеристику объединения этих первичных элементов в большие промежуточные подсистемы (например, в институты). При этом в системной теории общепризнанным является то, что минимальность элемента, составляющего объект (вещь, систему), зависит от отношения, в котором данный объект рассматривается, и от той цели, которая ставится перед данным объектом.

В теории права и отраслевых науках в качестве минимальных элементов называют, как правило, правовые нормы. Однако пока отсутствуют общепризнанные подходы к описанию их свойств и к вы-

ведению их структуры: одни считают ее двухчленной, другие – трехчленной и т.д. При перенесении подобных теоретических представлений на конкретику (т.е. на текст нормативно-правовых актов, содержащих данные правовые нормы) возникает огромное количество сложностей, связанных с простым установлением границ данных правовых норм и их частей (гипотез, диспозиций, санкций). Более того, проблема не исчерпывается тем, что у одной диспозиции может быть далеко не одна санкция либо гипотеза, а усложняется за счет того, что гипотезы и санкции сплошь и рядом могут иметь не уголовно-исполнительную природу (т.е. находиться, например, в УК РФ или УПК РФ).

Это явное несоответствие теоретических представлений и правовой действительности побуждает к критической переоценке господствующего представления о правовой норме как о минимальной части права и его отраслей.

Если исходить из постулата о составе правовой нормы из неких частей, то именно эти части и возможно считать минимальными элементами права и его отраслей. Именуются в литературе они по-разному: как правовые, нормативные, юридические либо нормативно-правовые предписания¹.

В самом общем виде правовое предписание как минимальную часть права, его отраслей, их институтов, а также правовых норм можно определить в качестве модели (правила) поведения, адресованной неким субъектам и установленной государством в соответствующем нормативно-правовом акте. Более подробное описание их свойств – это отдельная, требующая изучения проблема.

Примеров таких предписаний огромное множество (например, положения ст. 7, ч. 2 ст. 10, ч. 1 ст. 11, ч. 1 ст. 25, ч. 1 ст. 31, ч. 1 ст. 75 УИК РФ и др.). По сути, это большая часть всего правового материала (за исключением технических положений и вынесенных за скобку определений). Причем они могут быть полифункциональными, т.е. потенциально способными выполнять в различных отношениях роли диспозиций, гипотез или санкций (соответственно, могут играть роль самого правила поведения, условия его существования («привязки» к конкретной ситуации), либо негативных последствий за его неисполнение: ответственности в виде неких лишений и правоограниче-

¹ Одной из последних работ, специально посвященных этим элементам, является монография: *Ходукин Д.В.* Юридические предписания. Иркутск, 2006.

ний, а также (когда это возможно) механизма принудительного исполнения данного правила).

Таким образом, с позиций системной теории минимальной частью права и его отраслей (в том числе уголовно-исполнительного права) более обоснованно считать не правовую норму, а правовое предписание. Причем это никоим образом не умаляет значения и необходимости изучения правовых норм как «права в миниатюре».

ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

А.А. Пропостин

Традиционно прогрессивная система определяется как изменение (смягчение или усиление) карательного воздействия наказания в процессе его отбывания в зависимости от поведения осужденного.

В настоящее время можно говорить о том, что прогрессивная система исполнения наказаний как таковая в завершенном виде еще не сформирована. Ее обычно связывают только лишь с исполнением лишения свободы, где она в последнее время получила наименование «система социальных лифтов». Такое узкое понимание прогрессивной системы вряд ли обоснованно. По нашему мнению, необходимо вести речь о построении единой системы поощрений применительно к исполнению всех видов уголовных наказаний.

В определенной части законодатель уже идет по этому пути. Например, согласно ч. 3 ст. 53 УК РФ в период отбывания ограничения свободы суд по представлению УИИ может отменить частично либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения. Аналогичным образом прогрессивная система реализуется и при исполнении иных мер уголовно-правового характера (например, при условном осуждении). В отношении других мер системы поощрений не существует. Но к ее установлению в принципе нет препятствий.

Прогрессивная система применима при исполнении любых длящихся наказаний, в процессе отбывания которых можно оценить поведение осужденного. Под эту категорию не подпадают разовые наказания. Определенные особенности имеет штраф, но элементы прогрессивной системы при его исполнении возможны в случае рассрочки выплаты.

Помимо прочего, следует изменить подход к содержанию самой прогрессивной системы, которую нужно рассматривать шире, не только как изменение карательного воздействия, но и применения некарательных мер, порядка исполнения наказания, что позволит сделать данную систему более гибкой.

На основе изложенного можно представить прогрессивную систему в следующем виде. Прежде всего следует установить возможность условно-досрочного освобождения от всех видов длящихся наказаний, а также замены наказания более мягким видом.

Применительно к штрафу, назначенному с рассрочкой его выплаты, можно установить возможность уменьшения денежных сумм, подлежащих уплате.

В отношении обязательных работ целесообразно установить возможность изменения порядка их исполнения. К примеру, возможность изменения осужденному вида работ по его желанию либо приостановление данного наказания на период ежегодного оплачиваемого отпуска по основному месту работы. При исполнении исправительных работ – предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска в соответствии с нормами Трудового кодекса, возможность уменьшения размеров удержаний из заработной платы.

При построении целостной прогрессивной системы отбывания уголовных наказаний следует уделить особое внимание соотношению ее элементов, учитывая при этом опыт ее применения в отношении лишения свободы. В частности, замена наказания более мягким не должна совпадать по времени с возможностью условно-досрочного освобождения. Замена наказания должна быть обеспечена возможностью возвращения к ранее назначенному наказанию в случае злостного уклонения от его отбывания (исполнения). Необходима также единая и более четкая система критериев оценки поведения осужденного.

СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Ю.М. Закревская

Цель – системообразующий элемент всякой осознанной деятельности. Под ней понимается результат, на который направлен

процесс. Цели наказания и его исполнения организуют, придают смысловую направленность правоохранительной деятельности государства по реализации уголовной ответственности, во многом определяют ее средства. Все это обуславливает важность данного института для России и зарубежных стран, например Федеративной Республики Германия. Различаются явные цели, которые субъект декларирует, и скрытые (латентные). Следует согласиться с авторами, указывающими, что если рассматривать наказание в общесоциальном, специально-юридическом и социально-психологическом смыслах, то на первом уровне его целью будет охрана общества от преступных посягательств; на втором – цели, закрепленные в УК, на третьем – причинение осужденному целесообразных психических переживаний¹. Отечественные ученые исходят из единства целей наказания и его исполнения. Немецкие авторы частично их различают.

В Германии исполнение наказания фактически делится на две стадии: приведение приговора в исполнение прокуратурой как последняя стадия уголовного процесса (*Strafvollstreckung*) и фактическое исполнение его (*Strafvollzug*) органами, в целом аналогичными учреждениям и органам российской уголовно-исполнительной системы. Цели наказания и его исполнения в России практически едины (кроме цели восстановления социальной справедливости, не указанной в УИК РФ). В Германии, напротив, цели наказания, которые реализуются судом при его назначении и прокуратурой при исполнении, формально отличаются от целей исполнения лишения свободы в тюрьме.

Тем не менее можно выделить общие цели, которые ставятся как перед назначаемым наказанием, так и перед его исполнением в России и Германии. Общая превенция – предупреждение совершения преступлений иными, неустойчивыми лицами путем психологического воздействия на них, их устрашения. При исполнении наказания она достигается неотвратимостью применения наказания. Однако в Германии эта цель формально не ставится при исполнении наказания в тюрьме и отрицается в теории². На деле же она присутствует, но вопрос заключается в средствах ее достижения.

¹См.: Уткин В.А. Социально-психологический аспект наказания как меры принуждения // Предупреждение рецидивной преступности в Сибири. Томск, 1980. С. 13–16.

²См., напр.: Callies R.-P., Müller-Dietz H. *Strafvollzugsgesetz : Kommentar*. 11. Aufl. München, 2008. S. 44.

Частная превенция служит предупреждению совершения дальнейших преступлений со стороны осужденного. Она достигается лишением осужденного физической возможности к этому, его устрашением, в том числе и неотвратимостью наступления ответственности. При исполнении наказания в тюрьме устрашение как средство воздействия на осужденных в Германии отрицается. Но даже если оно не провозглашается в качестве специально-юридической цели, очевидно, что в социально-психологическом смысле эта цель фактически преследуется.

Исправление не выделяется в Германии как самостоятельная цель наказания, выступая в качестве составляющей цели частного предупреждения. Но при исполнении наказания в тюрьме, напротив, признается. При этом используется термин «ресоциализация», т.е. создание предпосылок возвращения осужденного в общество. Несмотря на не вполне удачное наименование, по сути, он практически идентичен отечественному «исправлению». Возмездие, признаваемое в Германии целью наказания, при его исполнении отрицается. В результате эта цель сводится, в сущности, к назначению справедливого наказания.

Соотношение с целью восстановления социальной справедливости по УК России зависит от того, в каком смысле последняя понимается. Мало сходного в отождествлении ее с возмездием и частично с заглаживанием последствий деяния в общественном сознании. Ближе — сравнение со справедливым воздаянием за совершенное преступление либо с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ).

О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Т.Г. Антонов

Уже на протяжении многих лет идет реформирование УИС или по крайней мере его попытка. В 2010 г. утверждена Концепция развития УИС. Первый этап, который, судя по Концепции, должен быть завершен в прошедшем 2012 г., предполагает совершенствование уголовно-исполнительного законодательства. Однако корен-

ного изменения законодательства не произошло. Вносимые в УИК изменения имеют фрагментарный характер и касаются в основном норм его Особенной части. Между тем есть ряд вопросов (и их немало), которые можно, а иногда и нужно решать, внося новые нормы в Общую часть Кодекса.

Обратимся к принципам уголовно-исполнительного законодательства. В ст. 8 УИК РФ просто приводится их перечень и не раскрывается содержание. И возникает ситуация, при которой данные основополагающие, отправные положения трактуются чрезмерно субъективно. Например, принцип демократизма. А извращенное понимание принципа гуманизма приводит к тому, что условия жизни осужденных к лишению свободы порой значительно лучше условий жизни многих законопослушных граждан.

Еще одной проблемой является правовое регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания (например, которым предоставлен самостоятельный порядок следования в колонию-поселение, или осужденных к наказаниям без изоляции от общества). Что такое уголовно-исполнительное задержание? На сегодняшний день не ясно. Поэтому довольно часто это понятие смешивается с уголовно-процессуальным или административным задержанием.

Все же отдельные изменения вносятся в Общую часть УИК. Например, недавно в нем появилась ст. 18.1, которая предусматривает объявление розыска и осуществления ОРД при наказаниях, не связанных с изоляцией от общества. Но снова не ясно, почему норма об осуществлении ОРД при исполнении лишения свободы находится в Особенной части УИК, где и определены ее задачи, а аналогичная норма в сфере альтернатив находится в Общей части, причем содержание ее совсем иное.

Остановимся также на нормах об ответственности осужденных за нарушение порядка отбывания наказаний. В Общей части УИК РФ об ответственности осужденных упоминается лишь в ч. 6 ст. 11, где установлено, что «неисполнение осужденными возложенных на них обязанностей, а также невыполнение законных требований администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, влекут установленную законом ответственность». Какую именно – не ясно. Но немало статей Особенной части озаглавлено «Ответственность осужденных...». При этом, если судить по содержанию таких статей (на-

пример, ст. 29, 46, 58, 190 и др.), то едва ли можно говорить, что в них предусмотрено.

Такое положение делает необходимым выработку общих норм об ответственности осужденных как к лишению свободы, так и к наказаниям, с ним не связанным. Эти нормы должны более четко определить меры взыскания (наказания), применяемые к осужденным, порядок их наложения и другие положения об уголовно-исполнительной ответственности.

Подводя итог сказанному, считаем, что это будет способствовать упорядочению законотворческой деятельности и практики применения норм уголовно-исполнительного законодательства.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ ПРИ КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А.Г. Антонян

Современное теоретическое осмысление проблем уголовно-исполнительной политики невозможно без обращения к международному опыту, без анализа зарубежного и отечественного опыта законотворчества. Это справедливо и для проблемы оценочных понятий в сфере исполнения наказания. В науке не сложилось их общепризнанного определения, в результате чего практически все неопределенные, абстрактные, неясные и расплывчатые понятия в законе стали причислять к оценочным.

В этом плане известный интерес представляют проекты Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предлагавшиеся в 90-х гг. прошлого века различными авторскими коллективами. Их сравнительный анализ дает основания полагать, что ни в одном из проектов все же не уделялось должного внимания юридическому языку написания статей в контексте проблемы оценочных понятий. Большинство оценочных понятий, использовавшихся в ИТК РСФСР 1970 г., встречаются практически во всех предлагавшихся законопроектах в неизменном виде.

С одной стороны, это объясняется тем, что проблем у пенитенциарной системы России на тот момент было огромное количество. Но с другой – само по себе это не является оправданием второстепенности проблемы оценочных понятий в законе. К примеру, такие оценочные термины, как «добросовестное отношение к труду», «общественно полезный труд», «хорошее поведение» и «честное отношение к труду», «злость», «исключительные обстоятельства», встречаются абсолютно во всех законопроектах. Это говорит о том, что формулировки текста закона были, в сущности, взяты из ИТК РСФСР 1970 г.

Конечно, встречаются и отличающиеся законопроекты, в том числе и наличием в их тексте оценочных понятий. В некоторых в отношении персонала исправительных учреждений используются такие термины, как «внимательное и справедливое отношение к осужденным», «необходимый жизненный опыт», «культурный уровень и широкий кругозор», «высокая физическая и боевая подготовка». Кроме того, присутствуют такие явно оценочные формулировки, как «каналы духовной связи с обществом» или «устойчивое стремление к исправлению».

В других проектах присутствуют иные оценочные понятия: «здоровые взаимоотношения среди осужденных» или «положительно зарекомендовавшие себя осужденные», «успешная адаптация к жизни на свободе».

Ни в одном из законопроектов не предлагалось устранить из текста законов неточности юридической лексики, а именно слова «по возможности», «как правило» и т.д.

Вполне возможно, что при должном внимании законодателя к неточностям оценочных понятий, их присутствие в тексте действующего Уголовно-исполнительного кодекса РФ было бы минимальным. Справедливости ради нужно отметить, что законодатель в УИК РФ все же устранил необоснованную оценочность понятия «злостное нарушение режима отбывания наказания (ст. 53 ИТК РСФСР)», дав его легальную интерпретацию в ст. 116 УИК РФ. Однако большинство оценочных понятий, содержащихся в советском законодательстве, перешли в качестве таковых и в Уголовно-исполнительный кодекс 1997 г.

О НЕОБХОДИМОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ НЕКАРАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ НЕПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА

Н.В. Ольховик

Анализ практики установления судом и уголовно-исполнительной инспекцией некарательных требований непени-тенциарного режима¹ позволяет говорить об их необходимой достаточности. Установление осужденным этих требований предполагает не только привлечение осужденных к выполнению карательных требований, но и непосредственно направлено на предупреждение совершения осужденными новых преступлений и обеспечивает благоприятные условия их исправления. Так, определение уголовно-исполнительной инспекцией осужденному к обязательным работам вида работ и объекта, на котором они будут отбываться, должно обеспечить не только карательное содержание этого наказания, но и благоприятные условия его исправления и предупреждение совершения осужденным нового преступления. Невыполнение этого требования может привести к тому, что наказание не будет отбываться либо его отбывание будет проходить формально (только с точки зрения учета «отработанного» осужденным времени). Аналогичный принцип должен действовать и при определении мест отбывания исправительных работ неработающим осужденным, а также при установлении дополнительных обязанностей осужденным к ограничению свободы (ст. 54 УИК РФ).

Проведенное исследование личности осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам, совершивших новое преступление в период отбывания соответствующего наказания, убедительно доказывает, что совершению этого преступления предшествовали паразитический образ жизни осужденных, отсутствие у них средств к существо-

¹ Под непени-тенциарным режимом мы понимаем правопорядок исполнения наказаний без изоляции от общества, заключающийся в соблюдении осужденным общих и специфических обязанностей (требований), которые, с одной стороны, призваны нейтрализовать воздействие факторов, способных создать условия для совершения осужденным нового преступления, и, с другой – обеспечить благоприятные условия его исправления.

ванию, систематическое совершение административных правонарушений, которые были однородны с тем преступлением, за совершение которого они были осуждены. На наш взгляд, этого могло не произойти, если бы данная категория осужденных работала, училась, занималась иной общественно полезной деятельностью и суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции либо сама инспекция могли скорректировать содержание непенитенциарного режима.

Действующее законодательство предусматривает такую возможность только при исполнении исправительных работ (ч. 2 ст. 46 УИК РФ) и ограничения свободы (ч. 3 ст. 53 УК РФ). В связи с этим считаем необходимым и своевременным предоставить суду возможность возложения на осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам обязанностей как при вынесении приговора, так и в период отбывания наказания по представлению уголовно-исполнительной инспекции, а также уголовно-исполнительной инспекции, если эти обязанности направлены на обеспечение осуществления контроля за исполнением осужденным требований непенитенциарного режима (например, являться для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию с указанием периодичности, отчитываться перед уголовно-исполнительной инспекцией о своем поведении). При этом перечень обязанностей, которые могут быть возложены судом, должен быть открытым, так как это позволит суду индивидуализировать требования непенитенциарного режима каждому осужденному.

Кроме этого, в уголовно-исполнительном законодательстве следует предусмотреть возможность уголовно-исполнительной инспекции возлагать на осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам обязанностей, направленных на обеспечение осуществления контроля за исполнением осужденным требований непенитенциарного режима не только после нарушения осужденным требований этого режима, как это сейчас предусмотрено в ч. 2 ст. 46 УИК РФ, но и при постановке на учет.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРЕ ПРИНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

А.А. Павленко

Процесс исполнения наказания в виде лишения свободы предполагает целый ряд ситуаций, когда те или иные решения медицинских работников способны значительно изменить объем правоограничений осужденных. Однако ныне отсутствует единый документ, определяющий алгоритм действий медицинских работников мест лишения свободы в юридически значимых для осужденных ситуациях. Правовые пробелы действующих нормативных правовых актов можно разделить на несколько групп.

Первое – это основания оценки ситуации медицинским работником ИУ. В качестве таковых в медицине традиционно используются два понятия: медицинские показания, которые в упрощенном виде можно обозначить как наличие определенных заболеваний, и медицинские противопоказания – отсутствие у осужденных конкретных заболеваний. Следует отметить, что если термин «медицинские показания» в УИК РФ закреплен (ч. 4 ст. 101), то понятие «медицинские противопоказания» в Кодексе отсутствует¹. Вместе с тем в связи с разрешительным типом правового регулирования деятельности пенитенциарных медиков именно противопоказания, по нашему мнению, более четко и определенно (исчерпывающе) характеризуют основания принятия таких решений.

Вторым элементом алгоритма принятия медиками решений в юридически значимых для осужденных ситуациях является субъ-

¹ Данный термин используется на подзаконном уровне: в п. 122 ПВР ИУ медицинская часть учреждения осуществляет определение медицинских противопоказаний по профессиональной пригодности осужденных, привлекаемых к оплачиваемому труду; а также в отдельном документе – приказе Минздрава России и Минюста России от 28.08.2001 № 346/254 «Об утверждении Перечня медицинских противопоказаний к отбыванию наказания в отдельных местностях РФ осужденными к лишению свободы». В этой связи представляется пробелом правового регулирования данной сферы отсутствие упоминания об этом акте в ч. 1 ст. 73 УИК РФ, порядок реализации положений которой этот приказ фактически и определяет.

ект принятия решения. Прежде всего обращают на себя внимание различные формулировки, используемые законодателем для таких субъектов. Так, в УИК РФ для медицинских решений используются термины «медицинское заключение» (ч. 6 ст. 12, ч. 3 ст. 90, ч. 4 ст. 117), «медицинское освидетельствование»¹ (ч. 8 ст. 175), «решение медицинской комиссии» (ч. 3 ст. 18), «заключение медицинской комиссии» (ч. 6 ст. 175). Считаю, что при возможном наступлении наиболее значимых для осужденных последствий в законе необходима замена приведенных выше формулировок на термин «заключение врача».

Процедура принятия решения является третьим элементом рассматриваемого нами алгоритма. Если в ряде ситуаций имеется нормативно закреплённый порядок действий медперсонала², то ряд крайне конфликтных ситуаций в этом отношении не урегулирован. Прежде всего это касается принудительного питания осужденного в случаях его отказа от приема пищи³.

Форма правового акта как еще один элемент процедуры принятия медиками юридически значимых решений также определена не для всех ситуаций. Систематизируя вопрос юридической формы правового акта как последствия медицинского решения, приходим к выводу о необходимости более четкого указания на вид документа в УИК РФ. Особенно это относится к ситуациям, когда происходит ущемление (ограничение) прав осужденного. Так, индивидуальные решения медиков должны фиксироваться либо актом (при освидетельствовании), либо заключением (во всех остальных случаях). Коллективные решения должны закрепляться только в заключении врачебной комиссии.

¹ Этот термин присутствует и в п. 9 ст. 14 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

² См., напр.: Порядок медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54; Порядок проведения экспертизы временной нетрудоспособности осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду, и выдачи им документов, удостоверяющих временную нетрудоспособность: утв. приказом Минздрава России, Минюста России и Фонда социального страхования Российской Федерации от 14.07.2003 № 316/185/180.

³ Подробнее об этом см.: Павленко А.А. Проблемы правового регулирования принудительного питания спецконтингента в УИС // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. Ч. 2. С. 187–189.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

А.Н. Смирнов

Исполнение наказания в виде ограничения свободы регламентируется гл. 8 УИК. Исполнение наказания в узком смысле слова «предполагает реализацию лишь тех ограничений, которые составляют конкретное содержание того или иного наказания, предусмотренного Уголовным кодексом...»¹ Исполнение ограничения свободы означает осуществление режима реализации правоограничений, возложенных на осужденного к данному виду наказания. Оно предусматривает также осуществление мер посткриминального контроля в отношении осужденных.

Обращение к ст. 60 УИК РФ, посвященной контролю за отбыванием ограничения свободы, позволяет отметить следующее. Этот контроль законодателем определен как надзор, который «...осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями и заключается в наблюдении за поведением осужденных, соблюдении ими установленных судом ограничений и принятии в случае необходимости установленных законом мер воздействия...» (ч. 1 ст. 60 УИК РФ). Здесь законодатель вновь проигнорировал положения юридической науки, различающей наблюдение и надзор как две самостоятельные формы контроля. Причем первая гораздо мягче по ее содержанию, чем вторая. Ведь в процессе наблюдения никаких властно-предупредительных, коррекционных мер воздействия на объект контроля не оказывается². На наш взгляд, текст ч. 1 ст. 60 УИК РФ более корректно изложить в следующем примерном варианте: «Надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями и состоит в проверке и оценке соблюдения осужденными запретов, выполнения ими обязанностей и иных ограничений, а также в применении в случае необходимости специальных мер контроля, пресекающих поведение осужденных, не соответствующее требованиям обязанностей, запретов и иных ограничений, установленных законом. Надзор при ограничении свободы направлен на создание условий, способствующих исправлению осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений».

¹ Уткин В.А. Уголовно-исполнительное право. Томск, 2011. С.15.

² См.: Филимонов О.В. Посткриминальный контроль. Томск, 1990. С. 35.

Другую проблему исполнения ограничения свободы детерминирует нечеткость правового регулирования воспитательного воздействия на осужденных. С одной стороны, в соответствии со ст. 54 УИК РФ «...уголовно-исполнительная инспекция ведет учет осужденных... проводит с ними воспитательную работу...» При этом ст. 55 УИК РФ, посвященная воспитательной работе с осужденными к ограничению свободы, из Уголовно-исполнительного кодекса исключена. Следовательно, отсутствуют правовые формы организации воспитательного воздействия, что вступает в явное противоречие с требованиями ч. 2 ст. 9 УИК РФ, признающей воспитательную работу одним из средств исправления осужденных. В целях предупреждения посещения осужденным в ночное время суток различных «досуговых» и иных мест развлечений было бы резонно предоставить право сотрудникам УИИ проверять нахождение осужденного в жилище и в ночное время суток. Сделать это не позволяет ч. 2 ст. 60 УИК РФ, согласно которой «...при осуществлении надзора работник уголовно-исполнительной инспекции вправе посещать в любое время суток (за исключением ночного времени) жилище осужденного...» Данная ситуация отражает «столкновение» двух социальных ценностей: прав человека (в частности, права на неприкосновенность частной жизни) и безопасности общества, поскольку ее интересам скорее всего соответствовало бы право беспрепятственного посещения жилища осужденного сотрудниками УИИ в любое время суток.

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

А.П. Титаренко

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. рационализация политики в области уголовного правосудия предполагает в конце нынешнего десятилетия увеличение общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества на 200 тысяч человек в основном за счет применения ограничения свободы. Непосредственно на осужденном в процессе отбывания ограничения свободы могут находиться

такие средства персонального надзора и контроля, как электронный браслет, мобильное контрольное устройство и персональный трекер. По оценкам различных производителей, один комплект оборудования стоит от 140 до 180 тыс. руб.

Конструктивная особенность предметов электронного мониторинга и результаты опросов лиц, отбывающих уголовное наказание в виде ограничения свободы, свидетельствуют о том, что отечественные осужденные для выхода из-под контроля инспекций будут пытаться разными способами повредить браслеты. Однако в уголовно-исполнительном законодательстве пока не предусмотрены меры юридической ответственности за умышленное выведение осужденным комплекса электронного мониторинга из рабочего состояния. На наш взгляд, факт повреждения осужденным системы электронного мониторинга целесообразно рассматривать в качестве варианта злостного уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы и наряду с иными видами злостных нарушений предусмотреть возможность замены такому осужденному неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы либо принудительными работами. Подобное изменение законодательства позволит: учитывать рассматриваемый критерий при определении степени исправления осужденного; должным образом осуществлять воспитательно-профилактическую работу; установить более адекватную связь между личностными особенностями осужденного и мерами государственного реагирования; обеспечить сохранность казенного имущества.

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КАРА ИЛИ КОМПЕНСАЦИЯ?

М.В. Прохорова

В последнее время лишение свободы несовершеннолетних неоднократно подвергается критике. Однако стремление к максимальной гуманизации условий содержания осужденных к лишению свободы без учета современной социальной обстановки в обществе нередко чревато и обратным результатом.

Так, вследствие общего сокращения численности несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, в воспитательных колониях сосредоточивается наиболее «криминально зараженная» масса осуж-

денных подростков. Некоторой их части свойственно своеобразное «потребительское» отношение к лишению свободы, в особенности для осужденных из социально-благополучных семей.

Результаты проведенного исследования в 16 воспитательных колониях позволили выявить следующую тенденцию – чем существеннее дисбаланс между материально-бытовым обеспечением и социальным, психологическим сопровождением в период пребывания несовершеннолетнего в воспитательной колонии и на «свободе», тем выше доля лиц, переживания которых связываются с фактом того, что рано или поздно им все равно необходимо будет освободиться. В итоге некоторая часть осужденных вовсе не проявляет желания покинуть колонию. Так, на вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания 15% из числа всех опрошенных осужденных (всего в опросе участвовало 849 респондентов) отметили, что отказались бы от такового. Судя по характеристике таких осужденных, это несовершеннолетние 16–17 лет, воспитывающиеся в неполных семьях, родители которых неоднократно отбывали лишение свободы (причем в половине случаев лишение свободы отбывала мать). Отношения в их семье характеризуются частыми конфликтами, в том числе и из-за неудовлетворительного материального положения, алкогольной зависимости родителей. По словам самих респондентов, до осуждения они не испытывали страха перед лишением свободы, ранее привлекались к уголовной ответственности, злоупотребляли алкогольными напитками, употребляли наркотики. В качестве причины отсутствия страха перед наказанием и местами лишения свободы данные осужденные указывают на то, что для них «там лучше живется».

При ранжировании переживаний, связанных с утратой тех или иных благ в период отбывания наказания, отмечено, что указанная категория осужденных зачастую минимизирует наиболее значимые переживания по сравнению с другими осужденными (в том числе и теми, кто отбывает наказание в исправительных колониях).

По сути, такие осужденные являются одной из основных «групп риска», ведь для них наказание в виде лишения свободы во многом восполняет те блага, которых они были лишены. В итоге жизненные перспективы после отбытия наказания как таковые приобретают для них негативный оттенок. В связи с этим среди наибольших переживаний, связанных с предстоящим освобождением, респонденты указывают на проблемы с жильем, трудоустройством и то, что они «никому не будут нужны после освобождения».

Таким образом, переживание несовершеннолетними осужденными наказания в виде лишения свободы в настоящее время фактически сглаживается получением тех или иных социальных благ, недоступных им на свободе. В связи с этим лишение свободы и пребывание в воспитательной колонии приобретают для подобной категории осужденных некий оттенок компенсации или так называемого «восполнителя», когда социальные гарантии человека и гражданина в большей степени обеспечиваются в условиях воспитательной колонии. В итоге лишение свободы в значительной степени оценивается ими как благо.

ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА РАБОТЫ ПО ВНЕДРЕНИЮ СИСТЕМЫ «СОЦИАЛЬНЫХ ЛИФТОВ» В ИУ

Н.Б. Лелик

С 1 апреля 2011 г. в деятельность исправительных учреждений внедрена система стимулов осужденных к законопослушному поведению, так называемых «социальных лифтов». С учетом полуторогодового периода применения системы «социальных лифтов» можно сказать, что эта система в целом интегрирована в исправительных учреждениях. Всего комиссиями ИУ за 2012 г. рассмотрены характеристики более 583,6 тысячи осужденных, что на 214,6 тысячи больше по сравнению с 2011 г.

Вместе с тем обобщение опыта работы в процессе реализации системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях породило ряд вопросов. Во-первых, достижение целей системы «социальных лифтов» сейчас существенно ограничено в условиях действующего законодательства. Так, в значительной степени осложнен перевод осужденного из обычных (облегченных) в строгие (обычные) условия отбывания наказания, так как для этого необходимым фактором является совершение осужденным злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ) либо признание его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания в соответствии с ч. 2 ст. 116 УИК. Из этого следует, что осужденный, характеризующийся отрицательно, но не допустивший злостного нарушения установленного порядка отбывания нака-

зания, либо не допускающий систематически нарушения установленного порядка отбывания наказания, не может быть переведен в более жесткие условия отбывания наказания вне зависимости от ходатайства сотрудника исправительного учреждения. Аналогичным представляется вопрос об изменении осужденному вида исправительного учреждения а именно перевод из колонии-поселения в колонию общего режима (ч. 4 ст. 78 УИК РФ).

Во-вторых, в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством предоставление осужденным к лишению свободы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания возможно независимо от условий, в которых они находятся, а также независимо от того, когда осужденный последний раз рассматривался на заседании комиссии по оценке поведения и определению условий отбывания наказания. Другими словами, если осужденный был рассмотрен на заседании комиссии в аттестационном порядке, то ему ничто не мешает вновь обратиться с ходатайством об условно-досрочном освобождении через неделю, а это влечет повторное рассмотрение осужденного на заседании комиссии. Более того, если осужденному отказано судом в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении, он может обратиться с ходатайством о замене неотбытой части назначенного наказания более мягким. Причем это может продолжаться до бесконечности.

Выявленные проблемные вопросы в процессе практической реализации системы «социальных лифтов» могут быть решены только путем внесения изменений в уголовно-исполнительное законодательство. Это позволит успешнее обеспечить:

- всестороннюю реализацию системы «социальных лифтов» в соответствии с ее целями и задачами;
- завершение процесса формирования в сознании осужденных важности института «социальных лифтов» в период отбывания наказания;
- официальность результатов системы «социальных лифтов» при рассмотрении ходатайств, прошений и обращений осужденных в судебных и иных органах.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, СОЕДИНЕННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ, В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ С ЛИЧНОСТНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

А.В. Диденко

Программа реформирования системы исполнения наказаний, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации, предусматривает разработку и активное развитие психотерапевтического направления, создание при учреждениях уголовно-исполнительной системы отделений социально-психологической реабилитации с целью оказания профильной помощи осужденным, имеющим психические расстройства. В этой связи практика применения принудительных мер медицинского характера в отношении широко представленных в пенитенциарной системе осужденных с расстройствами личности требует пересмотра.

Наиболее проблемным аспектом реализации данной меры является отсутствие стандартных протоколов или регламента, ведения данных больных в условиях медицинской части исправительного учреждения. Существующая в настоящее время практика применения принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных с расстройствами личности позволяет им уклоняться от лечения либо вообще от контактов с психиатрической службой, поскольку в части случаев в местах лишения свободы наступает компенсация личностной патологии. Однозначного правового и медицинского выхода из подобной ситуации на сегодняшний день не существует. Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» требует назначения психиатрического лечения только при наличии показаний, а Уголовно-исполнительный кодекс не регламентирует реализацию принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением уголовного наказания, в отношении лиц с психическими расстройствами.

Другая проблема, вытекающая из вышеназванной, – длительность принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания. Ограничивать ли длительность принудительных мер медицинского характера сроком назначенного наказания или же их применять даже после его истечения? В любом случае решение

этого вопроса требует разработки критериев отмены принудительных мер. При этом существуют сложности реализации мер медицинского характера при наличии коморбидной (сочетанной) психической патологии, весьма характерной для личностной, в большинстве случаев связанной с ней патогенетически. К числу коморбидной личностной патологии относят зависимость от психоактивных веществ, расстройство сексуального предпочтения, зависимость от психоактивных веществ, аффективные нарушения.

Законодательное регулирование оснований и порядка применения этих мер в последнее время претерпело значительные изменения. Так, принудительные меры медицинского характера согласно введенному в ст. 97 УК РФ п. «д» могут быть назначены судом лицам, совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

Тем не менее практика реализации указанных принудительных мер медицинского характера остается несовершенной, поскольку не учитывает личностный, характерологический аспект расстройства, лежащий в основе сексуальной патологии и определяющий ее длительный, хронический характер.

Отмеченные выше проблемные области требуют внимания и скорейшего разрешения с медицинских и правовых позиций.

О ПЕРСПЕКТИВАХ СИСТЕМЫ «МИНУС – ДЕНЬ» В РОССИЙСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В.А. Уткин

В числе мер обеспечения правопорядка в российских исправительных учреждениях предлагается ввести для нарушителей режима особый порядок исчисления срока наказания, исключая из него время, проведенное ими в штрафном изоляторе, помещении камерного типа, одиночной камере. Такой подход издавна получил наименование «минус – день».

Статья 321 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за «дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Однако ее применение весьма незначительно, в особенности ч. 3, что само по себе не может не настораживать на фоне роста групповых акций неповиновения осужденных.

Может ли быть законным и эффективным «минус – день»? Подобные системы в той или иной интерпретации существуют за рубежом. По УК ФРГ (§61, 66) отдельным категориям опасных преступников суд может помимо наказания назначить «превентивное заключение», отбываемое после истечения срока наказания, но на условиях лишения свободы. УК Норвегии (§ 39 с) допускает в ряде случаев продление осужденному срока лишения свободы, «если ограниченное по времени наказание не рассматривается как достаточное для защиты общества». Вопрос о продлении срока лишения свободы «неисправимым преступникам» активно обсуждается во Франции. В Швеции принята система так называемого «обязательного условно-досрочного освобождения», когда администрация обязана освободить осужденного по истечении, скажем, двух третей назначенного ему судом срока. Но в эти две трети не включается время, проведенное осужденным в карцере за нарушения режима. При этом общий срок нечета не может превышать оставшегося срока наказания.

На наш взгляд, в реализации системы «минус – день» следует выделять два аспекта: перспективный (радикальный) и текущий. Радикальная реализация этой идеи в российском законодательстве (в виде автоматического нечета в срок наказания пребывания в ШИЗО, ПКТ) ныне едва ли возможна. И не только потому, что общественное мнение, формируемое во многом выступлениями СМИ (к примеру, после инцидента в Копейске), здесь пока не на стороне «тюремного ведомства». Такое решение все же предполагает радикальную трансформацию ключевой для традиционной отечественной уголовно-правовой политики и догматики ретрибутивной концепции уголовного права, состоящей в том, что наказание определяется содеянным. Тем не менее отдельные аспекты такого подхода уже сейчас могли бы обсуждаться совместно с представителями науки уголовного права. Особенно в ходе провозглашенной модернизации уголовного законодательства.

Вместе с тем, по нашему мнению, отдельные стороны этого подхода уже сейчас можно реализовать путем дополнений действующего

законодательства об условно-досрочном освобождении и замене наказания более мягким. А именно – не включать в сроки, предусмотренные соответственно ст. 79, 80 УК РФ, периоды, проведенные осужденными в ПКТ, ЕПКТ, ШИЗО, одиночных камерах, карцерах в СИЗО. Для этого следует указать в ст. 79, 80, что сроки, предусмотренные данными статьями, исчисляются в порядке, установленном уголовно-исполнительным законодательством. Само же правило о нечете необходимо закрепить в ч. 8 ст. 117 УИК РФ: «Время пребывания осужденного в штрафном изоляторе, помещении камерного типа, одиночной камере, карцере не засчитывается в срок, необходимый для условно-досрочного освобождения, замены наказания более мягким, перевода в колонию-поселение. В иных юридических последствиях, если в течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания осужденный не был подвергнут новому взысканию, он считается не имеющим взыскания».

Введение такой нормы хотя и не окажет влияния на наиболее криминогенную часть осужденных, будет иметь известное стимулирующее значение для их основной массы. По сути дела, этим будет положено начало своего рода эксперимента, который впоследствии может привести к тому или иному варианту более радикального решения данного вопроса. Вместе с тем необходимым условием движения по данному пути является развитие и углубление общественного контроля и прежде всего в сфере дисциплинарной практики в исправительных учреждениях.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Ф.В. Грушин

Реализация принятого 7 декабря 2011 г. Федерального закона № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым было предусмотрено введение с 1 января 2013 г. (а затем и с 1 января 2014 г.) уголовного наказания в виде принудительных работ, на настоящий момент не осуществлена. Связано это с рядом проблем экономического, организационного и правового характера.

На стадии назначения наказания необходимо учитывать следующее. Во-первых, следует обратить внимание, что законодатель фактически скопировал основания применения принудительных работ с условного осуждения (ч. 1 ст. 73 УК РФ), т.е. в ситуации, когда «суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы», перед ним стоит выбор – или применить условное осуждение, или «заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами»¹. Большая вероятность того, что суд пойдет по ранее отработанному пути, а именно применит условное осуждение.

Во-вторых, следует согласиться с мнением профессора Ю.В. Голика², указывающего на непродуманность включения в санкции некоторых норм Уголовного кодекса наказания в виде принудительных работ. В частности, можно отметить ст. 313 УК РФ, предусматривающую ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Данная статья имеет три части, в санкциях каждой из которых присутствуют принудительные работы, даже в ч. 3, предусматривающей ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Другими словами, существует потенциальная возможность назначения за совершение побега из места лишения свободы наказания не в виде лишения свободы, а принудительных работ³.

На стадии исполнения принудительных работ скорее всего возникнут следующие проблемы:

Во-первых, это поиск объектов работы для осужденных к принудительным работам. В том случае если осужденных все же удастся обеспечить работой, а в соответствии с ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ осужденные к принудительным работам привлекаются к труду в организациях

¹ *Голик Ю.В.* Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2. С. 29.

² Там же. С. 30.

³ *Лядов Э.В.* Принудительные работы: отдельные вопросы законодательной регламентации // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). М.; Рязань: НИИ ФСИН России: Академия ФСИН России, 2012. С. 53.

любой организационно-правовой формы, то здесь можно согласиться с Э.В. Лядовым, который предполагает, что большое количество предприятий, на которых будут задействованы осужденные к принудительным работам, в итоге может привести к снижению или даже выходу из-под контроля таких лиц, что в конечном счете приведет к рецидиву¹.

Во-вторых, достаточно существенные проблемы при исполнении принудительных работ могут возникнуть в сфере применения технических средств надзора и контроля. Исходя из практики применения данных средств при исполнении наказания в виде ограничения свободы, можно спрогнозировать ряд проблем их использования при отбывании наказания в исправительных центрах:

1. УИК РФ не предусматривает возможности наложения взыскания при исполнении наказания в виде принудительных работ на осужденных, повредивших или уничтоживших технические средства надзора и контроля.

2. В случае повреждения или уничтожения технических средств надзора и контроля, даже при условии наложения на осужденного взыскания, остается открытым вопрос о взыскании с него причиненного ущерба. Согласно действующему законодательству на основании ст. 60.20 УИК РФ применяются общие правила возмещения вреда. Исправительный центр должен подготовить и подать в суд исковое заявление о взыскании причиненного ущерба. При этом бремя доказывания согласно ст. 56 Гражданско-процессуального кодекса РФ, будет лежать на исправительном центре. Осужденные прекрасно уведомлены об ограниченности возможностей уголовно-исполнительной системы в ведении судебных дел, длительности судебной процедуры и ее неэффективности. Следовательно, у осужденного нет стимула для добровольного возмещения причиненного вреда.

К правовым проблемам исполнения принудительных работ следует отнести и отсутствие нормативно-правового регулирования осуществления надзора и контроля за поведением осужденных к принудительным работам.

¹ Лядов Э.В. Указ. соч. С. 52.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Д.Г. Девяшин

В октябре 2010 г. распоряжением Правительства РФ утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Параллельно активно реформировалась полиция. В 2011–2012 гг. вступили в силу федеральные законы «О социальных гарантиях сотрудников ОВД», «О службе в ОВД», «О полиции». В этой связи интересен сравнительный анализ норм, регламентирующих применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции и уголовно-исполнительной системы.

Закон «О полиции» детально регламентирует правовые основы применения сотрудниками полиции мер непосредственного принуждения. Содержит он и ряд новелл относительно своего предшественника – Закона РФ «О милиции». Например, в новом законе очерчивается связь правовых оснований применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Так, сотрудник полиции имеет право применять физическую силу во всех случаях, когда законом разрешено применение специальных средств или огнестрельного оружия, а специальные средства – во всех случаях, когда законом разрешено применение огнестрельного оружия¹. Логически построенная взаимосвязь правовых оснований применения различных мер безопасности позволяет полицейскому правильно сориентироваться в выборе средств и способов пресечения противоправного деяния в зависимости от степени его общественной опасности, не превысив при этом пределов причиненного вреда, что было бы крайне полезно и для сотрудников УИС.

На вопросе регламентации применения специальных средств хотелось бы остановиться более подробно. Федеральный закон «О полиции» закрепляет перечень из 14 специальных средств, в Законе от 21 июня 1993 г. их семь.

¹ См. п. 2 ст. 20 и п. 3 ст. 21 ФЗ «О полиции».

Не закреплены в Законе и не стоят на вооружении в УИС (хотя во многих территориальных органах закуплены) такие специальные средства, как электрошоковые и светошоковые устройства, специальные окрашивающие и маркирующие средства, средства сковывания движения (кроме наручников), средства защиты охраняемых объектов (территорий), блокирования движения групп граждан, совершающих противоправные действия.

Очевиден количественный и качественный перевес вооруженности специальными средствами сотрудников полиции. Помимо этого, полицейский имеет право на общих основаниях применять специальные средства к лицам, достигшим возраста 14 лет, а сотрудники УИС – лишь к совершеннолетним правонарушителям. Совершенствование процесса исполнения наказаний как одна из основных целей Концепции развития УИС предполагает в том числе и эффективное предупреждение и пресечение любых противоправных проявлений в ИУ, прежде всего направленных против жизни и здоровья персонала и заключенных.

Для этого необходимо расширить перечень специальных средств, стоящих на вооружении в УИС, разработать и утвердить на уровне ведомства Правила применения специальных средств, где четко отразить их перечень, основания, условия, порядок и пределы применения.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ (СТ. 82 УК РФ)

М.С. Красильникова

Гуманизация уголовной политики, курс на которую провозглашен во многих нормативных документах, побуждает законодателя пересматривать концептуальные подходы к реализации уголовной ответственности в контексте ее смягчения. С другой стороны, международные обязательства, принятые Россией, а также реальное состояние, динамика и структура преступности диктуют необходимость ужесточения наказания за определенные виды и категории преступлений. Соблюдение баланса между законностью и целесообразностью, правильным использованием юридической техники и системностью отрасли права при таком двояком подходе к вопросам

ответственности стало невыполнимой задачей для законодателя. Результатом указанного процесса явилась в том числе норма об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ). С момента вступления в силу УК РФ до настоящего времени положения статьи подвергались изменениям четыре раза, однако ни одно из частных изменений не устранило проблем, связанных с применением нормы, лишь добавляя новые. Хотя отмеченная трансформация отсрочки отбывания наказания в целом соответствовала и гуманистическим тенденциям, и задачам борьбы с отдельными видами преступлений, бессистемность изменений и несогласованность ряда положений рассматриваемых норм практически свели к нулю их ожидаемую эффективность. Возник целый ряд наиболее острых вопросов:

1. Что является основанием применения отсрочки отбывания наказания в рамках ст. 82 УК РФ? На наш взгляд, указание на основание отсутствует в ст. 82 УК РФ, где изложены лишь условия применения отсрочки. Какой фактор является отправным при принятии решения о применении или неприменении данной нормы? Убежденность ли это суда в возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, небольшая общественная опасность совершенного виновным преступления или же самого виновного?

2. Из первого вопроса логично вытекает следующий: каковы цели применения отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ)? Виды освобождения от наказания, перечисленные в гл. 12 УК РФ, весьма разнообразны по их содержанию, но вместе с тем объединены в один институт освобождения от наказания, вероятно исходя из общности целей. И если цель освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, к примеру, для каждого очевидна, то этого нельзя сказать относительно цели отсрочки.

3. Какие виды наказаний можно отсрочить? Идет ли речь только об основных наказаниях или здесь предусмотрены и дополнительные? Возможны ли разные их сочетания, например, реальное отбывание основного наказания, но отсрочка дополнительного? Насколько в этом отношении можно полагаться на ст. 398 УПК РФ об отсрочке исполнения приговора, где перечислены виды наказаний, которые могут быть отсрочены? И насколько вообще правомерна ситуация, когда процессуальное право сужает сферу применения материальных норм?

4. По какой причине совершение полового преступления в отношении малолетних потерпевших исключает возможность отсрочки, ведь минимальные санкции норм, указанные в гл. 18 УК РФ «Престу-

пления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», содержат и более мягкое, чем 5 лет лишения свободы, наказание? На каком основании те же деяния в отношении несовершеннолетних отнюдь не препятствуют применению отсрочки?

Отмеченные проблемы тесно взаимосвязаны не только в рамках одной нормы УК РФ, но и по их сути. Законодательное разрешение большинства из этих вопросов возможно путем указания на основания и цели применения отсрочки отбывания наказания в ст. 82 УК РФ.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

Е.Е. Новиков

С 1 января 2012 г. начали применяться положения **Уголовного** и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации, касающиеся отсрочки отбывания наказания лицам, признанным больными наркоманией. Данный вид отсрочки был введен Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. за № 420-ФЗ и сразу же вызвал множество вопросов. Ряд из них затрагивался в ходе научно-практической конференции 16 марта 2012 г. в Верховном Суде РФ, посвященной актуальным вопросам действия уголовного закона в практической сфере, но не получил должного освещения¹.

Выделим следующие основные проблемы реализации рассматриваемой меры уголовно-правового характера. Во-первых, принятие норм, регламентирующих предоставление отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, было осуществлено вопреки данным ООН, согласно которым Российская Федерация – второй после Западной Европы крупнейший в мире рынок для сбыта героина, преимущественно афганского происхождения: на сегодня в России насчитывается от 1,6 до 1,8 потребителей опиатов в возрасте 15–16 лет, среди них около 3,7% имеют вирус иммунодефицита². За последние 20 лет в России количество состоящих на учете наркозависимых, вовлеченных в наркопотребление, выросло почти в 10 раз. Кроме того,

¹См.: Жевлаков Э. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 3. С. 25.

²Всемирный доклад о наркотиках. 2010 год (резюме)// Наркоконтроль.

в 2011 г. 15 237 преступлений было совершено в состоянии наркотического опьянения, прирост к 2010 г. составил 32,3%.

Во-вторых, согласимся с В.В. Дробышевой¹ в том, что законодателю следовало учесть необходимость ликвидации пробелов нормативного правового регулирования антинаркотической деятельности соответствующих субъектов, реализовать в полном объеме положения антинаркотических конвенций ООН, привести российское законодательство в соответствие с принятыми международными обязательствами.

В-третьих, рассматриваемая мера уголовно-правового характера была внедрена на фоне неблагоприятной наркоситуации в местах лишения свободы, которые, являя собой отдельный и изолированный микросоциум, обладают существенным криминогенным потенциалом. Ныне практически каждый шестой в исправительных учреждениях осужден за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, что в определенной степени способствует вовлечению наиболее слабых в морально-нравственном плане осужденных в немедицинское употребление и распространение наркотиков и, как следствие, ведет к осложнению наркоситуации в местах лишения свободы.

В-четвертых, на законодательном уровне не закреплены: а) права и обязанности медицинских и иных специалистов при оказании наркологической помощи; б) правовое положение сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в области осуществления контроля за наркозависимыми, наказание которых отсрочено; в) особенности правового статуса интересующей категории осужденных и др.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что принятие норм, регламентирующих предоставление отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, является недостаточно продуманным и преждевременным.

СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ИСПЫТАНИЯ ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ

Л.В. Чуприна

Одним из условий эффективности режима испытания при условно-досрочном освобождении (далее – УДО) является наличие в системе средств его обеспечения мер принуждения к соблюдению требо-

¹ Дробышева В.В. Предупреждение преступлений лиц, больных наркоманией: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2012. С. 4.

ваний режима. Международными стандартами предусмотрено, что в случае неэффективности меры, не связанной с тюремным заключением, наказание в виде тюремного заключения может налагаться только при отсутствии других подходящих альтернативных мер¹.

Между тем в российском законодательстве данная рекомендация реализована не в полной мере. Оставляя на усмотрение суда решение вопроса об отмене УДО при нарушении требований, не связанных с совершением умышленного преступления, законодатель не предусматривает подходящие альтернативные меры в случае, если суд принимает решение не отменять УДО.

При условном осуждении такими дополнительными средствами обеспечения режима испытания являются продление испытательного срока (ч. 2 ст. 74 УК РФ, п. 7 ст. 397 УПК РФ), отмена или дополнение установленных обязанностей (ч. 7 ст. 7 УК, п. 8 ст. 397 УПК). Как рассматривать возможность введения подобных мер в отношении условно-досрочно освобожденных?

На наш взгляд, криминологическое значение продления испытательного срока невелико даже при условном осуждении, а при УДО вообще юридически невозможно, поскольку сроком испытания в этом случае является неотбытая часть наказания. Продление испытательного срока при УДО юридически будет означать увеличение этого срока. При этом, если отменить УДО, освобожденный будет отбывать более длительное наказание, нежели ему было назначено.

Что же касается корректировки обязанностей и ограничений, то в принципе это криминологически оправдано и предусмотрено, в частности, Европейскими правилами об общественных санкциях или мерах². Однако существующий порядок применения УДО судом по месту отбывания наказания не предполагает участия суда на стадии реализации режима испытания, кроме отмены УДО и направления осужденного для отбывания наказания (п. 4.1 ст. 397 УПК РФ). При необходимости, если ст. 79 УК РФ в будущем будет дополнена, то в ст. 397 УПК РФ также надо внести соответствующие дополнения.

¹ См., напр.: Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением («Токийские правила»): Резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. // Международные стандарты в уголовно-исполнительной сфере: хрестоматия и аннотация юридических, психолого-педагогических и профессионально-этических документов. Рязань, 2005. С. 238–253.

² Европейские правила об общественных санкциях и мерах: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 19.10.1992 г. № R(92)16 // Там же. С. 186–206.

Более пристального внимания заслуживают предложения авторов о расширении возможностей административной ответственности как средства принудительной реализации альтернативных санкций¹. Речь идет о внесении изменений в ст. 19.24 КоАП РФ, ныне именуемую «Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре». Возложение мер административной ответственности за невыполнение без уважительных причин условно-досрочно освобожденным специальных обязанностей и ограничений, установленных в отношении его законом или судом, существенно бы повысило гибкость и оперативность реакции на несоблюдение условно-досрочно освобожденными предписаний режима испытания. Это также могло бы существенно конкретизировать понятие злостного уклонения от исполнения обязанностей. Им тогда считалось бы повторное в течение года неисполнение освобожденным возложенных обязанностей без уважительных причин, если ранее ему за аналогичное нарушение было назначено административное наказание.

Такое решение не только отвечает рекомендациям, содержащимся в международных актах, но и такому принципу уголовно-исполнительного права, как рациональное применение мер принуждения. В особенности, если реализация УДО в будущем вполне обоснованно войдет в предмет уголовно-исполнительного права.

УКЛОНЕНИЕ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А.Д. Никитин

Одновременно с возвращением в отечественное законодательство административного надзора законодатель криминализировал и уклонение от него (ст. 314.1 УК РФ). Подобное решение уже содержалось в ст. 198.2 УК РСФСР. В то же время установление данного уголовно-правового запрета порождает ряд проблем. Некоторые из них аналогичны проблемам применения соответствующего советского уголовного законодательства. Другие являются для административного надзора новыми.

¹ Уткин В.А. Предпосылки развития альтернативных санкций: «медиана» проекта // Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы: сб. материалов междунар. конф. М., 2002. С. 29.

Основной вопрос – это сама криминализация рассматриваемого деяния. Ведь в УК РФ криминализировано уклонение от отбывания даже не всех из уголовных наказаний. Здесь же речь идет об уклонении от административно-правовой меры, что представляется менее опасным, чем уклонение, например, от штрафа или обязательных работ. Уклонение от них, по мнению законодателя, не обладает соответствующей преступлению общественной опасностью. Кроме того, проблематично, способна ли оказать должное устрашающее влияние на освобожденного из мест лишения свободы угроза применения к нему обязательных или исправительных работ и даже лишения свободы на один год. А именно такие наказания содержит санкция ст. 314.1 УК РФ. Помимо этого, не изучен вопрос о путях не менее эффективного воздействия иными, не уголовно-правовыми мерами.

Но коль скоро законодатель все же криминализировал это деяние, встал вопрос об узости форм уклонения. Это лишь неприбытие поднадзорного к избранному месту жительства или самовольное его оставление в целях уклонения от административного надзора. УК РСФСР устанавливал ответственность и за злостное нарушение правил административного надзора (первоначально это была единственная форма совершения рассматриваемого деяния). Если поднадзорный систематически не соблюдает возложенные на него обязанности и ограничения, по сути он все же уклоняется от административного надзора. Во всяком случае, этот вопрос нуждается в обсуждении. Возможно решение, аналогичное ответственности за уклонение от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ).

Спорно и отнесение данного состава к преступлениям против правосудия. При определении его объекта законодатель, видимо, исходил из того, что административный надзор назначается ныне судом, вследствие чего в результате преступления нарушаются общественные отношения, связанные с исполнением судебного акта. Между тем здесь терпят ущерб прежде всего общественные отношения в сфере порядка управления. Из этих позиций исходил и УК РСФСР.

Более детального анализа требует характеристика объективной стороны рассматриваемого деяния. По нашему мнению, оно совершается в форме бездействия. Совершая его, виновный не исполняет возложенных на него законом обязанностей. Уклонение от административного надзора – длящееся преступление. Моментом его начала является либо истечение срока прибытия, указанного в предписании,

либо самовольное оставление места жительства или пребывания. Моментом окончания (соответственно и моментом начала течения сроков давности привлечения к ответственности) будет являться либо задержание поднадзорного, либо его явка в органы внутренних дел. Особого внимания заслуживает вопрос о месте совершения данного преступления. Таковым, по-видимому, должно признаваться то место, в которое должен был прибыть поднадзорный, либо то место, которое он самовольно оставил.

Практические трудности при квалификации и расследовании данного преступления может вызвать установление такого элемента субъективной стороны, как цель уклонения от административного надзора. Тем более что сам виновный, очевидно, чаще всего будет оправдывать свое поведение иными, очевидно, более уважительными причинами.

СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА НАРУШЕНИЙ РЕЖИМА В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

С.И. Анишкин, Л.Ю. Бортник

На протяжении последних пяти лет в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы отмечается устойчивая тенденция снижения численности содержащихся под стражей. Так, в 2011 г. по сравнению с 2007 г. количество содержащихся под стражей сократилось на 34,9%.

Аналогичная тенденция сохранилась и в 2012 г. По состоянию на 1 сентября 2012 г. численность содержащихся в СИЗО составила 106,3 тыс. человек, что на 661 человека меньше, чем на начало текущего года. Снижение численности подозреваемых, обвиняемых и осужденных в следственных изоляторах в основном обусловлено уменьшением количества лиц, в отношении которых судами в качестве меры пресечения было избрано заключение под стражу, улучшением взаимодействия с судами, органами внутренних дел, сокращением сроков расследования, рассмотрения дел судами первой и второй инстанций, проведением плановой работы по обеспечению своевременного направления осужденных из следственных изоляторов к месту отбывания наказания.

Однако, несмотря на снижение количества содержащихся под стражей, общее число нарушений в СИЗО остается стабильно высо-

ким, а в 2011 г. увеличилось почти на 10%. Видимо, суды более взвешенно подходят к назначению меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении наиболее опасных категорий подозреваемых и обвиняемых.

Наиболее частым нарушением режима содержания под стражей является нарушение правил изоляции, далее следует неповиновение законным требованиям сотрудников следственных изоляторов, а также оскорбление персонала. Затем по количеству нарушений идет хранение, изготовление и использование запрещенных предметов, веществ и продуктов питания, порча имущества, выданного во временное пользование.

Среди мер взыскания наиболее часто применяемым является выговор. В карцер же всего водворялись в 2007 г. 16,1%; в 2008 г. – 13,1%; в 2009 г. – 13,9%; в 2010 г. – 15,5%; в 2011 г. – 15,1% нарушителей режима. Представляют интерес данные о соотношении лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности, к общему количеству правонарушений (в %): 2007 г. – 76,3; 2008 г. – 72,9; 2009 г. – 70,9; 2010 г. – 73,4; 2011 г. – 67,2.

Несмотря на снижение количества содержащихся под стражей, уровень правонарушений в СИЗО растет. Если его представить в виде коэффициента на 1 тыс. человек, как соотношение общего количества правонарушений в СИЗО к количеству лиц, содержащихся в данных учреждениях, он будет составлять: 2007 г. – 2,050; 2008 г. – 2,620; 2009 г. – 2,940; 2010 г. – 3,010; 2011 г. – 3,480.

Также показательно, что общее количество привлекаемых к ответственности практически одинаково и не зависит от общего количества лиц, содержащихся под стражей.

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)

Е.Г. Михеенков

Условия отбывания наказаний заключенными в пенитенциарных учреждениях Томской губернии напрямую зависели от реализации карательной политики «белых» режимов на территории Сибири.

В первые месяцы существования «белых» правительств Сибири режим отбывания наказаний был относительно мягким, что объяснялось последствиями либерализации режима отбывания наказаний заключенными в предшествующий революционный период. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что правительство позиционировало свою деятельность в глазах союзников в качестве власти, объединявшей «демократически настроенные силы» для борьбы с большевизмом.

Однако с отменой в 1919 г. циркуляров ГУМЗа редакции 1917 г. и безусловным исполнением Общей тюремной инструкции 1915 г. условия содержания заключенных были существенно ужесточены. Допустимым отныне признавалось содержание заключенных в темном карцере; в качестве меры дисциплинарного воздействия к заключенным разрешалось применять отмену прогулок; вводились ограничения, предусмотренные Общей тюремной инструкцией 1915 г., в том числе уменьшение пищи (вплоть до оставления на хлебе и воде), наложение оков.

Ограничивались свидания заключенных с родственниками: они должны были проходить в присутствии надзирателей и составлять не более двух раз в неделю. Что же касается дополнительных передач, то отныне они могли приниматься лишь в случае мотивированного заключения тюремного врача. Чтение газет и журналов заключенным разрешалось лишь годичной давности¹.

Небывалая для Сибири концентрация заключенных приводила к сложностям с питанием, вещевым довольствием, лечением. Установленные в 1912 г. ГТУ нормативы питания не соблюдались ни в одном из пенитенциарных учреждений губернии. Пища арестантов во всех местах заключения губернии оставляла желать лучшего.

О состоянии с вещевым довольствием арестантов в пенитенциарных учреждениях Томской губернии весьма красноречиво свидетельствует положение, сложившееся в Новониколаевской тюрьме к середине 1919 г. По состоянию на 26 мая 1919 г. в ней из вещевого имущества оставалась 271 рубаха, 218 подштанников, 35 бушлатов, 40 брюк, 400 шапок, 98 полотенец, 200 наволочек и 400 одеял², приходившиеся на более чем 300 заключенных.

Нехватка денежных средств приводила к быстрому распространению тифа среди «тюремного населения» Западной Сибири. В январе

¹ ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 5. Д. 37. Лл. 18–25.

² ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 12. Д. 5. Л. 18.

1919 г. в Томской губернской тюрьме было зафиксировано 173 случая заболеваний тифом¹. По официальным данным ГУМЗа, по состоянию на 1 ноября 1919 г. из 947 содержащихся в Томской губернской тюрьме заключенных сыпным тифом болело 543 человека, т.е. фактически каждый второй заключенный². Одной из проблем борьбы с тифом было плохое питание заключенных и высокая степень их физического истощения.

Ужесточение условий отбывания наказаний в 1919 г. являлось отражением карательной политики колчаковского режима. Пенитенциарная система Томской губернии занимала одно из лидирующих мест в системе правоохранительных органов в реализации карательной политики, она в то же время никогда не была направлена лишь на причинение «издевательств и мучений» противников власти контрреволюционных правительств.

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ЖЕРТВЫ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

В.Ш. Аюпов

В настоящей статье рассматривается специфика личности субъекта, совершающего доведение до самоубийства – преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, а также личности потерпевшего. Речь пойдет о криминологических особенностях личности указанных индивидов.

Следует отметить, что люди в состоянии воздействовать на ситуацию, в силу чего одна и та же ситуация может привести различных людей к совершенно противоположным решениям и действиям³. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 110 УК РФ, специфика содержания ситуации, обуславливающей совершение преступления, коренится в особенностях личности преступника и жертвы указанного преступления. При доведении до самоубийства или до покушения на него воздействие производится на тело (физическое воздействие) и психику (психологическое воздействие) человека. Воздействуя на психику потерпевшего, виновный пытается добиться от него определенного по-

¹ ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 7. Д. 108 а. Л. 4.

² Там же. Л. 20.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в психологии. М., 1968. С. 160.

ведения, совершения (воздержания от совершения) в его интересах определенных выгодных ему действий, в данном случае самоубийства потерпевшего. Указанному преступлению более свойственны пассивный тип жертвы и нейтральный. Указанные типы жертв подходят к такой роли исходя из их характеристик¹. Наряду с общими чертами указанных типов жертв решающее значение для формирования жертвы преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, имеют определенные их черты, такие как чрезмерная впечатлительность и психологическая неуверенность в себе, эмоциональная неустойчивость, заниженная самооценка.

Специфика субъекта преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, коренится в криминологической характеристике личности указанного субъекта. Лицо, совершающее данное преступление, относится к категории насильственных преступников, которому наряду с общими элементами характеристики личности насильственного преступника, такими как жестокость, низкая культура личности, агрессивность, зависть, завышенная самооценка, пренебрежение основными общечеловеческими постулатами морали и т.д., присущи такие черты, как нерешительность, трусость, лживость, часто производная от трусости, и, на наш взгляд, более высокий интеллект, чем у традиционного насильственного преступника. В совокупности указанные черты личности обуславливают выбор определенной модели поведения виновного, содержанием которой является достижение своей преступной цели путем не убийства потерпевшего, а доведения потерпевшего до самоубийства, когда потерпевший делает выбор в пользу лишения себя жизни как предпочтительный вариант разрешения данной ситуации.

Наконец, решающим фактором для достижения цели преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, является осведомленность виновного об указанных выше основных чертах личности потерпевшего. Именно данная осведомленность, предоставляющая виновному возможность выбора того либо иного варианта действий, образующих способ совершения преступления по достижению цели преступного деяния, которая выражается в самоубийстве потерпевшего, на наш взгляд, является решающим признаком, позволяющим квалифицировать действия виновного как доведение лица до самоубийства или покушения на него.

¹ См. напр.: *Старшенбаум Г.В.* Суицидология и кризисная психотерапия. М., 2001. С. 240.

УЧЕТ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

А.О. Долматов

Изучение и учет особенностей личности несовершеннолетнего преступника предполагают оценку данных о степени выраженности возрастных особенностей подростка. При принятии решения о назначении уголовного наказания (особенно это касается лишения свободы) суду необходимо отделять возрастные особенности, характерные для большинства несовершеннолетних, от крайних форм проявлений деформации личностных качеств.

В этой связи судья должен отметить и учесть при назначении наказания: данные, характеризующие положительные и отрицательные черты характера несовершеннолетнего, волевые черты характера; ценностные ориентации, потребности, интересы, взгляды несовершеннолетнего, проявляющиеся в его поведении, в том числе в преступном.

Перечисленные личностные качества во многом обусловлены степенью проявления возрастных особенностей несовершеннолетних, поэтому важно учитывать возраст несовершеннолетнего (14–15 лет – старший подростковый, 16–17 – ранний юношеский).

Нами были изучены материалы 300 уголовных дел в отношении 370 несовершеннолетних, рассмотренных федеральными судами Томской, Новосибирской и Кемеровской областей за период с 2009 г. по первое полугодие 2012 г.

В описательно-мотивировочной части изученных приговоров лишь в отношении 32% лиц указывалось, что «судом учитываются иные особенности личности несовершеннолетнего». При этом в отношении 17% несовершеннолетних (среди всех изученных нами лиц) данная ссылка носила формальный характер, поскольку помимо общих данных (пол, возраст, образование и т.д.) никакие иные личностные особенности несовершеннолетнего не учитывались судом при назначении наказания.

Лишь в отношении 15% несовершеннолетних судьи ссылались при назначении наказания на ряд обстоятельств, которые дают личности несовершеннолетнего дополнительную характеристику, поскольку позволяют косвенно утверждать о наличии положительно характеризующих личность качеств. Однако, учитывая данные особенности, судьи не ссылаются на них как на «иные особенности личности» не-

совершеннолетнего, а перечисляют их в мотивировочной части приговора наряду с обстоятельствами, характеризующими личность виновного, а иногда и с обстоятельствами, являющимися смягчающими наказание (ст. 61 УК РФ).

В 2% приговоров указывалось, что «у несовершеннолетнего имеются грамоты за успехи в спорте и учебе». Наличие подобной ссылки является подтверждением того, что подросток уже достиг определенных успехов в той или иной области, а значит, имеет потенциал для дальнейшего роста. Вопрос в том, насколько сильно в нем укоренился препятствующий тому криминогенный интерес.

В 2% приговоров судом указывалось, что наказание назначается с учетом того, что «коллектив образовательного учреждения, в котором обучался виновный, ходатайствует о назначении ему условного наказания». В обоих случаях несовершеннолетние были осуждены к наказанию в виде лишения свободы условно.

Те особенности, на которые ссылались судьи в приговорах, характеризую личность несовершеннолетнего преступника, сводятся к учету достижений в спорте и учебе (грамоты, благодарности, ходатайства коллектива образовательного учреждения). Как правило, судьи ограничиваются той оценкой личности, которая соответствует общим началам назначения наказания (ст. 60 УК РФ), однако этого явно недостаточно для того, чтобы всесторонне оценить личностные особенности несовершеннолетнего, учет которых оказывает непосредственное влияние на назначение справедливого и эффективного наказания.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

К.А. Дудина

Проблема исполнения уголовного наказания при всей ее многогранности – это, по существу, проблема социально-педагогическая, поскольку главной социальной целью, нужной обществу, выступает исправление осужденных для возвращения их к нормальной, уважающей требования нравственных и правовых норм жизни.

Одной из наиболее трудных социальных проблем, не перестающих на протяжении длительного периода времени быть предметом внимания теоретиков и практиков, является процесс ресоциализации лиц, совершивших преступление.

Особое значение имеет ресоциализация несовершеннолетних, ведь именно в детском возрасте закладывается фундамент личности, формируются ее основные качества: физическое и психическое здоровье, культурный, нравственный и интеллектуальный потенциал.

Вопрос о ресоциализации становится особо актуальным для несовершеннолетнего осужденного в период отбывания наказания. Но, несмотря на его значимость, в уголовно-исполнительном законодательстве не предусмотрена планомерная психолого-педагогическая работа по ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Цельной концепции ресоциализации до сих пор не выработано не только в России, но и в других странах. Отсутствует легальное определение ресоциализации. При этом термин «ресоциализация» используется и в нормативных актах, и в практической деятельности.

На наш взгляд, ресоциализация представляет собой процесс обучения утраченным или недостаточно усвоенным общественным ценностям, социальным ролям, нормам морали и права для последующей адаптации к условиям жизни в обществе.

Среди субъектов предупреждения рецидива преступности несовершеннолетних особое место занимают воспитательные колонии.

Перед сотрудниками воспитательных колоний стоит задача не только исполнить назначенное судом наказание, но и оказать педагогическую, психологическую и медицинскую помощь подросткам, оказавшимся в экстремальной социальной и психологической ситуации. Только при этих условиях воспитательные колонии могут решить поставленную перед ними социальную задачу – обеспечить ресоциализацию несовершеннолетнего осужденного и максимально эффективно провести работу по подготовке его к жизни в обществе.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МЕРА ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Д.В. Карелин

В соответствии с п. 1 ст. 91 УК РФ «предупреждение, как принудительная мера воспитательного воздействия (далее – ПМВВ), состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных настоящим Кодексом». Анализ практики применения ПМВВ в Томской области показал, что данная мера назначается менее чем в половине от всех случаев применения их к несовершеннолетним, освобожденным от уголовной ответственности (с учетом предоставленной законом возможности назначения предупреждения наряду с ограничением досуга и иными ПМВВ).

В юридических науках различных отраслей права предупреждение рассматривается как способ правового регулирования; как мера ответственности; как предписание (предупреждение) уполномоченных государственных органов с указанием об устранении допущенных нарушений или их последствий; как устное замечание; как мера пресечения. Как метод воспитания оно известно в педагогике.

В самом общем виде предупреждение представляет собой достаточно важную информацию (действия, меры), предоставляемую заблаговременно с целью оказать корректирующее воздействие на события будущего, поведение лица.

Будучи выраженным в законе, предупреждение (как вид ПМВВ) рассматривается государством как итоговая негативная реакция на преступление, которое является юридическим основанием его применения. Предупреждение содержит официальное (от имени государства) осуждение учиненного несовершеннолетним деяния и реализует принудительно-воспитательное воздействие на правонарушителя, обусловленное публично-правовым, властно-обязывающим содержанием деятельности суда.

С психологической точки зрения предупреждение призвано в том числе нейтрализовать любое оправдание несовершеннолетним допустимости и положительной оценки содеянного. Одновременно, будучи

альтернативой уголовной ответственности, предупреждение (как вид ПМВВ) – это и акт «доверия» со стороны государства к несовершеннолетнему, подчеркивающий уверенность в возможности его дальнейшей успешной социализации.

Уголовным законом не установлена форма предупреждения. Представляется, что она должна быть только письменной. Никакие устные замечания правонарушителю не допускаются. Вынесение предупреждения несовершеннолетнему в письменной форме должно являться своего рода напоминанием, что при совершении преступления повторно суд может назначить ему наказание или иную меру уголовно-правового характера.

Предупреждение по своей сущности является некарательной мерой воспитательного воздействия, поскольку его вынесение призвано побудить несовершеннолетнего правонарушителя к добровольному и осознанному соблюдению в будущем уголовно-правового запрета.

Как показали результаты опроса судей, нередко предупреждение воспринимается несовершеннолетними, да и самими судами, как фактическая безнаказанность за совершенное правонарушение. Полагаем, что во многом это связано с тем, что предупреждение применяется не «за», а «в связи» с преступлением. ПМВВ в целом лишены кары и возмездного характера, а применение двух и более ПМВВ одновременно призвано способствовать достижению целей данных мер (исправление и специальная превенция).

Изменить ситуацию с применением предупреждения как принудительной меры воспитательного воздействия и усилить его воспитательный потенциал позволит закрепление в УК РФ обязанности вынесения предупреждения в каждом случае освобождения от уголовной ответственности в связи с применением ПМВВ; при этом в отношении несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста, предупреждение следует выносить всегда, а в отношении несовершеннолетних старше 16 лет – в случае совершения преступления впервые; предупреждение должно выноситься только в письменной форме.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

К.Ю. Логинова

Действенным средством в предупреждении имущественной преступности несовершеннолетних должно стать правовое воспитание, ориентированное на понимание и сопереживание несовершеннолетними социального и нравственного значения уголовно-правовых запретов.

В настоящее время как на федеральном, так и на региональном уровне система (программа, концепция) правового воспитания и обучения, ориентированная не только на передачу знаний о праве и правовой действительности, но и обучающая практическим навыкам претворения права в жизнь, направления его на защиту себя, других людей, общества и государства, отсутствует. В современных школах правовое воспитание как в виде отдельной дисциплины, так и в виде планомерной каждодневной работы учителя над правовым сознанием ребенка ни в урочной, ни внеурочной деятельности не предусмотрено. Вместе с тем правовое воспитание как процесс целенаправленного и систематического воздействия на сознание и культуру поведения несовершеннолетних является мощным средством нейтрализации неблагоприятных причин и условий, способных сформировать личность преступника. Именно в школьные годы правовая грамотность, правовая воспитанность должны быть привиты обучающимся в таком же объеме, как общая грамотность, воспитанность и общая культура.

Значимость и актуальность правового воспитания в школах заключается в том, что посредством приобретения правовых знаний, которые в основном являют собой «узаконенные» общечеловеческие запреты («не убивай», «не укради» и т.п.), несовершеннолетний одновременно постигает двуединую роль права: как выразителя незыблемых духовно-нравственных, этических ценностей и как регулятора общественных отношений. Социальные нравы, усвоенные личностью, вместе с потребностями и интересами определяют мотивацию поступка. Твердые этико-моральные принципы способны остановить развитие механизма преступного посягательства, и напротив, шаткость нравственных и отсутствие правовых основ поведения оживляет это развитие и способствует ему. Соответственно

правовоспитательная деятельность способна поднять индивидуальное правосознание несовершеннолетнего до понимания наиболее значимых юридических принципов и требований, отвечающих интересам каждого человека, общества и государства. Это влечет за собой формирование должной правовой культуры, которая находит свое выражение в правопослушном поведении, в правовой активности личности, в сознательном соблюдении норм права, в понимании юридической (в том числе и уголовной) ответственности, в непримиримости к правонарушениям и преступлениям и борьбе с ними.

С принятием нового Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в РФ», утверждения Президентом РФ «Основ государственной политики России в сфере правовой грамотности и правосознания граждан» от 04.05.2011 г., введением в действие новых государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования» (утв. приказами Минобрнауки РФ от 05.03.2004 № 1089) на государственном уровне создана необходимая правовая база возрождения правового воспитания и обучения в школах. Практическая реализация нормативных документов позволит создать такой воспитательно-педагогический процесс, в котором важное место будет занимать правовое воспитание и обучение в образовательных учреждениях и который станет составной частью комплексной работы по предупреждению преступности несовершеннолетних.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ» В РОССИИ

С.Н. Михайлова

В настоящее время существует несколько подходов к пониманию термина «ювенальная юстиция». Буквальное толкование английского термина “juvenilejustice” следующее: «правосудие в отношении несовершеннолетних». Но, поскольку термин «ювенальная юстиция» существует на международном уровне, нужно учитывать значение, в котором он употребляется именно в международных правовых актах. Так, анализ норм Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.), позволяет

говорить о ювенальной юстиции как деятельности системы органов, в том числе суда, по защите прав и интересов несовершеннолетних.

Однако отечественные ученые¹, выделяя основные существующие в мире модели ювенальной юстиции, используют узкое понимание этого термина – как особую систему отправления правосудия по делам несовершеннолетних.

Полагаем, что в России действует система ювенальной юстиции в существующем широком понимании этого термина, деятельность которой регламентирована, в частности, Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации (поскольку административное право, законодательство в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних – предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «б», «к» ст. 72 Конституции Российской Федерации)).

Однако в современных условиях считаем необходимым рассматривать термин **«ювенальная юстиция»** исключительно в узком смысле (исходя из буквального перевода) – *как систему отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление*. Такой подход позволяет не рассеивать внимание и сосредоточиться на анализе важного этапа предупредительной деятельности – практики деятельности судов по предупреждению преступности несовершеннолетних.

Ювенальная юстиция в узком значении в нашей стране существует и причем не первое десятилетие. Так, действующее российское уголовное законодательство учитывает возрастные особенности преступников и, в частности, закрепляя в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели наказания («восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений»), специально предусматривает в ч. 1 ст. 89 УК РФ, что «при назначении наказания несовершеннолетнему кроме обстоятельств, предусмотренных статьей 60 настоящего Кодекса, учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц». Более того, и действующее российское уголовно-процессуальное зако-

¹ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. М.: Дело, 2000. С. 65–80; Комарницкий А.В. Основы ювенальной юстиции: учеб. СПб.: Знание, 2010. С. 62–78.

нодательство закрепляет особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних. Так, в гл. 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» содержатся правила, которыми должен руководствоваться суд, рассматривая дела данной категории.

Анализ указанных норм УК РФ и УПК РФ позволяет говорить о том, что отечественное законодательство учитывает возрастные особенности несовершеннолетних преступников и сформированная модель уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних существенно отличается от модели правосудия в отношении взрослых преступников.

О ПОНЯТИИ «ЮВЕНАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ»

Н.А. Никитина

Буквальное толкование словосочетания *juvenālisjūstitia* – детское правосудие при первом знакомстве вызывает некоторое недоумение. Вряд ли такие институты, как справедливость, правосудие, бывают детскими, взрослыми, женскими или мужскими. Правосудие и справедливость либо есть, либо их нет. Дополнение «ювенальная» появляется скорее в силу необходимости подчеркивания некоего дополнительного эффекта. Специфика правосудия в отношении несовершеннолетних, на наш взгляд, состоит в том, что наряду со стремлением к достижению обычных в таких случаях целей институт правосудия должен преследовать цель – «восстановление нормы взросления»¹.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» обобщает опыт использования новых подходов и инструментов – «ювенальных технологий», с помощью которых в 52 субъектах Российской Федерации разворачиваются схемы взаи-

¹Основные этапы и процессы становления в Красноярском крае ювенальной юстиции нового поколения. Положение о ювенальной службе / Н.В. Высоцкая Н.А. Никитина, Е.Ю. Федоренко, Б.И. Хасан, Е.Ю. Черкашина, Н.В. Щедрин // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 2. С. 8–11.

модействий судов с разного рода гуманитарными практиками (психологической помощью, медиацией, социальной работой)¹.

Вместе с тем, несмотря на то, что термин «ювенальные технологии» уже находится в устойчивом правовом обороте, его толкование не является однозначным. Представители науки и практики еще не заключили «терминологическую конвенцию» и активно работают в этом направлении.

Отсутствие единого понимания грозит обесцениванием инноваций в системе правосудия, объявлением «ювенальными» **любых** технологий работы с детьми. Ситуация усугубляется еще и попытками осуществить «подмену» ныне политически некорректного института «ювенальная юстиция» более мягким для слуха общественности – «ювенальными технологиями».

В этой связи нам видится справедливым замечание Л.М. Карнозовой о том, что при обсуждении понятия можно выделить по крайней мере три аспекта: формальный, социально-контекстуальный и содержательный². Такой подход позволяет специалисту, задействуя юридический, педагогический, психологический, медицинский инструментарий, поэтапно реализовывать выделенные (подлежащие изменению) компоненты: потребностно-мотивационная сфера, поведенческий репертуар подростка, формирование чувства ответственности, вины, устранение причин, условий и последствий совершения преступлений, достигая необходимого результата – правопослушного поведения.

Основываясь на этом, можно предложить следующее определение: *ювенальная технология – это упорядоченная совокупность действий, основанная на последовательной полипредметной кооперации специалистов по возвращению несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние или ставшего его жертвой, в норму взросления, включающей в себя действия по диагностике проблемы, выбору способов решения (разработка технологии решения), само решение проблемы и его оценку.* Юве-

¹Справка по результатам обобщения информации судов субъектов РФ об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции, подготовленная Рабочей группой при Совете судей РФ по вопросам создания и развития ювенальной юстиции в системе правосудия РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.juvenilejustice.ru/documents/rabgr/monit_reg/monreg/

²Основы гуманитарной компетентности судьи, рассматривающего уголовные дела в отношении несовершеннолетних: метод. пособие / под ред. Л.М. Карнозовой. М.: ООО «Акварель», 2011. 174 с.

нальные технологии могут базироваться как на позитивно стимулирующих, так и на ограничительных методах. Основанием для последних могут быть только предписания федерального закона.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Е.С. Осипова

Акцент государственной политики на борьбе с коррупцией стимулировал развитие института антикоррупционной экспертизы, которая осуществляется в отношении нормативных правовых актов (далее – АЭ). Были приняты документы: ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ; ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов» от 17.07.2009 № 172-ФЗ; Постановление Правительства РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 26.02.2010 № 96.

Формирование антикоррупционного законодательства как способствовало развитию теоретических и практических основ антикоррупционной экспертизы, так и выявило ряд проблем. До сих пор отсутствует достаточное определение понятия антикоррупционной экспертизы правовых актов и ее родовая принадлежность.

В ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ антикоррупционная экспертиза названа мерой по профилактике коррупции. Иные существенные признаки антикоррупционной экспертизы законодательно не определены.

Ряд ученых рассматривают АЭ как вид правовой экспертизы (О.Г. Дьяконова), что в действительности отражает сущность ныне реализованной модели антикоррупционной экспертизы. В то же время отмечается, что качественное проведение правовой экспертизы исключит потребность в проведении антикоррупционной экспертизы (Т.Д. Телегина).

Представления некоторых ученых относительно соотношения АЭ и криминологической экспертизы нормативно-правовых актов (далее – КЭ НПА) в указанной ситуации приобретают особую ценность.

Некоторые ученые рассматривают АЭ как комплексный институт, включающий элементы правовой (юридической) экспертизы и КЭ НПА (С.Н. Шевердяев).

Другие авторы считают КЭ НПА частным случаем антикоррупционной экспертизы (А.В. Кудашкин).

Иные представители юридической науки полагают, что АЭ является видом КЭ НПА (С.В. Матковский).

Разнообразие подходов к соотношению экспертиз акцентирует потребность в определении родовой принадлежности антикоррупционной экспертизы.

В качестве конечного результата антикоррупционной экспертизы предполагается предупреждение коррупции. Коррупция выражается в совершении как преступлений, так и иных правонарушений. Вопросы предупреждения преступлений и иных негативных социальных явлений наиболее полно разработаны в криминологии. Одним из инструментов в предупреждении преступности является криминологическая экспертиза, в том числе и криминологическая экспертиза нормативно-правовых актов. КЭ НПА в соответствии с одним из первых определений А.И. Долговой является исследованием специалистами-криминологами проектов законов, иных нормативных правовых актов с позиции их возможного воздействия на преступность, процессы ее детерминации, а также на состояние борьбы с преступностью.

В соответствии с указанным дальнейшее развитие антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов как самостоятельного вида экспертизы возможно в рамках криминологической экспертизы нормативно-правовых актов.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Е.А. Писаревская

С уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминологической точек зрения особенно актуальными в настоящее время являются вопросы защиты прав несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых и признанных виновными в совершении преступления, а также вопросы ограничения их прав и свобод.

Важное значение имеет повышенная юридическая защита несовершеннолетних. Следует отметить, что федеральное законодательство

во, действующее в данной сфере, не лишено недостатков. Основопологающим нормативным правовым актом является Федеральный закон № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

В Федеральном законе № 120-ФЗ не нашли комплексного отражения вопросы защиты прав и интересов несовершеннолетних. Об этом говорится лишь в отдельных статьях. Так, п. 1 ст. 9 гласит о праве несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей обратиться в установленном законодательством Российской Федерации порядке в суд с иском о возмещении вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего, его имуществу, и (или) морального вреда. Пункт 2 данной статьи говорит об обязанности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в пределах своей компетенции по обеспечению соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних¹. При этом в законе никак не раскрывается понятие правового статуса несовершеннолетнего правонарушителя, безнадзорного, беспризорного, несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении.

Наиболее обсуждаемым в настоящее время вопросом является дискуссия о необходимости создания системы ювенальной юстиции для несовершеннолетних. Именно создание ювенальной юстиции рассматривается в качестве своеобразной панацеи для обеспечения защиты прав всех несовершеннолетних, в том числе и правонарушителей. Создание специализированной системы правосудия в отношении несовершеннолетних с 1990 г. является обязательством Российской Федерации по исполнению Конвенции ООН о правах ребенка. Следует отметить, что в настоящее время в России существуют два основах подхода к ювенальной юстиции. Согласно первому подходу к ювенальной юстиции следует относить преимущественно и даже почти исключительно специализированные судебные органы. Согласно второму в систему ювенальной юстиции предлагается включить более широкий круг органов.

Однако вне зависимости от избранного направления реформирования представляется несомненным, что обеспечение функционирования механизма защиты прав несовершеннолетнего правонарушите-

¹ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 03.12.2011 г.) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. Режим доступа: Компьютер. сеть НФИ КемГУ, свободный.

ля в значительной мере зависит от эффективности деятельности субъектов, осуществляющих защиту их прав. Необходимо реформирование российской судебной системы для несовершеннолетних путем создания специализированных судебных составов для несовершеннолетних с четким определением пределов их юрисдикции, а также системы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав посредством принятия Федерального закона о данных комиссиях. Кроме того, необходимым является развитие системы социальной поддержки для несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также несовершеннолетних правонарушителей.

ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Л.М. Прокументов

Изменить уголовное законодательство методом проб и ошибок, опираясь исключительно на «здравый смысл», т.е. на обыденное сознание, практически невозможно. Это обусловлено прежде всего наличием диалектической связи права и реальной жизни, где последняя является основой и источником права.

Появление уголовно-правовых норм всегда было обусловлено наличием лиц, посягающих на них, и наличием реальных правонарушений. Изменение общественных отношений (либо появление новых) влечет за собой изменение посягательств на них (либо появление новых видов посягательств), изменение структуры личности преступника, расширение или сужение круга субъектов, которых можно отнести к ним. Другими словами, необходимость в уголовно-правовом запрете (или его отмене) появляется только вследствие изменения сложившихся в обществе отношений. Но совершаясь в обществе, сами по себе индивидуальные действия отдельных лиц не содержат никакого социального качества. Такое они приобретают только в процессе взаимодействия с обществом, в ходе столкновения с общественными отношениями, интересами, нормами и ценностями. И именно условия криминализации (декриминализации) являются началом процессов придания зна-

108

чения и социального смысла индивидуальным актам поведения, являются предпосылками общественного порицания либо поощрения.

Значение условий для детерминации процессов криминализации (декриминализации) заключается в том, что на этом уровне детерминации происходит выявление социального качества определенных групп актов индивидуального поведения, а уже следствием их социальной оценки является определенная форма реакции общества и государства на индивидуальные деяния.

Криминализация и декриминализация деяний, будучи постоянными спутниками уголовного закона, во многом определяют содержание и основные направления уголовно-правовой политики, проводимой в стране.

Уголовно-правовая политика считается основным элементом уголовной политики, поскольку именно она в виде уголовно-правовых запретов (их отмены) устанавливает направления воздействия на преступность. Уголовный закон, устанавливая, какие деяния являются преступными, предопределяет основные показатели преступности (состояние, структуру) и необходимые меры ее предупреждения. Объявляя то или иное деяние преступлением, государство берет на себя обязанность воздействовать на лицо, его совершившее, с помощью специальных мер государственного принуждения, тем самым создавая основания для осуществления уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики.

Таким образом, можно говорить о том, что изменения в уголовном законодательстве (криминализация и декриминализация деяний) являются формой реализации уголовно-правовой политики в стране. Вместе с тем можно говорить о взаимовлиянии уголовно-правовой политики и уголовного закона. С одной стороны, изменения уголовно-правовых норм формируют уголовно-правовую политику, с другой – направления уголовно-правовой политики задают тенденции, в соответствии с которыми происходят процессы криминализации и декриминализации деяний, которые в числе прочего выполняют ценностно-ориентационную функцию уголовного права. Данная функция заключается в том, что, криминализируя деяние, государство тем самым дает крайне негативную оценку деянию, причисляет лиц, его совершивших, к разряду преступников.

РАННЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Р.А. Семенюк

Особым приоритетным направлением как в деятельности правоохранительных органов, так и общества в целом должно являться раннее предупреждение, заключающееся в воздействии на несовершеннолетнего, характеризующегося отрицательно, но еще далекого от совершения преступления. Профессор А.И. Алексеев справедливо отмечает: «Труднообъяснимым парадоксом современной уголовной политики, в значительной мере основанной на либеральных ценностях, является пренебрежение превентивными подходами, явная недооценка предупреждения преступности как наиболее гуманного направления борьбы с преступностью»¹. В настоящее время необходимо дальнейшее развитие ранней профилактики, в основе которой должны лежать превентивные меры работы с несовершеннолетними, склонными к правонарушающему поведению.

Под ранней профилактикой преступности несовершеннолетних мы понимаем целенаправленную социально-педагогическую деятельность семьи и учебных заведений дошкольного и среднего общего образования, иных государственных и общественных организаций на устранение (ослабление) риска возникновения отклоняющегося поведения несовершеннолетних посредством формирования у них здорового духовного правосознания, нравственных принципов, социально полезных навыков и интересов.

В криминологической литературе отмечается, что ранняя профилактика помимо вышеперечисленного включает в себя также комплекс мер по коррекции поведения подростков, ведущих антиобщественный образ жизни, допускающих правонарушения, совершивших преступления до достижения возраста уголовной ответственности, а также принудительно-воспитательные меры: постановка на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних ОВД, помещение в центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ОВД, принудительные меры воспитательного воздействия, при-

¹ См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 78.

меняемые судами и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав¹.

В настоящее время формы профилактической работы согласно Федеральному закону от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» направлены только на ограничение, контроль и надзор, а условия, восстанавливающие нравственное здоровье детей и способствующие обеспечению надлежащих условий формирования личности, к сожалению, отсутствуют.

В отечественном законодательстве нет мер, направленных на положительное культурное, творческое, досуговое, физическое развитие детей, которые предлагается осуществлять преимущественно общесоциальным субъектам профилактики правонарушений несовершеннолетних. В связи с чем нами предлагается в соответствующем законодательстве Российской Федерации предусмотреть возможность создания таких условий и конкретизировать п. 5 ст. 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», предусматривающий участие органов по делам молодежи в организации отдыха, досуга и занятости несовершеннолетних.

ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ И АЛТАЙСКОМ КРАЕ

А.Ф. Федоров

Состояние рецидивной преступности в Российской Федерации на протяжении последних 10–15 лет является крайне неблагоприятным.

Подтверждением этого служат статистические данные, согласно которым из выявленных в России в 2009 г. 1 219 789 преступников 390 549 человек ранее уже совершали преступления (32%). В 2010 г. таких было уже 397 403 из 1 111 145 человек (35,77%), а в 2011 г. 401 894 из 1 041 340 выявленных преступников (38,6%). То есть наблюдается явная тенденция к росту количества лиц, ранее совершавших преступления, при том, что так же явно видна тенденция к снижению общего числа преступников. Еще более показательна данная проблема обостряется на уровне Сибирского федерального округа (СФО) и в Алтайском крае, где количество

¹ Криминология: учеб. пособие / Г.И. Богуш [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Проспект, 2009. С. 105.

лиц, ранее совершавших преступления, выросло с 2009 по 2011 г. соответственно с 33,66 до 44,27% и с 36,7 до 43,44%¹.

Ведущие отечественные юристы, как теоретики, так и практики, детерминантами рассматриваемых преступлений считают неудовлетворительные социальные условия, экономические неурядицы, несовершенство законодательства, недостатки в деятельности правоохранительных органов и др. Однако еще почти 70 лет назад выдающийся советский ученый А.А. Герцензон очень точно определил круг основных причин, порождающих преступность в целом и рецидивную в особенности, таких как уровень потребления алкоголя, безработица, высокий уровень цен на продукты питания, низкая заработная плата, плохое состояние жилищ, низкий уровень воспитания, образования и др.²

К сожалению, жизненные реалии и сегодня говорят о том, что данные причины не только не устранены, но и приобрели еще больший размах, а также пополнились новыми современными причинами, связанными с проблемами наркомании, углубляющегося правового нигилизма населения, ослаблением основных социальных институтов и т.п. Так, в России с 2009 по 2011 г. количество преступников, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, выросло с 15,25 до 21,27%. Еще хуже ситуация на уровне Сибирского федерального округа и в особенности в Алтайском крае, где аналогичные показатели увеличились с 16,42 до 29,9% и с 20,78 до 32,6% соответственно.

Аналогичная ситуация и с безработицей. Данная причина приводит к тому, что постоянно с каждым годом среди преступников увеличивается количество лиц, которые на момент совершения преступления не имели постоянного источника дохода. В первой половине 2012 г. их было 66,4% в России в целом, а по итогам 2011 г. – 66,3%. И опять же еще хуже положение дел в СФО, потому что в первой половине 2012 г. здесь насчитывалось 66,8% таких лиц, а в Алтайском крае – 68,5%.

Конечно же, все эти проблемы еще актуальнее и острее для нашего округа и края, где уровень жизни явно ниже, чем, например, в центральных регионах.

И хотя обозначенные проблемы далеко не в полной мере отражают весь существующий спектр причин рецидивной преступности в регионе, но они вполне позволяют определить основные направления по ее предупреждению.

¹ <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports>

² Герцензон А.А. Уголовное право (часть общая) // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 51–77.

КРИМИНАЛИСТИКА

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА УСТНОЙ РЕЧИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Т.А. Алексеева

В своей профессиональной деятельности следователю часто приходится обращаться к речи как источнику информации. Устная речь является интересным, но одновременно сложным объектом анализа, поэтому следователь во время производства следственных действий сталкивается с определенными проблемами.

1. Проблема *восприятия криминалистически значимой информации*. Существует три системы восприятия информации следователем (или репрезентативные системы): аудиальная (опирающаяся на **слуховые** образы), визуальная (опирающаяся на **зрительные** образы), кинестетическая (опирающаяся на **ощущения**). Проблема анализа устной речи заключается в том, что на слух информация воспринимается человеком после восприятия зрительной информации.

Поэтому следователь воспринимает и анализирует устную речь допрашиваемого во вторую очередь как сопутствующий (дополнительный), а не основной фактор. Следователь должен сконцентрировать внимание только на речи допрашиваемого, его интонации, тембре голоса, содержании слов, тогда можно будет получить информацию о личности допрашиваемого и оценить правдивость его показаний.

2. Следующая особенность и одновременно проблема анализа устной речи – *сложноструктурность*. Речь представляет собой сложную систему, проанализировать которую можно посредством ее членения на простые составляющие. Можно выделить три элемента устной речи: тональность (тембр, громкость, темп речи), эмоциональность (интонация); содержательность (личностная символика, лично-стно значимая информация). Проанализировав изменения всех трех элементов устной речи допрашиваемого, следователь сможет разграничить речь волнуемого человека от речи лгущего.

3. Следующая проблема заключается в том, что на речь влияют два основных фактора: ситуация, в которой происходит речевое общение, и тип личности человека, который вкладывает в произносимые слова свой смысл.

В ситуации допроса у большинства людей нет представления о том, как необходимо себя вести. Это приводит к зависимости ответов допрашиваемого (по форме) от характера вопросов следователя. Следователю стоит употреблять простые, конкретные слова, речь должна быть краткой, ясной и по выбору слов и по строению предложений.

Чтобы проанализировать речевые особенности допрашиваемого, следует применить типологический подход. Зная психотип допрашиваемого, следователь сможет заранее предположить, какие речевые особенности будут проявляться во время допроса, отличить по тональным, эмоциональным и содержательным составляющим речи правдивые показания от ложных.

4. Проблема *неоднозначности трактовки вопросов следователя и показаний допрашиваемого* состоит в том, что фраза, а не редко и слово само по себе может предполагать большое количество смысловых вариаций. Кроме того, каждый человек, произнося те или иные слова, вкладывает в них свой смысл. Когда мы задаем вопрос, то предполагаем, что человек будет отвечать в соответствии с тем смыслом, который мы вкладывали в свой вопрос, исходя из наших собственных представлений о мире, исходя из нашего типа личности. В то же время восприятие наших слов лицом происходит уже совсем по-другому, в соответствии с его типом личности.

При этом большое значение имеет не только смысл, но и символическое значение слов, которое наиболее ярко отражает тип личности допрашиваемого. Речевые символы помогут следователю как получить информацию о личности допрашиваемого, так и установить психологический контакт с ним.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОВД

Е.А. Ануфриева

Крайне важную роль в расследовании коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, как представляется, играет качество осуществляемого взаимодействия между следователями

Следственного комитета России и оперативными сотрудниками ОРЧ СБ ОВД. Вместе с тем, как показывает обзор судебно-следственной практики, такое взаимодействие в настоящее время находится на достаточно низком уровне. Интерес представляют результаты анкетирования следователей и сотрудников подразделений собственной безопасности ОВД, которые занимались раскрытием и расследованием преступлений исследуемой категории. Так, положительно оценивают итоги осуществляемого взаимодействия только 61% оперативных работников и 48,7% следователей, что явно нельзя признать удовлетворительным. С целью определения путей выхода из сложившейся ситуации проанализируем причины, ее детерминировавшие. Так, и следователи Следственного комитета России, и оперативные сотрудники ОРЧ СБ ОВД среди основных негативных факторов, влияющих на качество взаимодействия между ними, называют следующие: нежелание обмениваться информацией, недоверие, прямые указания руководства и иные факторы.

Как представляется, корни недоверия и нежелания следователей СК России активно сотрудничать с оперативными сотрудниками ОРЧ СБ ОВД лежат прежде всего в том, что, по сути, последние являются членами той же структуры, что и преступники рассматриваемой категории. В связи с чем обоснованно можно ожидать оказания на них давления со стороны руководства УМВД субъекта РФ, а также наличия возможных личных связей между оперативными сотрудниками ОРЧ СБ ОВД и преступниками. Устранение данного отрицательного момента возможно путем перевода ОРЧ СБ ОВД в подчинение исключительно Департамента собственной безопасности МВД России.

Как показывают результаты изучения судебно-следственной практики и опроса практических работников, задержание коррумпированных сотрудников ОВД с поличным зачастую (в 38% случаев) проводится сотрудниками ОРЧ СБ ОВД самостоятельно, без какого-либо привлечения следователей в рамках оперативного эксперимента. Данное обстоятельство находит негативное отражение в порой неутожительных результатах проверки сообщения о преступлении и невозможности их последующего использования в качестве доказательств преступной деятельности коррумпированного сотрудника ОВД. Скорее всего, привлекать следователя к совместной работе целесообразно с момента поступления информации о коррупционной деятельности сотрудника ОВД. В этом случае следователь имеет возможность изначально определить направление расследования, более

полно и всесторонне установить все обстоятельства преступления. Совместное планирование тактической операции позволяет избежать совершения ошибок, которые затруднят либо вовсе исключат возможность использования полученной информации в процессе дальнейшего расследования. Кроме того, участие следователя в проведении тактической операции существенно облегчает процессуальное закрепление ее результатов.

Таким образом, не вызывает сомнений, что качество взаимодействия между следователем и оперативными работниками оказывает прямое влияние на эффективность использования результатов оперативно-розыскной работы. Решить данную проблему можно путем устранения пробелов в законодательном урегулировании взаимодействия оперативных работников ОВД и следователей СК России до возбуждения уголовного дела, а также оптимизации взаимодействия силами руководителей ОВД и подразделений Следственного комитета России.

АСПЕКТЫ ПОДМЕНЫ ЦЕПОЧЕК ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ ЦЕПОЧКАМИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

А.В. Батраков

Вся окружающая нас действительность охвачена сетью фактов прошлого, настоящего и будущего, соединяющихся между собой многочисленными связями. Выделить из этого многообразия цепочек зависимостей и отношений связь, характеризующуюся именно как цепь причинения, бывает очень не просто, так как сама природа связей и отношений является достаточно разносторонней. Часто возникают ситуации, когда в логически выделяемую цепочку причинности проникают ошибки, связанные с неверным пониманием особенностей внутренней сущности причинных зависимостей.

Конкретную причинную связь (цепочку) мы как бы выделяем из всеобщей системы связей, охватывающей всю окружающую действительность, т.е. абстрагируемся в определенной степени, поэтому нередко возникают элементы деструктуризации цепочки зависимостей по причине неверного, субъективного исключения каких-либо фактов или дополнения фактами, не связанными с выделяемой причинной цепочкой генетически. Выделяемая цепочка

причинной зависимости объективно существует и в то же время представляется как субъективное наше суждение ввиду отражения ее в нашем сознании, представлении.

Существует пространственная связь-отношение, она предполагает нахождение объекта в относительно единой точке пространства и относительно в единых временных рамках, связи-отношения разнообразны и включают в себя причинно-следственные. Такую связь, исключив из нее цепочки причинных зависимостей, можно назвать **связью сосуществования**. Данную связь иногда очень трудно отделить от причинной связи (генетической) из-за множественности возможных вариантов, влекущих ошибки в восприятии, что при расследовании может привести к системе неверных представлений и решений.

Субъективно вычлняя из общей системы связей (отношений, причинных зависимостей) определенную цепочку причинно-следственной связи, т.е. абстрагируясь от всех остальных отношений, не связанных с элементами цепи свойством причинной зависимости, можно схематично представить ее следующим образом:

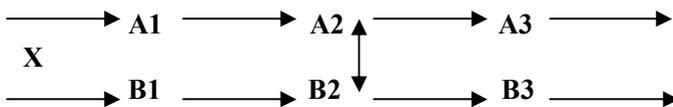

Здесь A1, A2, A3 – элементы цепи событий.

Изобразить схематично отношения, складывающиеся при ошибочном, субъективном восприятии и подмене отношений причинной зависимости отношениями (связями) сосуществования, можно так:

Здесь A2 и B2 имеют только связь сосуществования, а при правильном решении вопросов, определяющих соотношение элементов, наглядная схема должна выглядеть следующим образом:

Здесь A и B – разные события, а X – связь сосуществования.

Своевременное выявление и оценка связей сосуществования как элементов всеобщей системы окружающих нас событий, явлений, находящихся во времени и пространстве, вычленение их из цепочек причинных зависимостей, недопущение подмены причинно-следственной связи связью сосуществования в полной мере помогут избежать неверных оценок в научной и практической деятельности.

Элементы исследования в данном направлении просматриваются в работах многих известных ученых-криминалистов, однако данная тема до настоящего времени не исследована, несмотря на важность и актуальность, поэтому требует дальнейшего внимательнейшего изучения.

ЗАДАЧА ДОПРОСА – ОСНОВАНИЕ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ПРИЕМОВ ДОПРОСА

А.И. Баянов

Классификация приемов допроса не только носит научный характер, но и имеет практическое значение. Практическое значение классификаций приемов допроса заключается в том, что они содержат перечни и описание приемов, которые могут быть рекомендованы к применению с учетом особенностей следственного действия. К числу особенностей производства допроса следует отнести факторы, влияющие на выбор приемов допроса: характер ситуации допроса, вид решаемой задачи; особенности личности допрашиваемого лица, личностные возможности допрашивающего, закономерности переработки информации человеком. Каждый из указанных факторов может служить основанием для классификации приемов допроса. В научной, справочной, учебно-методической литературе содержатся классификации по другим основаниям: научному источнику, используемому для обоснования приема допроса; стадиям уголовного судопроизводства; этапам допроса и т.д. Классификации приемов, построенные с учетом указанных оснований, заслуживают внимания и не только вносят вклад в понимание природы приема допроса, но и используются в практической деятельности. Подчеркивая важность существующих классификаций приемов допроса, следует, на наш взгляд, акцентировать внимание на классификации, основанием которой является задача допроса.

Задача допроса связана с целью допроса. Она представляет собой цель допроса, видоизмененную, приспособленную к характеру той ситуации, в которой производится допрос. Прямая связь задачи допроса и его цели делает задачу основным элементом в структуре про-

цесса принятия решения, направленного на выбор приемов допроса. На начальном этапе процесса принятия решения постановка задачи позволяет определить круг приемов допроса, которые могут использоваться для ее эффективного решения. В дальнейшем круг приемов допроса сокращается. Причиной сокращения круга приемов являются иные основания, влияющие на выбор приемов допроса. Процесс принятия решения продолжается до тех пор, пока не будет выбран один прием или группа приемов (тактическая комбинация), которые можно считать оптимальными. Оптимальным считается прием допроса, обеспечивающий максимальный положительный результат при благоприятном развитии ситуации и минимальные негативные издержки при неблагоприятном развитии ситуации допроса.

Классификация приемов с учетом характера задач допроса требует решения ряда вопросов: 1) установления соотношения между приемом и задачей допроса; 2) определения систем типовых задач, которые могут решаться в процессе подготовки и непосредственно в процессе производства допроса; 3) проведения инвентаризации приемов, имеющих научное обоснование и прошедших апробацию в следственной и судебной практике.

При формировании систем типовых задач необходимо учитывать этапы (стадии) допроса и выделять систему задач подготовки к допросу и систему задач непосредственного производства допроса.

Система типовых задач подготовки к допросу может быть представлена следующим образом: задачи информационной подготовки, изучение личности допрашиваемого лица, задачи организационной подготовки, задачи технологической (операционной) подготовки, задачи технической подготовки. К системе типовых задач непосредственного производства допроса могут быть отнесены следующие: установление и поддержание психологического контакта с допрашиваемым лицом, оказание воздействия на допрашиваемое лицо для устранения его негативной установки, оказание помощи допрашиваемому лицу для активизации его памяти и адекватного изложения показаний, проверка получаемых в процессе допроса показаний.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

А.И. Баянов, Н.А. Хакимов

Успешное расследование преступлений в значительной степени зависит не только от объема и качества следов, которые оставило после себя расследуемое событие, но и от эффективной работы специалиста, дознавателя, следователя. Эффективность обнаружения, фиксации и изъятия следов находится в прямой зависимости от использования в процессе производства следственных действий современных технических средств. Без применения технических средств существенно снижается полнота, объективность и наглядность собранных доказательств, а также возможность дальнейших экспертных исследований. Такая ситуация вполне объяснима, поскольку применение технических средств создает объективную предпосылку назначения и производства большинства судебных экспертиз. Объектами судебной экспертизы выступают материальные вещи (следы, предметы, их копии, обстановка и т.д.), которые необходимо обнаружить, зафиксировать и изъять. Они не могут заменяться на описания в протоколах следственных действий. Любое, даже очень подробное и детальное описание не в состоянии адекватно воспроизвести признаки объектов.

Объективные реалии производства следственных действий и последующих судебно-экспертных исследований должны учитываться в уголовно-процессуальном законе при определении характера правовой установки на применение технических средств. Установка, на наш взгляд, должна носить однозначный обязательный характер и не зависеть от субъективной воли лица, проводящего следственное действие. При наличии объективной возможности применения технических средств они должны применяться в обязательном порядке. Неприменение технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия следов расследуемого события должно быть обусловлено только наличием объективных причин. К таким причинам можно отнести природные особенности, препятствующие применению технических средств, а также факторы, приводящие к унижению чести и человеческого достоинства либо создаю-

щие опасность для жизни и здоровья лиц, принимающих участие в производстве следственного действия. Во всех остальных ситуациях технические средства должны применяться всегда.

В ч. 6 ст. 164 УПК РФ, определяющей общие правила производства следственных действий, содержится положение, согласно которому при производстве следственных действий «могут» применяться технические средства. Наличие в тексте статьи ключевого глагола «могут» создает возможность двоякого толкования, что приводит к неопределенности установки на применение технических средств.

С учетом вышеизложенного полагаем, что неопределенность должна быть устранена за счет замены в тексте п. 6 ст. 164 УПК РФ глагола «могут» на глагол «применяются». После предлагаемого изменения редакция п. 6 ст. 164 УПК РФ может быть представлена следующим образом: «При производстве следственного действия применяются технические средства»... и далее по тексту.

Для исключения субъективного подхода в принятии решения о применении технических средств и повышении ответственности лиц, отвечающих за производство следственных действий, с учетом изменений, внесенных в часть 6 статьи 164 УПК РФ, предлагается дополнить ч. 5 ст. 166 УПК РФ следующим положением: «Если технические средства не применялись, то в протоколе указываются причины, по которым они не были применены».

ПРОФИЛАКТИКА МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПО СХЕМЕ «ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД»

В.Ю. Белицкий

Профилактическая деятельность следователя по предупреждению совершения преступлений включает в себя действия, проводимые непосредственно самим следователем, и действия, осуществляемые по поручению следователя другими государственными органами, организациями, производственными предприятиями, иными учреждениями и общественностью¹.

¹ Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. М., 2000. С. 112.

К действиям следователя по профилактике мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид», можно отнести:

- своевременное выявление мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид», а также установление лиц, их создавших;

- выполнение следственных и иных процессуальных действий, направленных на выявление обстоятельств, способствующих совершению мошенничеств по принципу «финансовых пирамид»;

- принятие мер по устранению (нейтрализации) выявленных обстоятельств, способствующих совершению данных преступлений;

- выявление и исследование особенностей типичных следственных ситуаций профилактического характера, складывающихся при расследовании, и выработка на их основе главных направлений деятельности по предупреждению и профилактике мошенничеств данного вида.

По поручению следователя профилактическую деятельность могут осуществлять прежде всего средства массовой информации (далее – СМИ), которые играют огромную роль в жизни современного общества, так как не только отражают действительность, но и активно воздействуют на нее. Они выполняют значительную часть функций по формированию сознания людей, воспитанию их вкусов, взглядов, привычек и предпочтений. Кроме того, появляется реальная возможность информировать общественность о совершенном преступлении, работе органов предварительного следствия по их расследованию и о результатах данной работы. Именно поэтому органы предварительного следствия должны активно использовать возможности СМИ для предупреждения и профилактики мошенничеств данного вида.

Для достижения максимального результата по предупреждению и профилактике мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид», необходима спланированная работа следователя со средствами массовой информации, которая должна быть направлена:

- во-первых, на информирование населения о расследовании конкретных уголовных дел, возбужденных по фактам мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид». Подчеркнем, что информацию необходимо предоставлять с учетом соблюдения тайны следствия, иной охраняемой законом тайны, а также с учетом соблюдения принципа презумпции невиновности;

- во-вторых, на информирование населения о способах совершения мошенничеств данного вида с разъяснением системы приемов,

операциональных комплексов, порядке и механизме действий мошенников с тем, чтобы исключить совершение данных преступлений в отношении новых граждан;

– в-третьих, на формирование общественного мнения, повышающего имидж сотрудников правоохранительных органов в целом и органов предварительного следствия в частности, для повышения доверия к ним;

– в-четвертых, на правовое воспитание граждан, искоренение правового нигилизма.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что профилактика мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид», будет безуспешной, если государство, со своей стороны, не создаст эффективных механизмов по недопущению обстоятельств, способствующих совершению мошенничеств данного вида.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ДОКАЗЫВАНИЕ»

Ю.Л. Бойко

Доказывание представляет собой процесс установления истины в судопроизводстве, ее познание, обоснование представлений о ее содержании и заключается в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. Р.С. Белкиным было высказано мнение о том, что при разграничении предметов наук уголовного процесса и криминалистики следует учитывать возможность совпадения некоторых объектов их исследования. Таким совпадающим, общим для них объектом служит процесс доказывания, который каждой из наук изучается в своем аспекте и в своих целях¹.

Исторический процесс формирования понятия доказательств, проходя ряд этапов, развивался от логико-психологических представлений (как средства убеждения в существовании фактов) к информационно-содержательным (как сведений о фактах, подлежащих установлению), получивший закрепление в современном уголовно-

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы криминалистики. М., 1970. С. 42.

процессуальном законодательстве¹. Уяснению смысла понятия «доказательства» способствует концепция их формирования в процессе познавательного-удостоверительной деятельности субъекта доказывания, сущность которой состоит в том, что процесс получения доказательств всегда включает в себя преобразование информации, содержащейся в следах, оставленных исследуемым событием, и придание ей надлежащей процессуальной формы – превращение ее в показания, заключения, вещдоки.

Вопреки мнению некоторых исследователей, формирование доказательств не сводится лишь к закреплению полученной информации, а представляет собой органичный, неотделимый элемент этой деятельности. Нам представляется, что криминалистическим содержанием доказательств вообще является информация – сведения, служащие средством установления разнообразных обстоятельств, подлежащих доказыванию и имеющих значение для дела, – которая сохраняется в первоначальном, неизменном, т.е. неперекодированном виде². Однако признание доказательств только фактов объективной действительности оставляло без рассмотрения вопрос, откуда берутся факты, т.е. достоверные сведения, признаваемые доказательствами. Ответом на него стала разработанная М.С. Строговичем двойственная трактовка понятия «доказательства»: показания обвиняемого, свидетеля, заключения эксперта, документы, именуемые им источниками доказательств, признавались доказательствами, поскольку с их помощью устанавливались обстоятельства, подлежащие доказыванию. Вместе с тем при такой конструкции доказательства источники служили средством установления доказательств – фактов, а последние – средством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию³.

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что обоснованием внутреннего убеждения субъекта доказывания по уголовному делу о достижении объективной истины служат суждения, имеющие характер как абсолютных истин, так и истин, практически достоверных. Установление истины в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства осуществляется

¹ Шейфер С.А. Понятие доказательства: спорные вопросы теории // Государство и право. 2008. № 3. С. 12.

² Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе. Самара, 2007. С. 248.

³ Строгович М.С. Избранные труды. Т. 3: Теория судебных доказательств. М., 1991. С. 81–82.

путем доказывания обстоятельств, совокупность которых составляет предмет исследования по уголовному делу. Доказывание есть выяснение связей между данным явлением, фактом и обосновывающими его другими фактами, явлениями¹. Именно эти связи носят объективный характер; они существуют вне зависимости от того, познаны они или нет, вне зависимости от воли лица, осуществляющего доказывание. В процессе доказывания они выявляются, познаются, позволяют убедиться в истинности того или иного предположения. А средством такого убеждения служат доказательства, выступающие в качестве средств доказывания, и если рассматривать их с криминалистической точки зрения или аспекта, то это сам процесс обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения и использования полученных доказательств.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ УЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

М.В. Горский

В процессе установления обстоятельств для отвода профессиональных участников уголовного судопроизводства при помощи полиграфа могут возникнуть определенные проблемы, главные из которых носят правовой и этический характер.

Установление обстоятельств для отвода участников уголовного судопроизводства с использованием полиграфа (из-за специфики самого метода) в какой-то степени ограничивает правовое положение определенных лиц и может затрагивать их личные права, поскольку вопрос, например, о личной заинтересованности судьи в исходе дела теоретически может инициироваться стороной хоть по каждому рассматриваемому уголовному делу. И тогда ему придется достаточно часто находиться в роли обследуемого. К тому же следует отметить, что стороны процесса могут злоупотреблять своим правом на заявление отвода, тем самым затягивая производство по делу. Поэтому прежде чем вводить такую возможность

¹ *Белкин А.Р.* Теория доказывания: криминалистический и оперативно-розыскной аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2000. 36 с.

проверки наличия предполагаемых обстоятельств для отвода, необходимо подробно проанализировать возможность применения психофизиологических исследований с использованием полиграфа для установления обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, а также разработать специальный механизм, препятствующий злоупотреблению правом на заявления отводов, о чем будет подробнее сказано ниже.

Прежде всего, необходимо отметить, что использование полиграфа для проверки сотрудников правоохранительных органов при приеме на работу или последующей переаттестации все более широко вводится в практику (полиграф используется в органах МВД, ФСБ, Следственном комитете РФ). Кроме алкогольной и наркотической зависимости сотрудники правоохранительных органов проверяются на предмет получения взяток, злоупотребления полномочиями, связей с криминальными структурами, наличия конфликтов личных и государственных интересов (личной заинтересованности). Существование указанных обстоятельств может одновременно являться и основанием для отвода следователя, прокурора, судьи.

Более того, сообщения о фактах подобных нарушений могут быть заявлены участниками уголовного процесса, после чего должны быть тщательно проверены. В ходе таких проверок целесообразно применять все те же средства, которые применяются в ходе служебных расследований, в том числе и психофизиологические исследования. Так, например, в соответствии с п. «г» ч. 6 ст. 52 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудник органов внутренних дел, в отношении которого проводится служебная проверка, имеет право сам потребовать провести проверку своих объяснений с помощью психофизиологических исследований (обследований).

Ограничения прав сотрудников правоохранительных органов и судей, связанные с необходимостью прохождения процедуры полиграфной проверки для установления обстоятельств, исключающих их участие в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, допустимы, поскольку для государства является очень важным и приоритетным, чтобы честность и добропорядочность, объективность и беспристрастность всех должностных лиц выяснялись не только при приеме на работу, но и применительно к производству по конкретному рассматриваемому делу.

Необходимо также отметить, что на практике могут возникнуть случаи злоупотребления правом на заявление отвода. Поэтому целесообразно разработать специальные меры, направленные на недопущение подобных ситуаций.

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

О.П. Грибунов

Появление нового уголовно-процессуального института – «досудебное соглашение о сотрудничестве» – в науке и правоприменительной практике вызвало не однозначную реакцию. Анализ отдельных публикаций позволяет заключить, что в процессуальной литературе не единообразно освещается вопрос о досудебном соглашении о сотрудничестве. Одни авторы затрагивают проблему необходимости согласия потерпевшего при заключении соглашения. Другие авторы считают более важным, что не урегулирован вопрос о досудебном соглашении о сотрудничестве при проведении дознания. При этом в постановлении Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 в п. 3 указано, что досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с обвиняемым (подозреваемым) при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия, в том числе и в случаях, предусмотренных в ч. 4 ст. 150 УПК, т.е. когда выходом из данной ситуации рассматривается возможность передачи прокурором уголовных дел дознания для производства предварительного следствия¹. Следовательно, дознание в качестве формы уголовного судопроизводства, при которой допускается заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, не указано. Вместе с тем в п. 61 ст. 5 УПК нет таких ограничений.

¹ Великий Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 84–90; Винницкий Л., Мельник С. Необходимо ли согласие потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2012. № 10. С. 55–58; Гранкин К., Мильтова Е. Проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 76–79; Ортиков Е. Досудебное соглашение о сотрудничестве при проведении дознания // Законность. 2012. № 11. С. 55–57 и др.

Безусловно, положения гл. 40.1 УПК направлены прежде всего на расширение возможностей влияния уголовно-процессуального законодательства в противодействии и нейтрализации организованной преступности, коррупции и незаконному обороту наркотиков, а также преступлений имущественного характера, совершенных группой лиц, в том числе на объектах транспорта. Что касается преступлений, совершенных на объектах транспортного комплекса – железнодорожном, воздушном, морском, – очевидно, что досудебное соглашение о сотрудничестве необходимо для упрощения процесса расследования преступлений. Всем известно, что так называемая транспортная преступность отличается от других видов тем, что обладает признаком «гастролерность», т.е. все участники преступного события – потерпевшие, лица, совершившие преступления, свидетели – через некоторое время могут быть в разных частях нашего государства, в том числе за границей. Следовательно, в случаях, когда преступление совершено группой лиц и процесс расследования затруднен географическим положением указанных выше лиц, заключение досудебного соглашения с обвиняемым или обвиняемыми будет способствовать «экономичности» не только процесса расследования, но и судопроизводства.

Подводя определенный итог, следует заметить, что появление нового правового института уголовно-процессуальных отношений повлияет не только на процесс раскрытия и расследования преступлений, но и на судопроизводство. Вместе с тем применение особого порядка проведения судебного заседания и вынесение судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не должно стать повседневным, это должно быть действительно исключением.

ПОЛУЧЕНИЕ СВЕДЕНИЙ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАВЕДЕНИЕ СПРАВОК»

С.В. Гулюк

Изучение практики деятельности органов государственной власти, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), свидетельствует о наличии проблем в правовом регулировании

отношений, возникающих в связи с проведением оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «наведение справок».

По своей сути ОРМ направлены на добывание информации о скрываемых признаках и фактах преступной деятельности, а также о событиях или действиях, создающих угрозу безопасности России. ОРМ «наведение справок» внешне является одним из наиболее простых. Его назначение заключается в получении информации о физических лицах, фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, путем непосредственного изучения документов, материалов, баз данных, направления запросов на предприятия, в учреждения и организации, другим юридическим лицам, а также физическим лицам, которые располагают или могут располагать указанной информацией.

Получение различной информации открытого и закрытого характера необходимо для решения задач, стоящих перед субъектами, осуществляющими ОРД. Зачастую без наличия сведений о том, находится ли проверяемое лицо на учете в психоневрологическом диспансере, информации о сделках с недвижимостью, данных о банковских операциях и т.д. невозможно внести ясность по существу имеющихся у правоохранительных органов подозрений.

Однако на практике при получении информации в ходе наведения справок зачастую возникают трудности. Они обусловлены наличием противоречия между потребностью субъектов ОРД в получении сведений ограниченного доступа и усложненными механизмами получения таких сведений.

Действующим российским законодательством предусмотрены особые правовые режимы доступа к десяткам видов информации. Среди них государственная, банковская, налоговая, врачебная, нотариальная, адвокатская, служебная, следственная и иные виды тайн. Кроме того, к информации ограниченного доступа относят сведения о биллинговых соединениях, ИМЕI, государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, фактах частной жизни (персональные данные), сущности изобретения, полезной модели и т.д.

Изучение правовой природы особых режимов обращения перечисленных видов информации свидетельствует о том, что ограничения в доступе к подобным сведениям обусловлены возможными негативными последствиями в виде ущерба, который может быть причинен охраняемым законом правам и интересам человека либо организации в результате их бесконтрольного распространения.

Для исключения возможных злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов, получивших доступ к закрытым сведениям в ходе осуществления ОРД, необходим механизм, который бы по возможности максимально гарантировал обоснованность требований о получении доступа к этим сведениям. В настоящее время в России единого механизма получения субъектами ОРД сведений из закрытых источников не имеется.

В ряде случаев для исключения возможности злоупотребления субъектами ОРД правом на получение информации ограниченного пользования (банковская, налоговая тайна и т.д.) устанавливается специальный порядок ее получения, связанный с наличием возбужденного уголовного дела. Чтобы разрешить указанное противоречие, необходимо выработать единый механизм получения субъектами ОРД информации ограниченного доступа для решения служебных задач.

Представляется, что решение изложенной проблемы существенно повысит эффективность работы правоохранительных органов и специальных служб.

ПРОИЗВОДСТВО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ И НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КВАРТИРНЫХ КРАЖ

Н.С. Дергач

Обобщение следственной и судебной практики, а также анализ криминалистической литературы показывают, что первоначальные следственные действия в сочетании с верно выбранным направлением расследования имеют важное значение и существенно влияют на процесс раскрытия преступления.

При расследовании квартирных краж на первоначальном этапе могут проводиться любые следственные действия и в любом сочетании, разумеется, в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Главную роль в первоначальных действиях играют следственные действия.

Наряду с понятием первоначальных следственных действий в криминалистике разработано и понятие неотложных следственных действий. Однако следует заметить, что в уголовном процессе

и в криминалистике нет устоявшейся точки зрения о понятии «неотложные следственные действия».

Анализ юридической литературы и следственной практики показал, что на первоначальном этапе расследования квартирных краж можно выделить неотложные следственные действия, которые проводятся в самом начале расследования, поэтому одновременно являются и первоначальными следственными действиями.

Объективным признаком неотложности следственных действий служит то, что если их отложить, то может оказаться утраченной возможность получения доказательств. Например, если не произвести немедленно осмотр места происшествия в связи с совершенной квартирной кражей, то явно будет утрачена возможность получения доказательств в полном объеме, так как место происшествия с течением времени изменяется, следы исчезают под влиянием естественных явлений, намеренных или неосторожных действий.

Неотложность производства некоторых следственных действий может возникнуть не только в начальный период расследования квартирных краж, но и в дальнейшем, когда, например, требуется неотложно провести обыск, ибо в случае промедления заинтересованные лица смогут принять меры к перепрятыванию или уничтожению доказательств¹.

В первоначальные следственные действия при расследовании квартирных краж входят, во-первых, неотложные следственные действия, если этот последний признак имеется налицо в тот момент, во-вторых, не неотложные (которые дают возможность внести ясность в расследуемое событие, помочь разработке версий по основным вопросам предмета доказывания).

Комплекс первоначальных следственных действий и иных действий определяется следователем в каждом конкретном случае. Он носит ориентировочный характер, как рабочая наметка, и не имеет по времени их производства четко определенных границ, отделяющих первоначальные действия от последующих.

Такая дифференциация следственных действий при расследовании квартирных краж позволяет следователю достаточно гибко использовать каждый из его видов по своему назначению.

¹ Васильев А.П. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1977. С. 31.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПОЖАРНО-ТАКТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Н.Ю. Жигалов

Доминирующими факторами, имеющими первостепенное значение, в процессе формирования и выделения новых родов и видов судебных экспертиз выступают процессы дифференциации и интеграции научных знаний. Т.В. Аверьянова справедливо утверждает, что «порождаемые данными процессами новые средства и методы экспертного исследования побуждают к поиску ранее не известных практике объектов-носителей информации, позволяют решать нетрадиционные задачи и в целом расширяют, в частности, возможности судебной экспертизы»¹.

Представляется, что сегодня можно говорить о следующем новом виде судебной экспертизы. При расследовании преступлений, связанных с пожарами, одним из важнейших вопросов является вопрос оценки действий руководителя тушения пожара и личного состава пожарных подразделений в связи с возможностью их несвоевременных или неправильных действий. Таким образом, должен быть исследован вопрос о тактике тушения пожара и ее логической связи с развитием и распространением пожара, а также наступлением тяжких последствий.

Так, например, по всем крупным пожарам в г. Москве кроме судебной пожарно-технической экспертизы назначались пожарно-тактические экспертизы. Поводом для назначения экспертизы были последствия пожаров, а также заявления и сообщения граждан по поводу неправильных действий пожарных подразделений.

Производство пожарно-тактической экспертизы позволяет экспертным путем получить доказательства и ответить на многие важные вопросы. На основании выводов судебных экспертов органы предварительного расследования могут дать оценку действиям пожарных, ответить на вопрос о времени их прибытия к месту пожара.

В предмет пожарно-тактической экспертизы входит установление совокупности фактических данных об обстоятельствах тушения пожара.

К объекту пожарно-тактической экспертизы отнесены источники информации о тушении пожара, представляемые эксперту лицом, назначившим экспертизу в форме материалов.

¹ Аверьянова Т.В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. М.: Академия МВД России, 1994. С. 117.

Задачи пожарно-тактической экспертизы определяются потребностями судебно-следственной практики и пределами научной компетенции судебного эксперта.

В «Криминалистической энциклопедии» пожарно-тактическую экспертизу определяют как вид инженерно-технических экспертиз для решения вопросов, связанных с действиями по тушению пожаров, тактикой пожарных подразделений и т.п. Некоторые вопросы, относящиеся к предмету такой экспертизы, решаются при проведении пожарно-технической экспертизы¹.

По нашему мнению, назрела актуальная проблема сегодняшнего дня – это разработка теоретических основ пожарно-тактической экспертизы.

В настоящее время нет четкой определенности и ясности, на основании чего, каким образом и по каким критериям оценивать правильность или неправильность действий лица, осуществляющего по долгу службы тушение, а точнее, ликвидацию конкретного пожара.

Тем более что на сегодняшний день отсутствует единая методика проведения пожарно-тактической экспертизы. Официального статуса она не получила. В перечне экспертиз, проводимых экспертами МВД и Министерства юстиции России, пожарно-тактическая экспертиза как вид судебных экспертиз отсутствует.

ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФОВ И ПРАВОВЕДОВ

Н.И. Зейле

В человекознании проблема личности относится к числу сложнейших уже с момента установления этимологически личностных характеристик человека. Они несут разную смысловую нагрузку в зависимости от той или иной культуры и цивилизации, религиозных и философско-научных нормативных идеалов личности. Ограничим спектр рассмотрения проблемы личности временной границей «советское–постсоветское».

Трудно согласиться с мнением, что тема личности всегда присутствовала в трудах советских юристов уже хотя бы потому, что суще-

¹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 186.

ствовали ГУЛАГовские и военные времена, когда из судопроизводства был исключен принцип презумпции невиновности. Разделяем позицию тех юристов, которые считают, что юристы стали активно интересоваться личностью с 60-х гг. прошлого столетия. Опираемся на полемическое решение трех вопросов, поставленных перед философом В.П. Тугариновым в работе «Личность и общество» (М., 1965): 1) что следует понимать под личностью и каковы ее характерные черты; 2) каждый ли человек представляет собой личность; 3) всегда ли существовала личность?

Имеет место «демократическое» использованию понятий «человек», «личность», «индивид», «субъект», «гражданин». Неразличение этих понятий во многом обусловлено переносом биоантропологических и наследственных характеристик человека на его личность. Изрядная доля эклектичности исследований явилась результатом диффузии бихевиористских, фрейдистских, экзистенциалистских и неомарксистских парадигм человека и личности.

Абсолютизация биоантропологических и наследственных черт человека и их роли в сложной структуре личности приводит, например в криминологии, к рецидивам ломброзианства. Заметим, что человеческая активность является результатом взаимообусловленности по меньшей мере двух составляющих: деятельности и поведения, чего не учитывали многие отечественные исследователи.

Анализ мотивов противоправных действий выявил у преступника наличие деформированной системы ценностей и структурные дефекты в деятельности и поведении, ведущие к изменению социальных отношений и связей, в которых выражаются антиобщественные поступки. Использование юристами понятия «личность преступника» обнаружило ту позабытую истину, что нельзя игнорировать философский аспект проблемы человека и личности. Говоря о личности преступника, необходимо выявлять единую объективную социально-экономическую базу для класса преступников, общие и доминантные черты у совершающих преступления. Ведь личность – это человеческий индивид со сложным и богатым внутренним миром, носитель социальных качеств, формирующихся в социокультурной деятельности.

Проблеме злодея, кроме названных ранее парадигм изучения человеческой личности, уделял внимание и гениальный философ И. Кант. По его мнению, человеческую природу определяют следующие задатки: 1) животность человека как живого существа; 2) вечность его как существа живого и вместе с тем разумного; 3) задат-

ки его личности как существа разумного и вместе с тем способного отвечать за свои поступки. Таким образом, наблюдается связь в развитии: «животное → человек → личность». Говоря о «пороках культуры», основанной на физиологическом себялюбии (похоть, беззаконие, обжорство и т.п., что характерно и для нашего времени), он указывает на устремленность многих людей не дать другим обойти себя и возникновение желания добиться превосходства над другими. Поэтому задатки личности коренятся в способности воспринимать уважение к моральному закону. Аналогичные стадии развития личности находим у Гегеля. Но остается спорным вопрос о том, все ли люди проходят эти стадии, а для юристов – установление личности преступника на одной из этих стадий.

О ПРЯМОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ КРИМИНАЛИСТИКИ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УГОЛОВНЫМ ПРОЦЕССОМ

В.К. Зникин, М.В. Кондратьев

В феврале 2012 г. в Номенклатуру специальностей научных работников по юридическим наукам внесено изменение: специальность 12.00.09 была названа «Уголовный процесс», а криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность были объединены в рамках новой специальности – 12.00.12.

Одним словом, случилось то, что стало не ожидаемым, не желаемым и во многом не объяснимым. Бесспорно, что криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность необходимы в юридической науке и практике постольку, поскольку они могут быть востребованы уголовным процессом в лице государственных правоохранительных структур и суда. В ином же случае они могут быть востребованы другим партнером по уголовно-процессуальной проблемной ситуации, желающим уйти от справедливого наказания.

Обозначенные три вида деятельности являются не чем иным, как наиболее эффективным, а в большинстве случаев единственным средством получения сведений (фактических данных), которые в последующем могут трансформироваться в уголовно-процессуальные доказательства.

Как сказал в свое время профессор Р.С. Белкин, «криминалистика возникла и развивается как наука, способствующая деятельности органов дознания, следствия, экспертных учреждений и суда по установлению истины в уголовном судопроизводстве, отправлению правосудия и предупреждению преступлений, не случайно. Поэтому закономерности, изучаемые криминалистикой, лежат в сфере судебного исследования, под которым понимается вся деятельность лица, производящего дознание, следователя, прокурора, эксперта, суда по установлению истины в уголовном процессе, т.е. вся деятельность по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел»¹.

Вместе с тем оперативно-розыскная деятельность представляет собой особого рода правоохранительную функцию, основным содержанием и характерной чертой которой является ее разведывательно-поисковая сущность. Особенность этой функции состоит главным образом в том, что она носит преимущественно негласный характер и направлена на получение информации, использующейся в основном в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также в розыске лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания и без вести пропавших.

На наш взгляд, довольно сложно выработать новые рациональные и оптимальные пути добывания и собирания доказательств по уголовным делам, если научные исследования о процессуальном порядке их получения будут проводиться отдельно от исследований в сфере оперативно-розыскной и криминалистической тактик и методик раскрытия и расследования преступлений. Что могут исследовать криминалисты, эксперты и «оэрдэшники», если отрасль уголовного процесса будет от них удалена?

Относительно этого можно сделать вывод о том, что в последующем научную специальность 12.00.09 – «Уголовный процесс», в свете ее отделения от криминалистики, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности ожидает полная несостоятельность достижения целей и решения задач уголовного судопроизводства (неотвратимость наказания будет заменена на безнаказанность). В свою очередь, общество и государство посто-

¹ См.: Криминалистика: учеб. / под ред. Р.С. Белкина. М.: Юрид. лит., 1986. С. 4.

янно будут проигрывать все процессы без должного научного оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства.

ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОГО ЭКСПЕРТА

И.В. Иванов

При оценке заключения эксперта-бухгалтера как доказательства, признаваемого таковым в силу ст. 74 УПК РФ, принимается во внимание целый ряд факторов. Наиболее общие принципы такой оценки сформулированы в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». На практике используются критерии оценки, предложенные авторами, как применительно к различным категориям экспертных исследований (Е.М. Лифшиц, В.А. Михайлов и др.), так и специально разработанные для судебно-экономических экспертиз (Г.А. Шумак, С.Г. Еремин, В.М. Волга и др.). В настоящее время при оценке заключения эксперта наибольшее внимание уделяется факторам процессуального характера (соблюдение процессуального порядка подготовки, назначения и проведения экспертизы), научной обоснованности применяемых приемов и методов и, как следствие, полученных результатов, а также значению для дела установленных экспертом в ходе исследования фактов¹. Наряду с этим к данному перечню относят требования логики и последовательности изложения фактов, доказательств и выводов; объективности заключения; его полноты, конкретности, характера и стиля изложения².

С научно-методической точки зрения фактическая обоснованность выводов заключения эксперта-бухгалтера оценивается во многом по отсутствию пробелов и противоречий между этими выводами и материалами, представленными на исследование (первичными документами, учетными регистрами, документами бухгалтерской отчетности, данными «чернового» (неофициального) учета). Экономическое содержание фактов хозяйственной жизни устанавливается на

¹См.: Сафонова М.Ф. Судебно-бухгалтерская экспертиза. Ростов н/Д, 2008. С.178.

² См., напр.: Судебно-бухгалтерская экспертиза / под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. М., 2009. С. 188–192.

основе данных первичной бухгалтерской документации. В соответствии с п. 4 ст. 9 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» формы первичных документов утверждает руководитель экономического субъекта, в то время как до вступления в законную силу названного федерального закона требовалась проверка первичных учетных документов на предмет соответствия их форме, содержащейся в альбомах унифицированных форм первичной учетной документации. На настоящий момент остается в силе требование соблюдения перечня обязательных реквизитов первичного учетного документа, а в п. 4 ст. 10 Федерального закона «О бухгалтерском учете» приведен аналогичный перечень реквизитов, обязательных для регистра бухгалтерского учета. Вместе с тем при оценке первичных документов с точки зрения их относимости и допустимости следует иметь в виду вероятность отличий в их оформлении в случае, если исследуемый период относится ко времени вступления в действие нового Федерального закона «О бухгалтерском учете».

Другим направлением, по которому оценивается работа эксперта с бухгалтерской документацией, является определение круга материалов, достаточных для решения экспертных задач. Недоброкачество первичного документа, выявленная по формальному критерию (например, отсутствие того или иного обязательного реквизита), может свидетельствовать о сложностях в организации учетного процесса у экономического субъекта, что, в свою очередь, является благоприятной средой для совершения хищений и иных противоправных деяний со стороны лиц, осуществляющих учет, а также работающих непосредственно с материальными ценностями, подлежащими учету. Однако такая недоброкачество не означает автоматического выбытия данного документа из числа материалов, представляющих интерес для эксперта. Наряду с черновыми бухгалтерскими записями, отдельными материалами уголовного дела (в том числе протоколами следственных действий) исследование таких документов может способствовать получению выводов, которые, возможно, не были бы получены иным путем, связанным с использованием приемов документального анализа.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Ф.В. Исмагилов

В России и за рубежом существует философско-правовая концепция о том, что причины и проблемы дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) в наиболее обобщенном виде определяет система: «человек–автомобиль–дорога».

Анализируя механизм ДТП как одного из центральных элементов криминалистической характеристики дорожных преступлений, мы увидим эту систему в расширенном виде, а именно «водитель–автомобиль–дорога–пешеход». Учеными также предложена другая концепция, суть которой в том, что безопасность дорожного движения обеспечивается нормальным функционированием всех составляющих системы «человек–автомобиль–дорога–окружающая среда». Каждый из перечисленных элементов системы составляет концепцию субъективно-объективного механизма дорожно-транспортных преступлений.

Исследование и уяснения механизма ДТП начинаются с момента возникновения опасности. Момент возникновения опасности – это начало опасной ситуации, которая при отсутствии активных действий со стороны водителя перерастает в аварийную; точка в пространстве, с которой водитель мог воспринимать источник опасности; момент во времени, когда водитель мог и должен был воспринять признаки источника опасности, информирующие о необходимости принять экстренные меры. Начало формирования системы причинных связей из всех ранее названных элементов включает: действие (бездействие) пешехода на полосе движения транспортного средства (далее – ТС) на расстоянии, которое позволяет: водителю – предотвратить ДТП; пешеходу – уяснить, согласовано ли его действие с Правилами дорожного движения, а в случае опасности – изменить местоположение, чтобы освободить водителю пространство для безопасного проезда или маневра; дорожное покрытие, его дефект как источник опасности, которые снижают динамику действий водителя при движении ТС, переводя его в состояние неуправляемости (например, яма, залитая водой, или выступающая крышка канализационного колодца). Этот

элемент играет решающую роль, если водитель не мог и не должен был увидеть возникшую опасность в пределах расстояния, позволяющего предотвратить ДТП.

Характерным является то, что при расследовании дорожно-транспортных преступлений следователю необходимо учитывать каждый из названных групп объектов, которые характеризуют существенные стороны события. Поэтому следует обратить внимание на то, что для расследования дел о ДТП наиболее важны причинно-следственные связи. Из перечисленных групп каждый объект может быть представлен как две группы фактов и обстоятельств. К первой относятся условия, на фоне которых действовала искомая причина и которые продолжают действовать на водителей и пешеходов после того, как появились следствия. Вторую группу фактов, отобразившихся на местах происшествия, составляют следствия действовавших причин, их результаты. Познание их во взаимосвязи и взаимозависимости раскрывает содержание механизма и устраняет однобокость расследования.

Из анализа следственной и судебной практики приходится констатировать факт, что лица, производящие расследование дорожно-транспортных преступлений, не всегда подвергают криминалистическому анализу приведенную выше систему элементов. Некачественно проведенный осмотр места дорожно-транспортного происшествия (далее – ОМП), а также поверхностно составленные приложения к протоколу ОМП в виде схем, фототаблиц, графических изображений и др., без должного учета криминалистических рекомендаций, затрудняют расследование, а в большинстве случаев не позволяют восстановить механизм и картину события другими следственными и экспертными действиями.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Ж.Ю. Кабанова

Уголовно-исполнительная система осуществляет свою деятельность, целями которой в соответствии с ч.1 ст.1 УИК РФ являются: исправление осужденных и предупреждение совершения новых пре-

ступлений как осужденными, так и иными лицами. Указанные цели достигаются посредством осуществления сотрудниками УИС разных видов деятельности: уголовно-исполнительной, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, криминалистической.

До настоящего времени в криминалистической литературе нет единой позиции, касающейся понятия и содержания криминалистической деятельности. Большинство ученых-криминалистов, исходя из объекта, предмета и задач криминалистики, пишут: криминалистическая деятельность – это деятельность сотрудников правоохранительных органов, направленная на раскрытие, расследование, предупреждение преступлений. Разделяя в целом предложенное мнение, отметим, что в исправительных учреждениях как осужденными, так и иными лицами совершается немало количество преступлений, которые необходимо раскрывать, расследовать и предупреждать. Для этого сотрудники учреждений и органов, исполняющих наказание, помимо основной работы должны осуществлять и криминалистическую, направленную на сбор, проверку и использование информации, которая, на наш взгляд, обеспечивает уголовно-процессуальную деятельность в процессе раскрытия и расследования преступлений, и уголовно-исполнительную – в процессе предупреждения совершения новых преступлений осужденными лицами.

Осуществляя уголовно-процессуальную деятельность в соответствии с нормами УПК РФ, а именно: проверку сообщений о преступлении, производство неотложных следственных действий, выполнение поручений о производстве следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, сотрудники исправительных учреждений выполняют следующие виды криминалистической деятельности: работу со следами преступлений; изучение личности преступника, потерпевшего; выдвижение криминалистических версий; использование тактических приемов, комбинаций, операций при производстве процессуальных действий. В рамках этой деятельности собирается, проверяется и используется информация о следах преступной деятельности, личности преступника, потерпевшего, механизме преступления.

С целью предупреждения совершения новых преступлений осужденными лицами и обеспечения режима в исправительных учреждениях сотрудниками осуществляется дактилоскопирование осужденных лиц, а также деятельность, связанная с геномной и одорологической регистрацией.

Поэтому, безусловно, криминалистическая деятельность имеет определенное значение в уголовно-исполнительной системе и требует своего развития.

Таким образом, под криминалистической деятельностью в уголовно-исполнительной системе следует понимать деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы, направленную на собирание, проверку, использование информации о следах преступной деятельности, личности преступника, потерпевшего, механизме преступления, с целью раскрытия, расследования, предупреждения преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, а также обеспечения режима.

СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ТРАНСПОРТИРОВКЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

С.А. Карнович

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ формируется в РФ из нескольких источников. Основными среди них являются следующие: контрабандный ввоз наркотических средств из-за рубежа, незаконное изготовление внутри страны, изъятие наркотических средств и психотропных веществ из легального оборота (химическая и фармацевтическая промышленность, медицина). Практически в каждом случае виновный, совершая преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, одновременно планирует действия по маскировке своей преступной деятельности.

Таким образом, следует заметить, что одним из составляющих незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, как крупных партий, так и мелких, включая деятельность так называемых «бегунков», а следовательно, способом совершения преступления, является перевозка. Среди центральных элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ можно назвать данные о способе его совершения. Перевозка осуществляется не только автомобильным транспортом, но и железнодорожным, воздушным и водным. Наряду с автомобильным транспортом железнодорожный

является самым распространенным способом перевозки межрегионального, а зачастую и международного трафика.

При перевозке наркотических средств железнодорожным транспортом следует выделить два способа. Первый – в товарных вагонах вместе с сельхозпродукцией (луком, чесноком, цитрусовыми, пряностями, т.е. имеющей острый запах). Это исключает или затрудняет использование служебных собак. Наркотики размещаются либо внутри мешков, сеток с продукцией, либо в отдельных мешках ближе к центру вагона, а также в полостях относительно небольших, но достаточно тяжелых предметов (вентильные задвижки для трубопроводов, чугунные, железные детали к различным устройствам), либо в контейнерах в отдалении от дверей вагона среди тяжелых предметов. Второй – в пассажирских вагонах как в сумках при пассажире, так и в тайниках вагона – рундуки для хранения вещей, пустоты за батареями отопления, под обшивкой сидений, в люках, в плафонах освещения, на карнизах окон и дверей, в постельном белье, в местах хранения ручной клади, вверху купейного вагона. Следует заметить, что перевозка путем глотания капсул с наркотическим средством для транспортировки железнодорожным транспортом не характерна. Так называемые «глотатели» используют такой способ при транспортировке самолетом.

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЗДАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Д.В. Ким

В настоящее время общепризнанно, что процесс расследования преступлений имеет ситуационную природу¹. Ситуационный подход позволяет конкретизировать типичные ситуации, складывающиеся в процессе расследования уголовного дела, индивидуализировать черты криминалистических характеристик видов и групп преступлений, что, в свою очередь, способствует решению разнообразных прикладных задач.

¹ Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т.С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 10–13, 16–18, 28–30 и др.

Анализ научной и методической литературы позволяет сделать вывод о том, что исследования в области криминалистических ситуаций направлены на создание информационных систем, описывающих типичные следственные ситуации, которые имеют огромное значение как для повышения эффективности научных исследований, так и в практической деятельности правоохранительных органов¹. Создаваемые в связи с этим АИПС (автоматизированные информационно-поисковые системы) МВД, ФСБ и прокуратуры способствуют не только решению частных криминалистических задач, но и в целом оптимизируют процесс расследования преступлений.

Традиционно в криминалистических рекомендациях по методике и тактике основное внимание уделялось типичным следственным ситуациям, а рекомендации, сформированные вне этих ситуаций, не могли считаться в достаточной степени эффективными. Дальнейшие же исследования показали, что число ситуаций, возникающих в процессе раскрытия и расследования преступлений, значительно выше и все их предусмотреть нельзя, поэтому даже опытный следователь зачастую оказывается в нестандартной и представляемой им неразрешимой следственной ситуации. Именно поэтому создание АИПС должно ориентироваться на ситуационный подход, позволяющий решить не только целый комплекс задач, но и учитывающий вертикальную структуру криминалистических знаний, которая, по мнению Т.С. Волчецкой, представлена следующим комплексом: тактическая задача – версия – следственные действия – цели следственных действий – тактические приемы².

По своему составу и структуре информационный массив АИПС должен состоять, на наш взгляд, из данных, характеризующих элементы криминалистической характеристики преступлений, которые могут объединяться по группам (корыстные, корыстно-насильственные и др.) или (и) видам (убийство, грабеж, разбой и т.д.). Основными источниками информации для АИПС могут являться: а) групповые (видовые) криминалистические характеристики преступлений; б) индивидуальные криминалистические характеристики уже

¹ См., напр.: *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 270; *Цветков С.И.* Криминалистическая теория принятия решений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991; *Шталов А.С.* Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М.: Лига Разум, 2000 и др.

² *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия. М.; Калининград, 1997. С. 212.

расследованных преступлений; в) другая информация, которая не охватывается понятием «криминалистическая характеристика», но имеет значение при расследовании преступлений (различные учеты, научно-методические рекомендации и др.)¹.

Субъект доказывания, проанализировав следственную ситуацию, сможет сориентировать ее на ту или иную криминалистическую характеристику, что позволит выделить узловые специфические черты и упорядочить, оптимизировать процесс расследования преступления.

Поисковые системы, действующие сегодня в России, к сожалению, чаще всего носят региональный характер, а информация в них группируется по-разному, что не позволяет в полной мере задействовать их при расследовании преступлений. Однако опыт внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов АИПС свидетельствует о том, что создание таких программ необходимо и способствует построению информационной модели расследуемого события.

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО

А.С. Князьков

Личность потерпевшего как элемент криминалистической характеристики отдельных видов преступления является важным образованием, участвующим в процессе отражения и взаимоотражения тех или иных элементов указанной характеристики.

Как отмечает один из основоположников отечественного частного криминалистического учения о личности Н.Т. Ведерников, в криминалистике, как ни в какой другой сфере познания, личность изучается во всем многообразии ее психических и физических качеств и свойств, как обусловленных природой (генетических), так и социально предопределенных, прижизненно приобретенных².

Значимость отдельных признаков личности потерпевшего для расследования преступлений того или иного вида является неодинаковой. Прежде всего различным будет объем отраженных признаков

¹ Дранкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. С. 34–35.

² Ведерников Н.Т. Криминалистическое изучение личности // Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 104.

такого элемента, как потерпевший, на других элементах криминалистической характеристики преступлений. В одних случаях наибольшее криминалистическое отражение получают данные о возрасте, личных и межличностных связях, например при совершении квартирных краж. В других случаях, например при совершении мошенничества, большее отражение получают признаки личности потерпевшего, связанные с его образом жизни, ценностными ориентациями. Для выбора соответствующих приемов расследования преступления могут использоваться криминалистические данные о физиологических, биологических и психических особенностях потерпевшего лица, например при раскрытии и расследовании изнасилования, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Кроме того, различным будет объем признаков других элементов криминалистической характеристики преступлений, получающих свое отражение на личности потерпевшего.

Чаще всего при анализе личности потерпевшего наиболее информативным элементом, отражающим признаки личности потерпевшего, называется личность преступника. Особенно такой анализ плодотворен при расследовании преступлений насильственного характера; в определенной степени такая взаимосвязь существует при совершении корыстных преступлений, например квартирных краж, а также корыстно-насильственных посягательств.

Отсутствует взаимосвязь выбора преступником своей жертвы при совершении неосторожных преступлений; в силу этого нет непосредственной связи между такими элементами криминалистической характеристики, как личность потерпевшего и личность преступника. Это видно при анализе криминалистической характеристики определенных деяний: преступное нарушение правил техники безопасности и иных правил охраны труда, преступное нарушение правил пожарной безопасности и т.д. Однако данная связь опосредуется механизмом преступления, через поведение виновного и потерпевшего и получает отражение в обстановке совершения преступления.

Потерпевший, как отмечают отдельные авторы, может выступать в нескольких качествах: во-первых, как уже имеющийся источник фактических сведений о преступлении (носитель доказательственной информации); во-вторых, как объект, всестороннее исследование которого криминалистическими средствами может обеспечить получение необходимой для расследования уголовного

дела ориентирующей информации; в-третьих, как лицо, которое в определенных следственных ситуациях неизвестно, в связи с чем выявление его с целью использования в качестве информационного источника является первоочередной задачей предварительного расследования¹.

ИСТОЧНИКИ ПОЛУЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

М.В. Кондратьев

В процессе выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (далее – НОН), а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, особое внимание должно уделяться системе получения информации о признаках подготавливаемых, совершаемых и совершенных противоправных деяний рассматриваемого вида.

В ходе проведенного исследования нами были выделены типичные источники получения информации, имеющей значение для борьбы с НОН, которые мы, в свою очередь, классифицируем на гласные и негласные.

К негласным источникам получения сведений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных наркопреступлений, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, мы относим:

- сведения, поступающие от лиц, оказывающих негласное конфиденциальное содействие оперативным аппаратам (агентов, доверенных лиц и иных конфиденентов);
- анонимные сообщения граждан (звонки по телефону доверия правоохранительного органа);
- сведения, ставшие известными оперативно-розыскным органам, о противоправной деятельности в сфере НОН, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (наиболее часто по-

¹ См., напр.: *Центров Е.Е.* Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988. С. 9.

добные сведения поступают в ходе проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, как опрос, наведение справок, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, оперативное внедрение);

– сведения о противоправной деятельности в сфере НОН, полученные из иных правоохранительных органов по подведомственности в негласном порядке (в порядке взаимодействия и обмена оперативно-розыскной информацией)¹.

В свою очередь, гласными источниками получения сведений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, связанных с НОН, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, являются:

– заявления граждан и юридических лиц о совершенных преступлениях (например, заявление жильца дома об осуществлении сбыта наркотических средств или содержании притона в соседней квартире), порядок рассмотрения которых производится в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством в форме доследственной проверки;

– сведения о противоправной деятельности в сфере НОН, полученные из средств массовой информации (из газет, телевизионных передач и других источников);

– сведения о противоправной деятельности в сфере НОН, полученные из иных правоохранительных органов по подведомственности в гласном порядке (например, направление информации в оперативно-розыскной орган из службы участковых уполномоченных полиции или подразделений по делам несовершеннолетних);

– сведения о противоправной деятельности в сфере НОН, полученные в ходе осуществления профилактической и административной деятельности сотрудниками оперативно-розыскных органов (в ходе применения мер обеспечения производства по делу об административных правонарушениях, а также при проведении различных комплексных профилактических операций).

¹ На данный момент основным нормативно-правовым актом, регулирующим порядок взаимодействия оперативных аппаратов правоохранительных органов в сфере противодействия НОН, является межведомственная Инструкция, утверждённая совместным Приказом ФСКН России, МВД России, СВР России, ФСБ России, ФСИН России, ФТС России, которая имеет соответствующий гриф секретности.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЦЕДУРЫ РАЗЪЯСНЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ВОЗНИКНОВЕНИЕМ КОНФЛИКТОВ

Н.Ю. Лебедев

Рассматривая причины конфликтов, возникающих в ходе расследования преступлений, нельзя игнорировать или недооценивать роль правовых норм и их реальное влияние на поведение всех лиц, участвующих в процессе производства по уголовному делу. Необходимо отметить, что если рассматривать право как объективную реальность, то субъективная реакция людей на право есть правосознание, т.е. совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни¹.

Правосознание участников уголовного судопроизводства напрямую может влиять на формирование и развитие конфликтов в процессе производства по уголовному делу. Обобщенное понимание закономерностей и механизмов включения правовых норм в процессы саморегуляции правового поведения личности должно основываться на реальной оценке их регулятивных возможностей².

Специфика правосознания участников уголовного судопроизводства заключается в том, что его формирование происходит в процессе уяснения норм уголовно-процессуального законодательства. Уяснение напрямую связано с обязанностью лица, в производстве которого находится уголовное дело, в разъяснении содержания норм, определяющих права и обязанности участников уголовного судопроизводства. Анализ судебно-следственной практики показал, что незнание своего правового положения является одной из причин возникновения конфликтов при производстве по уголовному делу.

Права и обязанности в правовом государстве фиксируют сложную систему взаимосвязей государства и личности, основанную на демократических принципах. Юридические права и обязанности опреде-

¹ Теория государства и права: учеб. для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 323–324.

² Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск: Университетское, 1989. С. 93–94.

ляют важнейшие параметры поведения личности в структуре общественных связей общества¹.

Незнание своего правового положения, средств и методов, предусмотренных нормами уголовно-процессуального законодательства, используя которые участники уголовно-процессуальных отношений могут реализовывать предоставленные им субъективные права и выполнять возложенные на них юридические обязанности, порождает взаимное непонимание и раздражительность, что при дальнейшем нагнетании неизбежно приводит к возникновению конфликта.

В связи с этим процедура разъяснения прав и обязанностей потерпевшему, свидетелю, обвиняемому и др., а также санкций, предусмотренных за их нарушение, предоставление возможностей для их реализации являются не просто процессуальной формальностью, предусмотренной законодательством, а необходимой процедурой, позволяющей предупредить возникновение многих конфликтов уголовного производства.

Конечно, многообразие возникающих конфликтов при производстве по уголовному делу не позволяет предложить исчерпывающий перечень мер по их предупреждению. Но стратегия предупреждения конфликтов должна быть ориентирована, прежде всего, на лиц, участвующих в расследовании преступления и формирующих политику уголовно-процессуального взаимодействия, последствия которой могут привести к развитию деструктивных конфликтов.

ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕРМАТОГЛИФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.С. Мазур

В настоящее время наблюдается активное использование методов дерматоглифики для идентификации личности в целях раскрытия и расследования преступлений. В сфере правоприменительной деятельности применение дерматоглифики осуществляется для решения различного рода экспертных задач – диагностических и идентификационных.

¹ Лукашева Е.А. Права человека: учеб. для вузов / отв. ред. член-корр. РАН, д-р юрид. наук Е.А. Лукашева. М.: Изд. группа НОРМА–ИНФРА-М, 1999. С. 92.

В результате постоянных поисков ученых имеющиеся методики совершенствуются и круг возможностей дерматоглифики систематически расширяется. К примеру, модернизирована система описания узоров дистальных, средних и основных фаланг верхних и нижних конечностей. Удалось также достичь максимальной объективизации и систематизации дерматоглифических признаков для компьютерной обработки. Немалое внимание уделяется и этно-территориальному полиморфизму по моделям дискриминантного анализа, выявлению взаимосвязей дерматоглифики не только с внешне-опознавательными признаками, но и соматотипами человека.

Что касается развития диагностического направления дерматоглифики, то исследования в этом аспекте приобрели сугубо практическую направленность¹. Так, предложенные современной дерматоглифией методы диагностики учитывают не только возможную исходную неполноту, но и низкое качество дактилоскопических отпечатков². Кроме того, разработанные методы с использованием логистической регрессии позволяют прогнозировать различные признаки человека: конституциональные, физиогномические, соматометрические.

При этом с вероятностью 95–98% могут быть установлены такие значимые показатели физического развития, как длина тела, поперечный диаметр головы, высота верхнегрудинной, позвоночной, плечевой, лучевой, шиловидной, пальцевой и верхнеберцовой точек, обхват груди и голени. Например, у мужчин при выявлении внешне-опознавательных признаков с вероятностью 90–98% могут быть оценены цвет (оттенок) кожи, степень выступания скул, выраженность надбровья, форма волос, профиль лица, ширина глаз (межглазья), толщина губ, а у женщин – форма бровей, цвет и форма волос, скошенность лба. В то же время показатели достоверности иных результатов исследования составляют: при определении руки – 90–98%, при определении пальца – 85–93%; при установлении единства происхождения отпечатка двух пальцев – 85–90%, двух кистей – 95%; при определении половой принадлежности трупов неизвестных лиц по

¹ Самиценко С.С. Диагностика в дактилоскопии // Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика) / под ред. Л.Г. Эджунова и Н.Н. Богданова. М., 2002. С. 275–293.

² Использование метода дерматоглифики в прогнозировании некоторых антропометрических показателей человека: Информационное письмо / В.Н.Звягин, Е.С. Мазур. М.: РИО ФГУ РЦСМЭ МЗиСР России, 2009. С. 16–19.

одному пальцевому узору – 80–90%, по узорам – 7–8 пальцев – 90–98%; при установлении биологического возраста: от $\pm 7-9$ до $\pm 6-7$ лет; при определении длины тела: от $\pm 5-6$ до $\pm 4-5$ см¹.

Следует также отметить, что методы дерматоглифики могут быть использованы применительно как к живым лицам, так и к трупам: при биометрической сортировке разрушенных трупов в случаях катастроф с массовыми человеческими жертвами; при составлении словесного портрета преступника по следам рук, оставленным на месте происшествия.

Таким образом, дерматоглифика является новой, нетрадиционной и достаточно экономичной технологией. Внедрение дерматоглифических методов в судебно-медицинскую и криминалистическую деятельность осуществляется в соответствии с нормативными документами и разработанными стандартами по судебной медицине и криминалистике. Сотрудникам правоохранительных органов следует максимально полно использовать возможности новых дерматоглифических методов исследования.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИКА

В.А. Машлякевич

В криминалистике основоположником учения о личности преступника считается Г. Гросс, утверждавший, что «важным условием «точной» деятельности судебного следствия является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия»². Вопросы, связанные с изучением личности преступника, также разрабатывались Н.Т. Ведерниковым, Ф.В. Глазыриным, В.А. Жбанковым, А.С. Кривошеевым, К.Т. Черновой, Р.С. Белкиным и др.

Телефонные мошенничества как вид преступной деятельности появились практически сразу после массового распространения сотовой телефонной связи. Преступники постоянно развивают способы

¹ Экспертные возможности судебно-медицинской дерматоглифики / А.П. Божченко, А.А. Толкачева, К.В. Теплов и др. // Использование специальных знаний в уголовном праве, уголовном процессе и криминалистике: сб. материалов «круглого стола», Томск, 15 марта 2012 г. / под ред. Е.И. Сусенкова. Томск: Филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России «Томский ЦНТИ», 2012. С. 11–15.

² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 44.

совершения данного вида преступлений. Вне всякого сомнения, специфические свойства личности преступника взаимосвязаны со способом, предметом, а также со следовой картиной преступления¹.

Р.Л. Ахмедшин в своей диссертации определяет криминалистическую характеристику личности преступника как «систему данных о лице, совершившем преступление, которые способствуют его поиску и изобличению»². Полагаем целесообразным использовать подход Ф.В. Глазырина, который предлагает выделить из целой структуры криминалистической характеристики личности три ее составляющих: «социально-демографические свойства, психологические качества и биологические особенности»³.

При изучении уголовных дел о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефонной связи, установлено, что в большинстве случаев (порядка 95%) преступниками выступали мужчины. Все мошенничества данной категории совершаются лицами, отбывающими наказание, лицами, в отношении которых ведется производство по уголовному делу, либо лицами, освободившимися из мест лишения свободы.

Неполное среднее образование имеют 37% преступников, среднее общее образование – 45%, среднее специальное образование – 14%, окончили высшее учебное заведение 4%. Основную массу (около 95%) составляют неработающие граждане. Возрастные категории телефонных мошенников, по нашим данным, можно обозначить таким образом: 20–25 лет – 33% преступников, 26–30 лет – 54%, 31 год и выше – 13%. Средний возраст телефонного мошенника составил 27 лет.

Одним из главных психологических свойств телефонного мошенника является коммуникабельность. Кроме того, в большинстве случаев телефонный мошенник обладает эмпатией⁴. Человек, совершающий такие преступления, имеет авантюрный склад личности, он уверен в себе и зачастую использует фактор неожиданности происходящих событий.

¹ Лазарева И.В. Расследование преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сети сотовой радиотелефонной связи: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2007. С. 77.

² Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 117.

³ Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973. С. 18.

⁴ Эмпатия – понимание эмоционального состояния другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир // Словарь-справочник «Управление персоналом» [Электронный ресурс] // <http://psyfactor.org/personal25.htm>

Телефонным мошенникам присуще умение быстро приспосабливаться к современным условиям жизни, использовать в своих корыстных целях любые изменения, касающиеся сферы телефонной связи.

На основании изложенного материала можно предложить следующий типичный «портрет» преступника, совершающего мошенничества с использованием средств телефонной связи, – это мужчина в возрасте 27 лет, со средним либо неполным средним образованием, ранее судимый либо отбывающий наказание в исправительном учреждении, коммуникабельный, уверенный в себе, стремящийся быстро обогатиться, не прилагая при этом особых усилий.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСМОТРА САМОДЕЛЬНЫХ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ (СВУ), УКАЗЫВАЮЩИЕ НА ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК НА ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.А. Обухов

Количество преступлений с использованием взрывных устройств (ВУ), в том числе и самодельных (СВУ), ставит под угрозу безопасность и стабильность личности, общества и государства.

Безусловно, меры, принимаемые на государственном уровне в укреплении безопасности и стабилизации обстановки как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах, приносят свои ощутимые результаты. Наблюдается устойчивая тенденция снижения количества совершенных террористических актов. Так, за 2012 г. на территории России было совершено 24 террористических акта, в 2011 г. – 29, в 2010 г. – 31. Тем не менее ситуация остается нестабильной, гибнут люди.

Таким образом, борьба с указанными преступлениями требует совершенствования методов, средств, приемов, в том числе криминалистических.

Однако хотелось бы обратить внимание на то, что в научной литературе недостаточное внимание уделено вопросу, имеющему, по нашему мнению, существенное значение при расследовании преступлений с использованием самодельных взрывных устройств, – это способ их изготовления. Именно в установлении, фиксации и анализе

способа изготовления СВУ во многом лежит залог успеха в раскрытии и расследовании преступлений данной категории. Зная о том, что изготовленное кустарным способом СВУ несет отпечаток индивидуальных особенностей личности преступника, данная информация будет иметь важное криминалистическое значение. На отличие будут указывать способы выполнения СВУ и (или) отдельных его элементов: микросхем, отдельных блоков СВУ или его фрагментов, способы соединения различных клемм контактов (скрутки, спайки и т.п.) с соединяющими проводами, способы зачистки, обрезание проводов, использование различных материалов и т.д.

При этом знание и опыт террористов появляются не сразу и не вдруг, и их можно проследить, установить источники происхождения. Так, до этого преступники могли проходить службу в специальных военных подразделениях или правоохранительных органах, инженерно-строительных организациях, связанных с выполнением взрывотехнических работ, лагерях незаконных вооруженных формирований (НВФ¹) и т.д. Везде своя школа, свои учителя, специфичный набор способов изготовления СВУ с характерными чертами: устойчивость (в силу привычки), применяемые материалы, орудия и схемы изготовления.

Кроме того, на наш взгляд, при определении автора, изготовившего СВУ, должна также учитываться изменчивость способа в зависимости от личностных изменений в течение времени (например, старение, утрата в процентном соотношении зрения, получения увечья и т.д.).

Таким образом, цель нашего дальнейшего исследования заключается в необходимости изучения и определения способа изготовления СВУ с целью выдвижения и проверки криминалистической версии о личности преступника и его дальнейшее установление (в частности, путем сопоставления с созданными для этих целей информационными ресурсами).

Выявленные нами данные о способе изготовления СВУ могут оказать существенную практическую помощь в расследовании уголовных дел, сузить границы поиска преступников, а также указать на серию преступлений, в которых прослеживается роль конкретных групп или отдельных участников НВФ.

¹ Используя практический опыт расследования преступлений в Северо-Кавказском регионе, можно отметить случаи обнаружения СВУ, изготовленных по чертежам и схемам, применяемым наемниками других государств (с использованием в том числе микросхем, выполненных кустарным способом иностранными наемниками), которые имели определенные отличия от СВУ, выполненных участниками НВФ, действующих на территории России.

АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Ю.В. Павленко

Возмещение вреда, причиненного преступлением, по уголовному делу, где лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, потерпевшему получить невозможно¹. Часто отсутствует реальная возможность возмещения вреда, что вызывает у потерпевших недоверие к следственным органам². Возникает необходимость в изменении закона, например, если бы лица, осуществляющие производство по уголовному делу, получили право на вознаграждение за счет суммы возмещения вреда, причиненного преступлением (не более 5%), и в Законе «Об исполнительном производстве» была бы восстановлена ст. 89 с оговоркой, что данная статья распространяется только на административные и уголовные дела. Это стимулировало бы инициативу со стороны правоохранительных органов³. По мнению О.Н. Селедниковой, данная позиция носит дискуссионный характер. Подобную норму целесообразно вводить при условии, что вознаграждение будет выплачиваться либо из средств федерального бюджета, либо с согласия потерпевшего⁴. В Уголовно-процессуальном кодексе упоминается о заглаживании причиненного потерпевшему вреда в статье, посвященной прекращению уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим (ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Добровольное возмещение материального и морального вреда не закреплено⁵. Исследование 250 уголовных дел В.А. Азаровым говорит о том, что в 22,4% дел материальный ущерб возмещался добровольно обвиняемым или его родственниками⁶. К формам добровольного возмещения вреда относятся: внесение денежных сумм

¹ Селедникова О.Н. Некоторые проблемы возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, на стадии предварительного расследования // Административное и муниципальное право. 2012. № 8.

² Клецига Е.Н. О некоторых проблемах возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему // Преступность и общество. М., 2009. С. 107.

³ Голиков О.В. Совершенствование российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁴ Селедникова О.Н. Указ. соч.

⁵ Рыжаков А.П. Возмещение вреда, причиненного преступлением. М.: Дело и сервис, 2011. С. 17.

⁶ Азаров В.А. Деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда по охране имущественных интересов граждан. Омск, 1990. С. 9; *Он же*. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Омск, 1995. С. 75.

на депозитный счет суда, который должен рассматривать дело; вручение денег потерпевшему под расписку; перечисление денег на счет, известный следователю (дознавателю); передача потерпевшему равноценного имущества в целях возмещения причиненного ему вреда¹. Органы предварительного расследования, прокуратуры и суда, выявив желание возместить вред, обязаны отразить это в материалах дела и стремиться добиться фактического восстановления их материального положения². Судья Верховного Суда РФ К.А. Сарсенбаев: «Порочный круг безответственности лиц, причинивших вред, порождает у них чувство безнаказанности и возможности ухода от ответственности без ущерба для себя»³. Имеют место случаи уголовно-правовой реституции, т.е. возмещения причиненного вреда не деньгами, а аналогичной вещью. Когда же местонахождение предметов преступного посягательства известно, они изымаются и возвращаются их законным владельцам⁴. Наиболее регламентированным способом возмещения вреда выступает гражданский иск (чч. 2 и 3 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Сделать механизм эффективным сможет только государство – за счет создания фонда возмещения вреда, причиненного преступлениями. Расходы государства взыскиваются с виновного в судебном порядке. Бюджет был не способен нести такие расходы, и парламент, а потом президент наложили на закон, а именно на ч. 3 ст. 30, вето.

УСЛОВИЯ ДОСТОВЕРНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ ДОКУМЕНТА

О.А. Попова

При расследовании и раскрытии преступлений, а также при рассмотрении дел в рамках гражданского, арбитражного судопроизводства достаточно часто возникает необходимость в использовании специальных знаний для установления истины по делу. В этом случае возможно привлечение эксперта/специалиста, результатом деятельно-

¹ Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 136–138.

² Азаров В.А. Добровольное возмещение в уголовном процессе материального ущерба, причиненного преступлением // Укрепление законности предварительного расследования в условиях перестройки. Волгоград, 1990. С. 149.

³ Сарсенбаев К.А. Порядок и практика обращения к исполнению приговоров в части гражданского иска. URL: www.zakon.kz/magazine/archive/2005_02_7.asp

⁴ Рыжаков А.П. Указ. соч. С. 19.

сти которого становится такой вид доказательства, как заключение эксперта/специалиста.

Обратные взаимосвязи между экспертной деятельностью и потребностями практики существовали всегда. И сейчас, с одной стороны, необходимость установления определенных фактов порождает разработку соответствующих экспертных методик, а с другой – выявленные в рамках экспериментальных исследований закономерности позволяют после их апробации практическим работникам ставить новые вопросы перед экспертом/специалистом.

Подобная ситуация наблюдается и в области технической экспертизы документов при установлении давности выполнения рукописи. Так, распространенность подделки документов в начале XX в. и сложности, связанные с этим при расследовании, повлекли появление нового направления в рамках экспертной деятельности – технической экспертизы документов.

Современное состояние развития указанного вида экспертизы, в свою очередь, зачастую не обеспечивает потребностей практики и не позволяет использовать заключение эксперта/специалиста в качестве основы такого важного тактического и процессуального решения следователя, как предъявление обвинения, а также вынесение судом приговора или решения. Связано это с тем, что в области определения давности выполнения документа существует проблема переноса экспериментальных исследований ученых в деятельность эксперта. Так, методика определения давности выполнения штрихов паст для шариковых ручек¹ предусматривает ее применение только при соблюдении требований к образцам, которые должны совпадать с условиями, учитываемыми при создании самой методики. В их число входят: температура воздуха, степень освещения и влажности в помещении, в котором хранился документ. При исследованиях использовались «усредненные» показатели, характеризующиеся понятием «норма».

В конкретном же случае указанные условия зачастую отличаются от экспериментальных либо же вообще не могут быть установлены. Тем самым возникает погрешность при применении методик по определению давности выполнения документа, которая, естественно, находит отражение в заключении эксперта/специалиста.

¹ URL: <http://szexpertiza.ru/content/относительная-давность-изготовления-документов> (дата обращения: 25.02.2013).

Очертив общую проблематику рассматриваемого вопроса, перейдем к тому, как, на наш взгляд, сложившуюся ситуацию можно преодолеть, т. е. повысить точность проводимых исследований. Следует провести дополнительные научные исследования: необходимо проверить степень влияния указанных выше условий на состав вещества бумаги, чернил, краски. Для этого требуется разделить на несколько групп сами показатели, например, температуру воздуха определить в интервалах с разницей не более пяти градусов. Затем выявить, насколько отличается состав веществ при изменении «обстановочных» условий, и внести изменения в существующие методики по установлению давности выполнения документа.

Таким образом, чтобы выводы экспертов, определяющих давность выполнения документа, были точны, необходимо провести дополнительные научные исследования по установлению степени влияния температуры воздуха, освещения и влажности на состав веществ бумаги, чернил, паст. Только в этом случае можно применять существующие экспертные методики и на их основе делать категорически положительные выводы.

К ВОПРОСУ О ТИПИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Е.В. Прыткова

Досудебное соглашение о сотрудничестве появилось в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) в результате изменений, внесенных Федеральным законом № 141-ФЗ от 29 июня 2009 г. В соответствии с законодательством досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ).

При заключении такого соглашения подозреваемый (обвиняемый), как правило, принимает на себя обязательства всевозможными

способами содействовать правоохранительным органам в изблечении других соучастников преступления. В ряде случаев сотрудничество сопряжено с различными угрозами в адрес «добросовестного» подозреваемого (обвиняемого). В этой связи полагаем целесообразным использование ситуационного подхода в деятельности по обеспечению безопасности такого лица, сущность которого в данном направлении заключается в диагностике конкретной следственной ситуации, а также в выборе и применении конкретных мер безопасности на основе оценки ситуации и дифференциации угроз личной безопасности обозначенного участника уголовного процесса.

В ходе проведенного исследования установлено, что по уголовным делам, по которым с подозреваемыми (обвиняемыми) заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, наиболее типичными являются следующие следственные ситуации:

Ситуация первая. Обвиняемый знаком с другим подозреваемым (обвиняемым), «проходящим» по делу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не знает о заключении такого соглашения, угроз в его адрес не высказывает. Данная ситуация встречается в 24,5% случаев, по мнению следователей, и в 23,8% случаев, по мнению оперативных работников.

Ситуация вторая. Обвиняемый знаком с другим подозреваемым (обвиняемым), «проходящим» по делу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не знает о заключении такого соглашения, но высказывает угрозы в его адрес. Обозначенная ситуация встречается в 13,3% случаев, по мнению следователей, и в 9,5 % случаев, по мнению оперативных работников.

Ситуация третья. Обвиняемый знаком с другим подозреваемым (обвиняемым), «проходящим» по делу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, **знает** о заключении такого соглашения и высказывает в связи с этим угрозы в его адрес. Удельный вес указанной ситуации составляет 28,6% по результатам опроса следователей и 23,8% – оперативных работников.

Очевидно, что последняя ситуация встречается чаще других, наиболее опасна, требует тщательного изучения и разработки методических рекомендаций, направленных на ее предотвращение. Кроме того, на наш взгляд, необходимо разработать методические рекомендации по устранению возникающих в данной ситуации угроз с учетом их дифференциации. Это направление является перспективным и нуждающимся в дальнейшем исследовании.

К ВОПРОСУ ОБ ОСМОТРЕ ТРУПА

В.Б. Стукалин

К вопросу о тактике проведения наружного осмотра трупа на месте его обнаружения обращалось большое число исследователей-криминалистов. Это авторы диссертаций, посвященных расследованию различных видов убийств, все авторы учебников по криминалистике. К их числу можно отнести Р.С. Белкина, Н.М. Букаева, В.К. Гавло, Е.П. Ищенко, А.А. Кузнецова, В.А. Образцова, М.В. Салтевского, А.Г. Филиппова, Н.П. Яблокова, В.В. Яровенко и др. В работах рассматривались вопросы, возникающие в связи с тем, что центральным объектом осмотра является труп, исходя из чего и конкретизировались особенности тактики осмотра места происшествия, в том числе и такие общие, как:

- при невозможности производства полного осмотра трупа на месте его обнаружения на месте происшествия общий осмотр трупа проводится обязательно и в полном объеме, а детальный осмотр проводится уже в морге;

- после окончания осмотра места происшествия труп направляют в бюро судебно-медицинских экспертиз или в морг при больнице для производства судебно-медицинского вскрытия;

- в большинстве случаев наружный осмотр трупа производится одновременно с осмотром места происшествия и соответственно оформляется протоколом данного следственного действия;

- осмотр трупа в соответствии со ст. 178 УПК РФ может проводиться и как отдельное следственное действие.

Анализ практики проведения осмотров мест происшествия по факту обнаружения трупа в следственном управлении следственного комитета по Новосибирской области позволяет говорить о том, что в целом изложенные рекомендации соблюдаются. Но в то же время имеются определенные особенности, одну из которых хотелось бы проанализировать.

Осмотр места происшествия по факту обнаружения трупа делят на три этапа.

Первый этап связан с осмотром общей обстановки на месте происшествия, с обнаружением и изъятием имеющихся следов (при возможности их уничтожения в случае непосредственного осмотра трупа), с определением и описанием места нахождения трупа.

Второй этап связан с непосредственным осмотром трупа в соответствии с криминалистическими рекомендациями, начиная с его позы и заканчивая обнаружением объектов биологического происхождения на теле и одежде трупа. После этого труп отправляют в бюро судебно-медицинской экспертизы.

Третий этап связан с продолжением осмотра территории, включаемой в территорию места происшествия, с обнаружением следов и иных объектов, имеющих значение для дела.

Первый и третий этапы проводятся с активным участием специалиста-криминалиста, второй соответственно специалиста – судебно-медицинского эксперта. Первый и третий этапы оформляются протоколом осмотра места происшествия, второй – протоколом осмотра трупа. При этом в протоколе осмотра места происшествия после описания места нахождения трупа следователь делает пометку о том, что «осмотр места происшествия приостанавливается», а после окончания второго этапа делается отметка о возобновлении осмотра места происшествия. Объясняются данные действия желанием «не загромождать протокол осмотра места происшествия информацией», поскольку, по словам следователей, протокол осмотра места происшествия в среднем имеет 5–8 страниц описательной части и протокол осмотра трупа 2–3 страницы. К числу объяснений относят и то, что судебно-медицинскому эксперту, привлеченному в качестве специалиста к осмотру, нет необходимости присутствовать при всем осмотре места происшествия, поскольку он нужен только для осмотра трупа.

Анализируя изложенные выше особенности, хотелось бы отметить, что такое искусственное разделение действий следственно-оперативной группы на осмотр места происшествия и осмотр трупа с предлагаемыми обоснованиями весьма спорно. На наш взгляд, при таком разделении теряется целостная картина происшедшего события, которая должна складываться при прочтении и последующем анализе протокола осмотра места происшествия. Также возникает вопрос процессуального основания «приостановления» осмотра места происшествия, поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такой возможности ни в ст. 164 УПК РФ, ни в ст. 177, 178 УПК РФ.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ

В.Б. Стукалин, Н.Ю. Лебелев

К вопросу о понятии и содержании «следственной (криминалистической) ситуации» в разное время обращались многие ученые-криминалисты¹.

Следует отметить, что, определяя сущность «следственной (криминалистической) ситуации», авторы, отражая ее многоплановость и многофакторность формирования, в качестве обязательного признака выделяли информационную составляющую. Так, Л.Я. Драпкин определял «следственную ситуацию ... как мысленную динамическую модель, отражающую информационно-логическое, тактико-психологическое, тактико-управленческое и организационное состояние, сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятный или неблагоприятный характер процесса расследования»². Е.М. Лившиц определял «следственную ситуацию» как существующую «в данный момент реальность, те условия, в которых действует следователь. ...Это характеристика условий, в которых протекает этот процесс»³. Т.С. Волчецкая определяет ее как «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразное по делу решение»⁴. Наиболее полно информационный характер «криминалистической ситуации» определяется В.К. Гавло, который считает, что в ее основе лежит «наличие или отсутствие значимой информации, сведений, фактических и иных данных по делу, сориентированных на криминалистическую характеристику отдельного вида преступления»⁵.

¹ См., напр.: *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997; *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985; *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987; *Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В.* Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006 и т.д.

² *Драпкин Л.Я.* Указ. соч. С. 17.

³ *Лившиц Е.М., Белкин Р.С.* Тактика следственных действий. М., 1997. С. 19.

⁴ *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия / под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калининград, 1997. С. 93.

⁵ *Гавло В.К.* Указ. соч. С. 224.

Исходя из информационного характера «следственной (криминалистической) ситуации», представляется необходимым провести разграничение между двумя терминами – «следственная ситуация» и «криминалистическая ситуация».

Так, И.А. Копылов верно отмечал, что «...термин «следственная» не совсем удачен. ...Правильнее было бы именовать ситуацию криминалистической»¹. Аналогичной позиции придерживается Д.В. Ким, который отмечает, что «все ситуации, изучаемые криминалистикой, мы предлагаем именовать криминалистическими, т.к. в их основе лежит криминалистически значимая (относящаяся к преступлению) информация»². Соглашаясь с мнением указанных авторов, хочется отметить, что термины, определяющие информационное содержание процесса расследования, как «криминалистическая» и «следственная» ситуации, соотносятся как общее и частное.

О ТАКТИКЕ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ БЕСКОНТАКТНОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В.С. Удовиченко

Учитывая развитие научно-технического прогресса, наркодилеры берут на вооружение новейшие достижения современных технологий. Так, в последние годы получил распространение бесконтактный способ сбыта наркотических средств.

Суть этого способа заключается в том, что между продавцом и покупателем наркотических средств исключен какой-либо физический контакт, лично они никогда не встречаются. Передача денег происходит через электронные платежные системы или операторов сотовой связи. Наркотические средства передаются посредством помещения их в различных местах, мусорках, подъездах, парках и т.д. Причем так называемая «закладка» оставляется в пустых пачках из-под сигарет, спичечных коробках, свертках бумаги или прессы и т.д.

¹ Копылов И.А. Следственная ситуация и тактическое решение. Волгоград, 1988. С. 3.

² Ким Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 36

Разоблачение таких преступлений возможно только при производстве оперативно-розыскных мероприятий, поэтому показания, полученные в результате допроса продавца наркотиков, являются важными доказательствами, подтверждающими преступную деятельность. Появление нового способа сбыта предусматривает изменение перечня вопросов при допросе подозреваемого. Кроме традиционных о возникновении умысла на сбыт, приготовлении к сбыту, виду, размеру, стоимости сбываемого средства, месте и времени сбыта, добавляется целый комплекс вопросов, подлежащих выяснению. Необходимо выяснить у допрашиваемого, обладает ли он специальными знаниями в сфере высоких технологий; уточнить способ размещения рекламы – через рассылку СМС или интернет-сообщений неопределенному кругу лиц или передача номера доверенному лицу для узкого круга наркопотребителей. Определить, использовались ли «подставные лица» при регистрации технических средства, если да, то каким образом получены их анкетные данные (кража паспорта, находка утерянных документов и т.д.); каким образом прятался наркотик, его упаковка (пачки из-под сигарет, конверты, различные свертки бумаги, газеты или журнал) и куда помещался (подъезды многоквартирных домов, почтовые ящики, урны, мусорки и т.д.); кто упаковывал и доставлял наркотическое средство к месту «закладки»; способ легализации денежных средств, использовались ли электронные деньги, если да, то какие («WebMoney», «Яндекс деньги», EasyPay, liqpay, PayPal, Pecunix).

Однако, как показывает изучение уголовных дел, такие лица отказываются от дачи показаний. Для преодоления такого отказа при допросе подозреваемого в бесконтактном сбыте наркотических средств необходимо придерживаться следующей тактики:

Во-первых, создать преувеличенную осведомленность вместе с умелым изложением собранных по делу доказательств по нарастающей и разъяснением бесполезности противодействия расследованию таким способом, как отказ от дачи показаний.

Во-вторых, разъяснить допрашиваемому, что в случае сотрудничества его безопасность будет гарантирована нормами, закрепленными в Федеральном законе №119 от 20.08.2004.

В-третьих, описать существенное снижение размера наказания в случае дачи правдивых показаний, при этом дать возможность самостоятельно изучить нормы уголовно-процессуального закона, закрепленные в гл. 40¹ УПК РФ, а также в ст. 61, 62 и 64 УК РФ.

В-четвертых, указать, что отказ от дачи показаний выглядит как лишение себя возможности защиты. Непредоставление расследующему лицу информации о объективном развитии события преступления не улучшает позицию защиты, а наоборот, усиливает обвинение, поскольку отсутствует возможность сбора и оценки той информации, которую может предоставить подозреваемый.

В заключение необходимо сказать, что мы затронули только ряд вопросов, связанных с особенностями допроса подозреваемого.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЦЕЛИ ДЕЯНИЯ В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРИ НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕВОЗКЕ ЛИБО ПЕРЕСЫЛКЕ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ИЛИ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ

Ю.А. Флягин

Специфика проверки, проводимой в соответствии с гл. 19 УПК РФ, коррелирует с содержанием субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, – незаконные операции с сильнодействующими и ядовитыми веществами должны совершаться с целью сбыта. В противном случае деяние не может быть признано преступлением.

В случае выявления факта контрабанды данных веществ (ст. 226.1 УК РФ) существует проблема установления осведомленности лица относительно характера перемещаемого вещества через таможенную границу РФ. В ходе получения объяснений от таких лиц в подавляющем большинстве случаев выясняется, что они были в неведении относительно химического состава перевозимого вещества, т.е. цель на перемещение подконтрольных веществ в действиях заподозренных не усматривается. Ввиду отсутствия иных источников информации, как правило, принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Аналогичные вопросы возникают при выявлении незаконной пересылки.

В случае совершения преступлений посредством перевозки или пересылки следователю (дознавателю) необходимо не только получить объяснение¹ у отправителя (перевозчика) сильнодействующего

¹ Получение объяснений не предусмотрено УПК РФ, однако закреплено в иных нормативных правовых актах, например, в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О поли-

или ядовитого вещества, но истребовать и изучить товаросопроводительную документацию, установить круг контактов нарушителя, изучить содержание его сообщений (СМС, e-mail, Skype, почтовых отправок). В данном случае появляются дополнительные источники информации, позволяющие сделать вывод об осведомленности лица относительно характера перевозимого (пересылаемого) вещества, установить цель совершенного деяния.

В данной ситуации может возникнуть проблема превышения полномочий субъектом уголовного процесса. Имеется в виду осуществление действий следователя (дознателя), затрагивающих конституционные права граждан, в частности право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправок. Однако, как справедливо отметил В. Будченко, описание компетенции следователя (дознателя) на стадии возбуждения уголовного дела в УПК РФ отсутствует¹. Особую актуальность вопрос доказательственного значения сведений, добытых до возбуждения уголовного дела, приобретает в том случае, когда получить аналогичные доказательства на стадии предварительного расследования затруднительно или невозможно. Например, если к началу предварительного расследования сообщения, свидетельствующие об умысле на незаконную пересылку подконтрольных веществ, будут удалены преступником.

В целях повышения результативности расследования впервые выявленных фактов контрабанды предлагаем уведомлять всех граждан России, убывающих в иностранные государства, о недопустимости в период пребывания за рубежом приобретения подконтрольных веществ и транспортировки их на территорию России, наказуемости таких манипуляций. Уведомление может быть реализовано путем вручения лицу под роспись перечня сильнодействующих и ядовитых веществ, оборот которых на территории РФ ограничен в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29.12.2007 № 964.

ции», приказе Минюста РФ от 02.09.2006 № 139 «Об утверждении Инструкции о едином порядке организации приема, регистрации и проверки в Федеральной службе судебных приставов сообщений о преступлениях».

¹ Будченко В. Проверка поводов для возбуждения уголовного дела // Законность. М., 2008. № 11 (889). С. 53.

БАЗА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ПРАКТИКИ

И.С. Фоминых

Проблема формирования принципов сбора практического материала в процессе систематизации криминалистически значимой информации при исследовании криминалистической характеристики преступления уже поднималась в криминалистической литературе¹. Полагаем, что разрабатываемая база криминалистических данных (БКД), включающая в себя в качестве модуля базу данных практического материала научных исследований, позволит осуществить практическую реализацию указанных теоретических разработок (рис. 1).

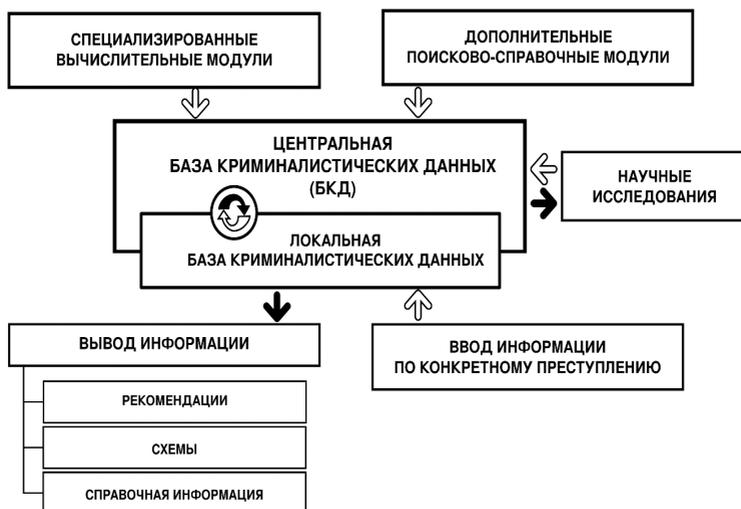

Рис. 1

Прежде всего, в БКД будет реализован ряд предлагаемых в криминалистической литературе принципов сбора практического материала, таких как:

¹ Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.

1. Ведение общей базы научных исследований, что будет обеспечивать доступ исследователей ко всему массиву собранного практического материала (конечно же, при наличии собственного вклада).

2. Формализация перечня рекомендуемых параметров исследования преступного события, что обеспечивает реализацию последующего статистического анализа результатов, полученных при исследовании однородных объектов.

3. Возможность отслеживания «судьбы» уголовных дел, на исследовании которых базировалось получение материала, позволяющая корректировать результаты исследования (например, при пересмотре уголовного дела).

Помимо перечисленного, БКД позволяет повысить эффективность взаимодействия науки и практики при разработке новых и совершенствовании имеющихся методик расследования преступлений. Не секрет, что внедрение результатов научных исследований, в частности касающихся методических рекомендаций по расследованию преступлений, в практическую деятельность оставляет желать лучшего, а отсутствие обратной связи тормозит дальнейшее совершенствование указанных методик.

В предлагаемой системе (БКД) частные методики расследования, разработанные в ходе научных исследований, включаются в базу данных в виде готовых к использованию алгоритмов, требующих для своей работы лишь наличия определенной информации (данных), имеющейся в распоряжении следователя на тот или иной момент расследования уголовного дела. Следователь выбирает ту или иную методическую рекомендацию по своему усмотрению, исходя из наличия данных, требующихся для работы алгоритма и краткого его описания.

Ученые, в свою очередь, получают доступ к систематизированным данным, хранящимся в БКД, для своих научных исследований в области разработки новых и совершенствования имеющихся методических рекомендаций. Результаты применения той или иной методики, также сохраняемые в БКД, будут способствовать обратной связи между наукой и практикой.

О ПОНЯТИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ»

А.И. Хмыз

Статья 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), проводимых в рамках оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

При осуществлении ОРД может проводиться оперативно-розыскное мероприятие «Исследование предметов и документов».

Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не дает определений ОРМ, в том числе «Исследования предметов и документов». Общепринятого определения указанного оперативно-розыскного мероприятия в теории оперативно-розыскной деятельности также нет.

Большинство ученых, в числе которых А.Е. Чечетин, Н.С. Железняк и др., справедливо относят такие исследования к непроцессуальным, однако по какой-то причине связывают объекты этих исследований с оперативно-розыскными мероприятиями. По мнению этих ученых, объекты должны быть получены в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Другие ученые (Ю.Ф. Кваша, К.В. Сурков) в основу данного оперативно-розыскного мероприятия ставят эмпирический метод. По их мнению, посредством таких исследований обеспечивается описание, сравнение исследуемых объектов – носителей информации в интересах получения тех или иных сведений.

Различные толкования (к этому приводит, на наш взгляд, отсутствие однозначных определений оперативно-розыскных мероприятий в законе, регулирующем оперативно-розыскную деятельность) порождают различные вопросы на практике.

Так, например, следует ли относить к оперативно-розыскному мероприятию предварительные исследования следов и объектов, обнаруженных при проведении первоначальных и последующих следственных действий? В рамках какого действия специалист-криминалист будет проводить исследования следов рук, обуви, орудий взлома и т.д., обнаруженных при осмотре места происшествия? Или как будут называться действия сотрудника оперативного подразделения (следует отметить, что он сам имеет право проводить исследование

объектов при наличии соответствующих средств и методов) по применению экспресс-методов, например при обнаружении в ходе обыска, иного следственного действия вещества, похожего на наркотическое?

Предварительные исследования в рамках рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия направлены главным образом на получение розыскной и иной важнейшей для принятия тех или иных решений информации. Большинство из них не содержит подробного описания (это уже ближе к экспертному исследованию) объектов, да и в этом нет необходимости исходя из особенностей таких исследований. К тому же не редки случаи, когда при проведении исследований отсутствуют соответствующие сравнительные образцы, что делает невозможным сравнение исследуемых объектов с чем-либо. Следовательно, второе определение непомерно суживает понятие.

Таким образом, самым оптимальным, на наш взгляд, будет следующее определение оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов» – это непроцессуальное исследование объектов, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленное на выявление розыскной информации, признаков преступной деятельности, а также причастности к этой деятельности конкретных лиц.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ, И СПОСОБАХ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

А.В. Шебалин

Стремительное развитие современных электронных систем оказывает непосредственное влияние на выбор преступниками способов совершения преступления, в том числе и такого, как мошенничество. Уголовная статистика свидетельствует, что в настоящее время преступники активно используют для этого средства телефонной связи.

Наиболее распространенным способом мошенничеств, совершенных с использованием средств телефонной связи, является следующий: лицо, содержащееся под стражей в следственном изоляторе ли-

бо отбывающее наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, звонит на номер потерпевшему и сообщает различные варианты заведомо ложной информации. Затем введенному в заблуждение потерпевшему сообщается сумма денежных средств для решения вопроса и способ ее передачи. При этом характерным способом передачи денег от потерпевшего является перевод денежных средств при помощи системы денежных переводов Сбербанка «Колибри».

Анализ приостановленных по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ такой категории преступлений показал, что перед следователями в ходе производства предварительного расследования стоят две основные проблемы: 1) установление лица, звонившего потерпевшему с целью ввести его в заблуждение; 2) установление лица, получившего денежные средства.

Для решения первой проблемы, т.е. для установления лица, звонившего потерпевшему с целью ввести его в заблуждение, мы предлагаем использовать сведения о соединениях по абонентскому номеру. Эти сведения получаются на основании судебного решения в соответствии со ст. 186. 1 УПК РФ.

В полученной от оператора сотовой связи распечатке важным является список абонентских номеров, с которыми осуществлялось соединение телефона потерпевшего, а также время и дата соединения. Это позволит следователю установить абонентский номер преступника. Путем направления оператору связи запроса о предоставлении сведений об абоненте, на которого зарегистрирован этот абонентский номер, можно установить личность преступника¹. Важной для установления нахождения преступника в момент совершения преступления в колонии или СИЗО является информация о соединениях по абонентскому номеру преступника с указанием базовых станций. Данную информацию можно получить также у оператора сотовой связи в соответствии со ст. 186.1 УПК РФ. Адрес базовой станции обозначен как почтовый, а азимут представляет собой место нахождения абонента в момент звонка относительно сторон света. Для того чтобы установить точное место осуществления звонка, необходимо допросить в качестве специалиста сотрудника службы безопасности оператора связи, который использует карту расположения базовых станций, информацию об их мощности.

¹ О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru>, свободный.

Теперь перейдем к решению второй задачи. Система денежных переводов Сбербанка «Колибри» позволяет отправлять и получать денежные средства как на территории России, так и за рубежом посредством тех банков, которые работают с этой программой. При необходимости перечисления денежных средств клиент приходит в банк, который работает с указанными системами, где обращается к оператору банка. После чего потерпевший заполняет заявление для отправления денег через систему денежных переводов, вносит деньги в кассу. Об этом составляется приходный кассовый ордер. В кассовом чеке содержится Ф.И.О. получателя. По этим данным следователь может установить лицо, которое по просьбе преступника получает похищенные деньги.

О КЛАССИФИКАЦИИ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА ПО СТЕПЕНИ ОБОСНОВАННОСТИ

С.С. Шеслер

Доказательственное значение заключения эксперта определяется выводами, формулируемыми на основе результатов проведенного исследования. В этой связи острые дискуссии вызывает классификация выводов эксперта по степени обоснованности, которая в научной литературе именуется также степенью подтвержденности или определенности, и, как следствие, ведутся споры относительно доказательственного значения вероятных выводов. Нет единого мнения и в отношении уместности самого выражения «вероятный вывод».

Чаще по рассматриваемому основанию выделяют категорические и вероятные (предположительные) выводы, реже – достоверные и вероятные. При этом под категорическим понимается достоверный вывод о факте независимо от условий его существования, а под вероятным – обоснованное предположение (гипотеза) эксперта об устанавливаемом факте. Таким образом, термины «категорический» и «достоверный», а также «вероятный» и «предположительный» фактически употребляются как равнозначные понятия.

Обратимся к характеристике аналогичных суждений в логике. Категорическими называются суждения, в которых предикат утверждается или отрицается относительно субъекта без формулирования каких-либо условий и при этом исключаются какие-либо альтернативные предикаты. Им противопоставлены условные и

разделительные суждения. Под достоверными же понимаются достаточно обоснованные истинные или ложные суждения. Вероятные суждения, именуемые также проблематичными (правдоподобными), определяются как суждения, которые нельзя считать достоверными в силу их недостаточной обоснованности. При этом два последних суждения имеют общий критерий деления – степень обоснованности другими суждениями.

Таким образом, при классификации выводов эксперта на категорические и вероятные происходит смешение оснований классификации, чего быть не должно. Исходя из этого, классифицируя выводы по степени обоснованности, необходимо их подразделять на достоверные и вероятные, что, в свою очередь, исключит неправильное толкование вероятных выводов, которые в научной литературе часто именуют предположительными. В этой связи представляется целесообразным разграничить вероятный вывод и предположительный.

В словаре русского языка «предположение» определяется как «догадка, предварительная мысль». То есть для предположения о существовании какого-либо факта не нужны специальные знания. В связи с тем, что заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность выводов, о чем указано в ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», понятие «предположительный вывод» вообще употреблять не следует, потому что оно лишает смысла судебную экспертизу.

Критику также вызывает предложение заменить выражение «вероятный вывод» на «вероятностный вывод», которое соответствует математической теории вероятности. По замечанию Ю.К. Орлова, «различаются математическая вероятность как числовая характеристика ... и логическая вероятность, которая определяется ... как степень подтвержденности одних высказываний другими»¹.

В настоящее время экспертные методики, разработанные на основе математических методов, отвечают не всем потребностям практики. Поэтому выводы эксперта чаще всего основываются на логической вероятности, в связи с чем выражение «вероятностный вывод» применимо лишь в случаях, когда эксперт в выводе оперирует числовыми значениями вероятности.

¹ Орлов Ю.К. Формы выводов в заключении эксперта: метод. пособие. М.: ВНИИСЭ, 1981. С. 43.

ИННОВАЦИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

С.В. Шошин

Процесс глобализации, объективно существующий сегодня, в том числе и на территории Российской Федерации, оказывает влияние на многие стороны жизни общества и государства. Не является исключением здесь и криминалистика. Моделирование множества аспектов деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в современных российских условиях предполагает учет большого числа самых разнообразных и подчас весьма неожиданных факторов. Примером тому является случай экстрадиции из Польши в Российскую Федерацию гражданина И.

Польскими компетентными органами данная экстрадиция была обусловлена необходимостью отказа российской стороны от обвинения выданного гражданина в мошенничестве. Российские компетентные органы согласились выполнить такое требование польской стороны. В результате в Московском городском суде при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей на срок заведомо свыше 12 месяцев возникла непростая правовая ситуация. Не соблюдая условия экстрадиции данного гражданина, органы следствия в РФ предъявили ему обвинение и в совершении им мошенничества. Прокурор, участвовавший в данном судебном заседании, указал на неправомерность подобного подхода следствия к вопросам квалификации действий подвергнутого процедуре экстрадиции гражданина.

Хотя и адвокат, защищавший в суде интересы гражданина И., также придерживался похожей точки зрения, судья Московского городского суда вынес решение о продлении срока содержания под стражей.

В результате при моделировании деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию такого преступления перед следователем появляется интересная дилемма:

1. Расследовать уголовное дело по обвинению гражданина И. в мошенничестве, не обращая при этом внимания на соблюдение поставленного польской стороной условия экстрадиции об исключении из обвинения указания на мошенничество.
2. Исключить из обвинения гражданина И. эпизод, квалифицируемый следствием как мошенничество. В таком случае очевидным

является полное выполнение условий экстрадиции, сформулированных польской стороной при выдаче в РФ указанного гражданина.

Как в первом, так и во втором случае возможно возникновение весьма неоднозначной ситуации с соблюдением требований действующего УПК РФ. Принять некое иное решение по данному уголовному делу в рамках процессуального законодательства современной РФ, например, направить в суд данное уголовное дело в двух вариантах: по обвинению без эпизода мошенничества и по обвинению с указанием эпизода мошенничества – также невозможно.

Отдельным вопросом здесь стоит выделить проблему определения приоритета между нормами УПК РФ и международными соглашениями о порядке осуществления процедуры экстрадиции.

Подобные казусы не были известны прежде широкой юридической общественности. Особенности применения норм действующего УПК РФ в условиях глобализации, описанные выше, свойственные современности, безусловно, предполагают разработку современных алгоритмов, используемых при моделировании деятельности следователя и иных лиц. Процесс поиска верного решения указанного вопроса оказывается в значительной степени осложнен и сложность правового режима, регламентирующего в современном российском национальном законодательстве указанный сегмент. Можно предположить, что подобные казусы вполне заслуживают привлечения внимания российского законодателя к соответствующим положениям УПК РФ.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТА

Н.В. Шухова

В настоящее время доступность информационных и телекоммуникационных технологий, внедрение в повседневную жизнь граждан вычислительной техники и средств сотовой связи, массовое использование компьютерной информации стали отличительной чертой современного общества и государства. Этот процесс, затрагивая все стороны жизнедеятельности социума, охватывает в том числе и криминальную деятельность, которой соответственно противостоит правоохранительная деятельность.

Необходимо сказать, что подразделениями МВД России¹ ведется активная борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации, информационных технологий. Все более пресекаются противоправные действия в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет.

Так, например, в августе 2012 г. Управлением «К» МВД России пресечена деятельность преступной группы, занимавшейся телефонным мошенничеством. Лидер и организатор преступной группы, находясь в исправительном учреждении, сообщал о ДТП родственникам потенциальной жертвы и требовал денег для возмещения ущерба. Денежные средства доверчивые граждане зачисляли на банковскую карту сожительницы организатора, в результате чего за 6 месяцев жителям Московской области причинен материальный ущерб на сумму около 6 млн руб. В ходе проведенных мероприятий все участники преступной группы были задержаны, организатор переведен в штрафной изолятор. Возбуждено уголовное дело по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации («Мошенничество»).

В апреле 2012 г. в Санкт-Петербурге пресечена деятельность организованной преступной группы, похищавшей денежные средства с банковских счетов граждан при помощи перепрограммированных POS-терминалов. Пострадали держатели пластиковых карт различных, в том числе крупнейших, банков Российской Федерации. География пострадавших – треть регионов России. Сотрудниками МВД установлены личности всех злоумышленников, обнаружены и изъяты: устройства для чтения и записи информации на магнитные пластиковые карты, свыше 500 сим-карт, около 100 пластиковых карт, компьютерная техника, около 20 POS-терминалов, накладки на банкоматы («скиммеры»), мобильные телефоны. Возбуждено уголовное дело по ст. 158 УК РФ («Кража»). Организатор преступной группы арестован.

При расследовании данных преступлений особо необходимо отметить значимость специальных познаний, одним из способов привлечения которых является выполнение судебной компьютерно-технической экспертизы, заключение которой может быть использовано в качестве доказательства.

При этом сложностью для многих юристов остаются по сей день технические аспекты и вопросы компьютерной терминологии², что

¹ Официальный сайт МВД РФ // <http://www.mvd.ru/>

² Илья Сачков – генеральный директор IV-group, эксперт Совета Европы по киберпреступности // Интервью на телеканале «Россия 24». Эфир 08.08.2012.

в некоторых случаях является существенным препятствием в расследовании преступлений.

В качестве итога отметим, что положительные результаты борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации, информационных технологий имеются. Криминалистика, выполняя обеспечивающую функцию по отношению к правоохранительной деятельности, ориентирована на практику противодействия преступности, а потому любые новации, как заимствуемые ею из других наук, так и разрабатываемые ею специально для собственных нужд науки, подлежат скорейшему освоению и внедрению в практику. Важная роль отводится наряду с юридическими знаниями технической подготовке юристов, так как это может оказаться одним из факторов успеха в деле предупреждения, расследования и раскрытия преступлений в обозначенной сфере.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Капитонов С.А. Экстремизм: уголовно-правовая оценка политического аргумента	5
Плохова В.И. Согласование норм различных отраслей права – требование и для законодателя, и для правоприменителя	6
Шеслер А.В. Соисполнительство как форма соучастия в преступлении	9
Беларёва О.А. Реализация права на необходимую оборону в свете ППВС РФ от 27.09.2012 г. № 19	11
Хорошилова О.С. О соотношении понятий «малозначительное деяние», «приготовление к преступлению» и «покушение на преступление»	13
Миллер А.В. О праве суда изменить категорию преступления	15
Токарчук Р.Е. Значение субъективно-нравственного взгляда на преступность деяния в уголовном законодательстве России	17
Морозов М.В. К вопросу о проблемах применения некоторых норм Общей части УК РФ	18
Лебеденко С.А. Признаки морального вреда в нормах Особой части УК РФ	20
Одищева Ю.А. Распространенность деяния как принцип его криминализации и декриминализации	22
Фролова С.М. Учет особенностей личности при назначении наказания в виде исправительных работ несовершеннолетним	24
Попов К.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания как институт уголовного права	26
Сутурин М.А. Совершение повторных преступлений несовершеннолетними как показатель эффективности наказания	27
Никитина И.А. Совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации о преступлениях в сфере экономической деятельности	29
Лощинкин В.В. К вопросу об определении в судебной практике невменяемости лица и применении к данному лицу принудительных мер медицинского характера	31
Черемисин Е.В. Нематериальные блага как объект уголовно-правовой охраны	33
Тыдыкова Н.В. О некоторых сложных вопросах квалификации насильственных половых преступлений, совершенных группой лиц или группой лиц по предварительному сговору	35
Гутник С.И. Квалификация нарушения неприкосновенности персональных данных	37
Шаганова О.М. Проблемы определения субъекта состава неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего	39
Немцев М.Ю. Электронные денежные средства как предмет преступления	40
Ермакова О.В. Проблемы определения момента окончания хищения	42
Лозинский И.В. К вопросу о декриминализации незаконного получения кредита	44

Авдеева Е.А. Специальный субъект преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.....	45
Корнилов А.В. Некоторые аспекты реализации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за организацию экстремистского сообщества.....	47
Стригуненко В.В. Видовой объект преступления, предусмотренного ст. 28 ² УК РФ.....	49
Будатаров С.М. Объект должностных преступлений.....	51
Тыняная М.А. К вопросу о характере связи между деянием и общественно опасными последствиями в составе халатности.....	53
Опалич Е.В. Частные военные компании и уголовная ответственность за наемничество.....	55
Чубраков С.В. К вопросу о минимально делимых элементах уголовно-исполнительного права.....	57
Пропостин А.А. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний.....	59
Закревская Ю.М. Соотношение целей исполнения наказания в России и Германии.....	60
Антонов Т.Г. О необходимости расширения институтов Общей части уголовно-исполнительного права.....	62
Антонян А.Г. Использование оценочных понятий при кодификации уголовно-исполнительного законодательства.....	64
Ольховик Н.В. О необходимой достаточности некарательных требований непенитенциарного режима.....	66
Павленко А.А. К вопросу о процедуре принятия юридически значимых решений медицинскими работниками исправительных учреждений.....	68
Смирнов А.Н. Теоретические и правовые проблемы исполнения наказания в виде ограничения свободы.....	70
Титаренко А.П. Дисциплинарная ответственность осужденных к ограничению свободы за причинение материального ущерба в период отбывания наказания.....	71
Прохорова М.В. Лишение свободы несовершеннолетних: кара или компенсация?.....	72
Лелик Н.Б. Обобщение опыта работы по внедрению системы «социальных лифтов» в ИУ.....	74
Диденко А.В. Проблемы реализации принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением уголовного наказания, в отношении осужденных с личностной патологией.....	76
Уткин В.А. О перспективах системы «минус–день» в российских исправительных учреждениях.....	77
Грушин Ф.В. Правовые проблемы введения в действие уголовного наказания в виде принудительных работ.....	79
Девяшин Д.Г. Сравнительный анализ правовых основ применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции и уголовно-исполнительной системы.....	82
Красильникова М.С. Проблемы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ).....	83
Новиков Е.Е. Проблемы реализации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией.....	85
Чуприна Л.В. Средства обеспечения режима испытания при условно-досрочном освобождении.....	86
Никитин А.Д. Уклонение от административного надзора и его уголовно-правовые последствия.....	88
Аниськин С.И., Бортник Л.Ю. Состояние, структура и динамика нарушений режима в следственных изоляторах.....	90

Михеенков Е.Г. К вопросу об условиях отбывания наказаний заключенными в пенитенциарных учреждениях Томской губернии в годы Гражданской войны (1918 – 1919 гг.).....	91
Аюпов В.Ш. К вопросу о личности преступника и жертвы доведения до самоубийства	93
Долматов А.О. Учет личности несовершеннолетнего при назначении уголовного наказания	95
Дудина К.А. Ресоциализация как средство предупреждения рецидивной преступности несовершеннолетних	96
Карелин Д.В. Предупреждение как необходимая дополнительная принудительная мера воспитательного воздействия	98
Логина К.Ю. Правовое воспитание в системе мер предупреждения имущественной преступности несовершеннолетних	100
Михайлова С.Н. Подходы к определению понятия «ювенальная юстиция» в России	101
Никитина Н.А. О понятии «ювенальная технология»	103
Осипова Е.С. Криминологическая экспертиза нормативно-правовых актов и антикоррупционная экспертиза	105
Писаревская Е.А. К вопросу об эффективности защиты прав несовершеннолетних правонарушителей	106
Прозументов Л.М. Изменения в уголовном законодательстве как форма реализации уголовно-правовой политики в России	108
Семенюк Р.А. Раннее предупреждение преступности несовершеннолетних	110
Федоров А.Ф. Детерминанты рецидива преступлений в Сибирском регионе и Алтайском крае	111

КРИМИНАЛИСТИКА

Алексеева Т.А. Основные проблемы анализа устной речи в криминалистике	113
Ануфриева Е.А. Проблемы взаимодействия следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД.....	114
Батраков А.В. Аспекты подмены цепочек причинных связей цепочками сосуществования	116
Баянов А.И. Задача допроса – основание для классификации приемов допроса	118
Баянов А.И., Хакимов Н.А. Необходимость изменения положений уголовно-процессуального закона о применении технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств	120
Белицкий В.Ю. Профилактика мошенничеств, совершенных по схеме «финансовых пирамид»	121
Бойко Ю.Л. К вопросу о криминалистическом содержании понятия «доказывание»	123
Горский М.В. О возможности применения полиграфа для установления обстоятельств, исключających участие в уголовном судопроизводстве	125
Грибунов О.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве при расследовании преступлений, совершаемых на объектах транспорта.....	127
Гулюк С.В. Получение сведений ограниченного доступа при проведении оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок»	128
Дергач Н.С. Производство первоначальных и неотложных следственных действий при расследовании квартирных краж	130

Жигалов Н.Ю. О необходимости развития теоретических основ пожарно-тактической экспертизы	132
Зейле Н.И. Личность в пространстве философов и правоведов	133
Зинкин В.К., Кондратьев М.В. О прямой взаимосвязи криминалистики и оперативно-розыскной деятельности с уголовным процессом	135
Иванов И.В. Вопросы оценки заключения судебно-бухгалтерского эксперта	137
Исмагилов Ф.В. Криминалистическая характеристика объектов исследования по делам о дорожно-транспортных преступлениях	139
Кабанова Ж.Ю. Криминалистическая деятельность и ее значение в уголовно-исполнительной системе	140
Карнович С.А. Способы сокрытия наркотических средств при транспортировке железнодорожным транспортом	142
Ким Д.В. Ситуационный подход как основа для создания автоматизированных информационно-поисковых систем в криминалистике	143
Князьков А.С. Тактико-криминалистическое значение сведений о личности потерпевшего	145
Кондратьев М.В. Источники получения оперативно значимой информации о противоправной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков	147
Лебедев Н.Ю. Взаимосвязь процедуры разъяснения правового положения участника уголовного судопроизводства и возникновением конфликтов	149
Мазур Е.С. Применение результатов дерматоглифической экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений	150
Машилякевич В.А. Криминалистическая характеристика личности телефонного мошенника	152
Обухов И.А. Отдельные аспекты осмотра самодельных взрывных устройств (СВУ), указывающие на личность преступника как на один из элементов криминалистической характеристики преступлений	154
Павленко Ю.В. Анализ способов возмещения вреда, причиненного преступлением	156
Попова О.А. Условия достоверного определения давности выполнения документа	157
Прыткова Е.В. К вопросу о типичных следственных ситуациях, возникающих по уголовным делам с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве	159
Стукалин В.Б. К вопросу об осмотре трупа	161
Стукалин В.Б., Лебедев Н.Ю. Криминалистические и следственные ситуации	163
Удовиченко В.С. О тактике допроса подозреваемого при бесконтактном сбыте наркотических средств	164
Флягин Ю.А. Проблемы установления цели деяния в ходе проверки сообщения о преступлении при незаконной перевозке либо пересылке сильнодействующих или ядовитых веществ	166
Фоминных И.С. База криминалистических данных как инструмент взаимодействия науки и практики	168
Хмыз А.И. О понятии оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов»	170
Шебалин А.В. О некоторых проблемах, возникающих при расследовании мошенничеств, совершенных путем использования средств сотовой связи, и способах их разрешения	171
Шеслер С.С. О классификации выводов эксперта по степени обоснованности	173
Шошин С.В. Инновации моделирования в криминалистике	175
Шухова Н.В. Современные аспекты криминалистической подготовки юриста	176

Научное издание

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 58

Редактор Е.В. Лукина
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 25.12.2013.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 11,5; усл. печ. л. 10,7; уч.-изд. л. 10,5. Тираж 500. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1